

Д.Е. Муза

**55-летию
кафедры философии ДонНТУ
посвящается**

**ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЩЕСТВО:
ПРИТЯЖАНИЯ, ВОЗМОЖНОСТИ,
ПРОБЛЕМЫ**

философские очерки

Днепропетровск – 2013

ББК 87
УДК 316.3

*Рекомендовано к печати ученым советом
ГВУЗ «Донецкий национальный технический университет»
(протокол № 1 от 06. 09. 2013 г.)*

Рецензенты:

доктор философских наук, профессор Шаповалов В.Ф.
(Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова)
доктор философских наук, профессор Шкелю М.А.,
(Киевский национальный торгово-экономический университет)
доктор философских наук, профессор Черданцева И.В.
(Алтайский государственный университет)

М-89

Муза Д.Е.

Информационное общество: притязания, возможности, проблемы. Философские очерки [монография] / Д.Е. Муза. – Днепропетровск: Адверта, 2013. – 144 с.

Монография посвящена исследованию ряда взаимосвязанных методологических проблем современной социальной теории – генезису и трансформациям социальной структуры информационного общества; уточнению роли информации в этом процессе; обоснования преимуществ и недостатков управленческих «механизмов» информационного общества; конкретизации пост-антропологической перспективы, вызревшей в meinstrim-е информационно-технологической революции.

Рассмотрение указанных проблем ведется с позиции антропологического подхода, который позволяет акцентировать внимание на наиболее болезненных «точках роста» информационного общества.

Книга рассчитана на специалистов в области социальной философии и социологии, философии техники, философской и социальной антропологии, но может быть полезна всем, кто интересуется тенденциями развития информационного общества.

ISBN 978-617-7029-18-1

© Д.Е. Муза, 2013

Содержание

ВВЕДЕНИЕ	3
РАЗДЕЛ 1. <i>Методологические вопросы исследования информационного общества</i>	16
РАЗДЕЛ 2. <i>Информационное общество: горизонты новой онтологии</i>	52
РАЗДЕЛ 3. <i>Управляемо ли информационное общество? (к постановке проблемы)</i>	82
РАЗДЕЛ 4. <i>Пост-антропология информационного общества: «болезненная страсть» в плену у прогрессирующего техноса</i>	106
ВЫВОДЫ	130
ЛИТЕРАТУРА	132

ВВЕДЕНИЕ

«Универсальность наших технологий минимальна...»

Ст. Лем

«Информации становится всё больше, а смысла всё меньше»

Ж. Бодрийяр

Общая стилистика современной культуры, в т.ч., хороший тон в науке – это все большее прямое и непосредственное участие в массмедийных формах познания мира и общения. Тем более, таковое, которое описывается прогрессией «включенности» в бесконечную сетевую вселенную.

В противном случае, «когда сеть отключает «Я», «Я» – индивидуальное или коллективное – конституирует свой смысл без глобального, инструментального соотнесения...»¹, т.е., в логике прошлых социальных структур и культурных норм, а никак не в логике «информационализма».

В настоящей монографии я пытаюсь заострить внимание на одной ключевой мысли: современное информационное общество, если охарактеризовать его посредством главного ресурса – информации, стало не только созидательным, но и разрушительным (главным образом, по отношению к человеку) феноменом. При этом всё более очевидно, что такой дуализм выступает едва ли не самым судьбоносным вызовом нашего времени. Времени, оставляющего всё меньше надежд на гармонию самого человека и его мира. Причем, мира, распавшегося на «тысячу плато» (Ж. Делез и Ф. Гваттари), где, похоже, уже нет ничего кроме блуждания в меж-бытии, в «логике И», в «интермеццо»².

Разумеется, здесь возможны возражения как сугубо теоретического, так и прикладного характера. Причем, удельный вес последних всё заметнее, и чем дальше, тем современными людьми буквально всё, включая теорию, «оценивается по виду интерфейса» (Ш. Теркл). Однако, возвра-

---

¹ Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / М. Кастельс. – М.: ГУ ВШЭ, 2000. – С. 46.

² Делез Ж., Гваттари Ф. Тысяча плато: Капитализм и шизофрения / Ж. Делез, Ф. Гваттари. – Екатеринбург: У-Фактория; М.: Астрель, 2010. – С. 44.

щение к домодернистскому «конкретному мышлению» или к «непрозрачному жизненному миру», которое по мнению С. Жижека и состоялось в культуре постмодерна³, никак не обеспечивает главного – воспроизводства человека на уровне его сущностных определений. Например, таких как труд, творчество, любовь...

В этой связи, например, российский философ В.А. Кутырев справедливо заметил: «Исчезновение любви является следствием и одновременно обуславливает духовное и социально-практическое бесплодие цивилизации, которая в своем дальнейшем существовании вместо творческих сил человека все больше опирается на саморазвитие техники. Именно эти процессы заставляют думать, что «постчеловек» не пустая фраза или метафора, а возможная или уже существующая сущность»⁴.

Напротив, в рамках разрабатываемой целым рядом авторов теории информационного общества можно встретить тезис следующего порядка: и труд, и социальная организация являются следствием новой (информационной) формы производства жизни, а никак не её причинами (!). Но этот тезис имеет и важные антропологические последствия: «Более фундаментальное (нежели марксистское, экзистенциалистское, персоналистское и т.д. – Д.М.) определение человека можно дать через его информационную сущность»⁵. При этом, отмечая взрывной характер современных коммуникаций, автор указывает на фактор гармонизации структуры коммуникаций⁶ как решающий в деле адекватного раскрытия «информационной сущности» homo. К тому же нельзя игнорировать и идеологический аргумент, который в итоге сводится к «типично западной вере» в про-

---

³ Жижек С. Чума фантазий / С. Жижек. – Х.: Изд-во Гуманитарный Центр, 2012. – С. 225 – 229.

⁴ Кутырёв В.А. Человеческое и иное: борьба миров / В.А. Кутырёв. – СПб.: Алетейя, 2009. – С. 9.

⁵ Славин Б.Б. Эпоха коллективного разума: О роли информации в обществе и коммуникационной природе человека / Б.Б. Славин. – М.: ЛЕНАНД, 2013. – С. 13.

⁶ Конечно, можно игнорировать тот факт, что реальной симметрии между отправителем и получателем информации – нет, поскольку «за» отправителем всегда стоит социальная структура с её интересами. Или же саму фактуру иерархической коммуникации. – См.: Почепцов Г. Психологические войны / Г. Почепцов. – М.: «Рефл-бук»; К.: «Ваклер», 2000. – С. 109 и сл.

гресс⁷, а значит конститутивен по отношению к социуму. Но вопрос о труде и принципах социальной организации, способных генерировать феномен отчуждения современного человека, в том числе – «запланированного», Б.Б. Славиным даже не ставится.

Собственно говоря, развитие теоретических представлений об информационном обществе в каком-то смысле заходит в тупик. В этом плане даже «Манифест информационного общества» не может скрыть имманентных ему противоречивых тенденций⁸. В частности, находящаяся в доскональной транскрипции проблемы человека в интерьере информационного общества.

При этом нужно отметить, что постановка проблемы генезиса и динамики информационного общества, причем, взятой в антропологическом измерении, состоялась не сегодня. Попытки выработки такого представления ранее имели место в работах Д. Белла, Д. Лайона, М. Маклюэна, Дж. Нейсбита, Й. Масуды, О. Тоффлера, Ф. Ферраротти, Э. Фромма, Ж. Эллюля и др. авторов. Сегодня среди западных исследователей информационного общества, прежде всего, нужно назвать М. Кастельса (университет Беркли, США), П. Химанена (Хельсинский институт информационных технологий, Финляндия), Г. Кардозо (CIES / ISCTE, Португалия), Д.В. Джордженсона (Гарвардский университет, США), Б. Коллиза (Университет Твенте, Нидерланды), Д. Мульгана (Институт социальных исследований, Великобритания), Дж. Таплина (университет Южной

---

⁷ Лайон Д. Інформаційне суспільство: проблеми та ілюзії / Д. Лайон // Сучасна зарубіжна соціальна філософія. Хрестоматія. – К.: Либідь, 1996. – С. 369.

⁸ Современный российский автор прямо говорит о противоречивой связи человека, информации и потребностей: «Корзина потребностей» в современном ее виде слишком растяжима, а при приближении к вершине пирамиды «успеха» и вовсе безразмерна. Однако идеал о свободном доступе ко всей информации, накопленной человечеством, вполне достижим. Человек информационного общества – это человек, свободно распоряжающийся всей накопленной человечеством информацией и создающий новые знания. Безусловно, в условиях полной информационной прозрачности растяжимость «корзины потребностей» существенно снизится, и основной потребностью человека станет общение и познание. Именно такая потребность должна быть удовлетворена в информационном обществе». – Славин Б.Б. Манифест информационного общества / Б.Б. Славин. – М.: «Бланком», 2010. – С. 31.

Калифорнии, США) и др.⁹ Но если ранее в их работах обсуждались технологические и социально-экономические аспекты становления информационного общества, то сейчас крен в исследованиях смещается в сторону анализа и оценки положения молодых людей и социальных движений (поколение Net)¹⁰.

Известно, что в СССР проблематику информационного общества разрабатывали Р.Ф. Абдеев, Д.М. Гвишиани, А.П. Назаретян, В.В. Налимов, Н.Н. Моисеев, А.И. Ракитов, А.Д. Урсул, И.Т. Фролов и мн. др. Общий знаменатель тут вполне технооптимистичен, поскольку он был связан с представлением о необходимом характере советской киберсоциальности. Причем настолько, что ныне здравствующий психолог А.Н. Назаретян, рассматривая очередной (технологический) канал антропосоциетальной эволюции, ставит один весьма важный акцент: «Мышление, память, восприятия, ощущения современного человека суть давно уже явления искусственные»¹¹. И его такой эволюционный сюжет в целом не страшит: «Перспектива усиления искусственного начала настолько соответствует общеэволюционной тенденции и, главное, так явственно подсказывается обостряющими экзистенциальными проблемами (накопление генетического груза и т.д.), что альтернативу ей, судя по всему, мог бы составить только окончательный крах планетарной цивилизации»¹². И это, конечно, выглядит странно с позиции смещения смыслов: с естественного – на искусственное¹³.

---

⁹ В частности, перу этих авторов принадлежит коллективный труд под редакцией Мануэля Кастельса и Густаво Кардозо: *The Network Society: From Knowledge to Policy* [(M. Castells (Ed.), G. Cardoso (Ed.))]. – Washington DC: Center for Transatlantic Relations; The Johns Hopkins University, 2006.

¹⁰ Castells M. *Networks of Outrage and Hope: Social Movements in the Internet Age* / M. Castells. – Cambridge: Polity Press, 2012.

¹¹ Назаретян А.П. *Цивилизационные кризисы в контексте универсальной истории. (Синергетика – психология – прогнозирование)* / А.П. Назаретян. – 2-е изд. – М.: Мир, 2004. – С. 235.

¹² Там же, с. 236.

¹³ Любопытно, как А.П. Назаретян планирует совместить такую интерпретацию эволюции и предложенный им же «закон техно-гуманитарного баланса». Последний гласит: «Чем выше мощь производственных и боевых технологий, тем более совершенные средства культурной регуляции необходимы для сохранения общества». - Назаретян А.П. *Цивилизационные*

Но на самом деле проблема куда сложнее, и уж если она должна обсуждаться, то в русле критики прогресса. Например, так, как это предложил Дж. Зерзан: «Апофеоз прогресса – сегодняшняя Информационная эпоха, воплощение прогрессирующего разделения труда, от прежних времен, с большими возможностями для непосредственного понимания, через следующую ступень, где знание – всего лишь инструмент репрессивной тотальности, и до нынешней кибернетической эры, где все, что осталось, – это поток информации. Смысл изгнан прогрессом»¹⁴. В остатке – «информационная болезнь» современных людей, слабо поддающаяся диагностированию и лечению¹⁵.

Разумеется, что в постсоветское время интерес к проблематике информационного общества заметно возрос, чему есть свои объективные основания в виде динамично меняющихся реальности общества и бытийных характеристик человека. Среди работ постсоветского периода нужно назвать работы российских авторов В.Л. Иноземцева, П.Н. Киричка, И.С. Мелюхина, А.И. Неклессы, В.С. Никитина, Л.В. Скворцова, А.В. Соколова, Д.С. Чернавского, А.А. Чернова, А.Н. Швецова и мн. др. В них представлены как общетеоретические (социально-философские, социологические и культурологические положения), так и частные вопросы информационно-коммуникативных практик. К примеру, П.Н. Киричек доказывает тезис о мутации структуры личности в превращенное состояние, которое происходит под воздействием целого ряда механизмов информационной эпохи¹⁶.

В отечественной литературе данному предмету посвящены диссертации, монографии и статьи Н.В. Балабановой, В.В. Буряка, И.В. Девтерова,

---

кризисы в контексте универсальной истории. (Синергетика – психология – прогнозирование) / А.П. Назаретян. – 2-е изд. – М.: Мир, 2004. – С. 112.

¹⁴ Зерзан Дж. Словарь нигилиста / Дж. Зерзан // Зерзан Дж. Первобытный человек будущего. – М.: Гилея, 2007. – С. 193.

¹⁵ Здесь хотелось бы вспомнить сентенцию О. Тоффлера о конфигуративном «я», не только революционаризировавшем свое внутреннее пространство, но и динамику собственных образов, задаваемых технологиями, т.е. о человеке, растратившем свою идентичность. – См.: Тоффлер Э. Третья волна / Э. Тоффлер. – М.: ООО «Фирма «Издательство АСТ», 1999. – С. 614 – 617.

¹⁶ Киричек П.Н. Информационная культура общества: монография / П.Н. Киричек. – М.: Изд-во РАГС, 2009. – С. 122 – 125.

М.З. Згуровского, С.В. Куцепал, Т.В. Лугуценко, Л.Г. Мельника, Г.Г. Почепцова, П.Д. Фролова и мн. др., нацеленные на уяснение «механизмов» функционирования социума как информационно-технологического кластера и фиксацию человеческого присутствия в нем. Здесь в целом преобладает радужно-оптимистический тон, поскольку постиндустриальный переход (в т.ч. для Украины) трактуется через социальный профиль Knowledge society, с его политическим вектором, экономикой и культурой¹⁷. Однако трезвый анализ этой трансформации не может утаить стремительно расширяющегося феномена антропологического кризиса¹⁸.

Такой весомый задел, естественно, дает шанс уловить сущностные характеристики информационного общества, но он же имплицитно ищет ответы на уже кажущиеся ясными вопросы (например, о программируемой социальной структуре, человеческом характере и ценностных предпочтениях), равно как и постановку новых вопросов (например, о судьбе информационной социальности).

Разумеется, на острие дискуссий все же находится человек, в рамках информационных игр стремительно отказывающийся от своей природы. Представляется, что за формулой: *информация есть мера всех вещей, а тем более, человека, вовлекаемого в «галактику Интернет» и конституируемую ею социальность отнюдь не на правах полноценного субъекта*, скрывается ряд острейших противоречий. Одно из них – станет ли e-homo, homo virtues, «дигитальный человек», «интермен» и т.д., венцом эволюции, или же его ожидает обрушение в ничто?

Тем не менее, уже в 1968 году Э. Фромм четко обозначил ландшафт проблемы, сделав предметом анализа «технотронное общество» и его членов. Вопрошая: «Как этот тип организации воздействует на человека?», он нашел вполне реалистичный сценарий будущего: «Когда большинство

---

¹⁷ Згуровський М.З. Шлях до суспільства, заснованого на знаннях / М.З. Згуровський // Згуровський М.З. Тернистий шлях до відродження: ст. та інтерв'ю. – К.: Генеза, 2010. – С. 156 – 165.

¹⁸ См. напр.: Девтеров І.В. Людина і суспільство у кіберпросторі: автореф. дис. ... докт. філос. наук: 09.00.03 – соціальна філософія та філософія історії. – К.: НТУУ „КПІ”, 2012. – С. 24 - 27; Лугуценко Т.В. Homo virtues в сучасному культурному просторі: автореф. дис. ... докт. філос. наук: 09.00.04 – філософська антропологія, філософія культури. – Луганськ: Східноукраїнський національний університет імені Володимира Даля, 2013. – С. 22 – 24, 28.

людей станут похожи на роботов, отпадет проблема делать роботов, подобных людям. Идея сходного с человеком компьютера – хороший пример выбора между очеловеченным и бесчеловечным использованием машин». И далее вердикт социального психолога: «Компьютер может послужить интенсификации жизни во многих отношениях. Но мысль о том, что он заменит человека и жизнь, – это выражение сегодняшней патологии»¹⁹.

В этом нелицеприятном сценарии есть свои положительные и отрицательные моменты, в сумме указывающие на неоднозначный – с точки зрения гуманизма – вариант социальной динамики. Но ещё больший эффект имеет позиция А.А. Зиновьева, предложившего в конце 90-х гг. прошлого столетия рациональные доказательства в пользу «глобального человејника» с его новым (информационным) типом социальной организации.

Следуя за А.А. Зиновьевым, мы должны признать ряд парадоксов: а) в постиндустриальную эпоху индустрия, несмотря на заклинания подавляющего большинства теоретиков постиндустриального общества – Д. Белла, О. Тоффлера, В. Иноземцева и др., развилась сильнее, чем в индустриальную эпоху²⁰; б) информационная революция, о которой трубят на каждом шагу, позволила сделать потрясающие шаги в наращивании информационной мощи человечества, при этом обратив её на решение задачи по «материализации души»²¹; в) считается, что представители «старого Запада» обеспечены всем необходимым для души и тела, но на самом деле они пребывают в неведении относительно их положения: они проживают десятки лет «тупого, окаменелого ожидания смерти»²², которое им подарила, урбанизированная, «гуманная», информационно совершенная, «демократическая» цивилизация!

---

¹⁹ Фромм Э. Революция надежды / Э. Фромм // Фромм Э. Психоанализ и этика. – М.: Республика, 1993. – С. 252.

²⁰ Зиновьев А.А. Глобальный человејник / А.А. Зиновьев // Зиновьев А.А. Светлое будущее: избранные сочинения. – М.: Астрель, 2008. – С. 458

²¹ Там же, с. 457 – 470.

²² Там же, с. 775 – 776.

Конечно, в таком случае (смыслового голода при информационном избытке; умалении человека при возвышении киборга; искусственном канале эволюции при деструкции естественного) перед философской общественностью стоит непростая задача непредвзятой рефлексии и откровенной оценки происходящего. Естественно, это не означает, что вся энергия социума – без очередной философской эскапады – перетечет в русло «самоуничтожающей конфронтации» (М. Кастельс). Но с другой стороны, хотим мы того или нет, мы стоим перед очередным выбором траектории развития гео-био-антропо-соцо-техносистемы, где человек не имеет сколько-нибудь адекватных критериев управление развитием. Разумеется, если не считать таковым безбрежную и не всегда отличающуюся качеством информацию²³.

Именно поэтому ниже я предложу четыре взаимосвязанных сюжета: от обзора основных методологических презумпций в отношении онтологии информационного общества, затем через рефлексию структуры и динамической составляющей с учетом управленческой компоненты, замкну дискурс на пост-антропологическую перспективу. Тем не менее, все сюжеты так или иначе сопряжены с антропологическим подходом²⁴, который видится как наиболее эффективный в деле понимания как перспектив информационного общества, как топоса существования человека²⁵, так и са-

---

²³ Здесь, разумеется, я вступаю в полемику с представителями *панинформизма*, распространенного как в материалистической, так и в идеалистической версиях. Но эта полемика направлена и на представителей *информационного нигилизма*, лишаящих информацию онтологических свойств и смысловых экстаков.

²⁴ Замечу, что он реализуется в рамках современной философии техники, и в частности, как подход, ориентирующий на постижение техносферы как «механизма формирующего поведение человека и общества». – Попкова Н.В. Философия техносферы / Н.В. Попкова. – Изд. 2-е. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – С. 165. Но что принципиально важно, именно антропологический подход обеспечивает зондирование техносферы в аспектах социо- и инфосфер, целостности социальных отношений и целостности информационных процессов. – Там же, с. 166. Между тем, этот подход в рамках анализа и оценки техносферы реализуется наряду с экоцентрическим и техноцентрическим подходами, имеющими как свою «положительную», так и «отрицательную» эвристики.

²⁵ В западной философской, социологической и культурологической литературе здесь без сомнения самым показательным является пример М. Маклюэна, который в своих классических работах «Понимание медиа», «Галактика Гуттенберга» и «Война и мир в глобальной деревне» до предела проблематизировал ситуацию человека. Она выражена в формуле: «Любая технологическая новация буквально ампутрует нас».

мого человека, чье бытие поставлено в онтологический ряд со свех-, транс- или постчеловеческими феноменами.

Словом, инфосфера или «киберия», как новый вид реальности (Д. Рошкофф) в данном разделе выступает объектом методологических интервенций, в то время как их обитатели, взыскующие смысл или профанирующие таковой, предметом анализа и оценки.

Между прочим, легитимность такого подхода вызвана недостаточным вниманием социальных наук, берущих информационное общество в стандартном прицеле: технологическом, экономическом, связанном со сферой занятости, пространственным и культурным²⁶. Напротив, как мне кажется, то ли в рамках методологической совместимости, то ли в рамках методологической исключительности, среди этих качественных критериев, приписываемых информационному обществу, должен быть задействован антропологический критерий. Который, естественно, не растворим в них без остатка.

С другой стороны, антропологический подход не только оспаривает редукционизм когнитивного подхода (cognitive science), а также ставшей весьма популярной компьютерной эпистемологии, но и демонстрирует преимущество «человеческой, слишком человеческой» точки зрения на возможности социальности в её информационной форме, а также референции человека в отношении содержательных (сущностных) характеристик таковой.

Поэтому далее я рискну обрисовать онтологический, управленческий и собственно антропологический аспекты жизни информационного общества, предполагая, что методологический крен данных очерков должен отсылать к *принципу прогрессирующего расчеловечивания человека*, беспрецедентному затушевыванию, а то и изъятию «свободной информацией» его сущности. Но указанный принцип сопряжен и с другим открытием информационно-технологической эпохи: *манифестирующего свои надежды и страхи, претензии и конфликты – подпольем*, которое при его

---

²⁶ Уэбстер Ф. Теории информационного общества / Ф. Уэбстер. – М.: Аспект Пресс, 2004. – С. 14.

сингулярных истоках всё же имеет тенденцию к глобальному масштабированию. Причем, не так важно, манифестирует оно себя через очередную twitter-ную революцию, динамику Интернет-магазинов или Интернет-аукционов, клубную жизнь и PR, и т.д., и т.п. На повестке дня бытие в режиме информационной коммодификации (от англ. commodity – товар), где человеку и его экзистенции предлагается свободно войти и разместиться в мире матрицы и жить по законам нового «всеобщего» счастья.

Конечно, данный художественный образ подполья²⁷ может показаться кому-то неуместным, но, тем не менее, он позволяет увидеть несколько принципиальных моментов: как капсулизацию человеческой самости, так и отгораживание её сущности симулякрами кажущейся полноценной экзистенции.

Данная работа представляет собой предварительный итог анализа социальных, культурных, властно-управленческих и антропологических аспектов бытия информационного общества. В ней развиты и уточнены ранее высказанные соображения²⁸, касающиеся положения и перспектив человека в информационном обществе. Вместе с тем, уяснение базисных характеристик, текущих проблем и перспектив информационного общества состоялось в рамках общения со студентами и коллегами, вовлеченных в учебные спецкурсы «Философия глобальных проблем современности», «Философия науки и техники».

Предлагая этот скромный труд читателю, хочу поблагодарить моих старших коллег по кафедре философии (профессоров Л.А. Алексееву и В.Г. Попова, доцентов П.Л. Киселёву, Т.Б. Нечепоренко, В.И. Пашкова и Т.Э. Рагозину, старших преподавателей Г.А. Лемешко, А.Н. Ищенко, В.К.

---

²⁷ Здесь не обойтись иллюстрацией из «Записок из подполья»: «Свое собственное, вольное и свободное хотение, свой собственный, хотя и самый дикий каприз, своя фантазия, раздраженная иногда хоть бы даже до сумасшествия, – вот это-то все и есть та самая, пропущенная, самая выгодная выгода, которая ни под какую классификацию не подходит и от которой все системы и теории постоянно разлетаются к черту». И далее признание от первого лица: «Неужели ж я для того только и устроен, чтобы дойти до заключения, что все мое устройство одно надувание? Неужели в этом вся цель?» – Достоевский Ф.М. Записки из подполья / Ф.М. Достоевский // Достоевский Ф.М. Повести. Рассказы. – М.: Правда, 1985. – С. 30, 32.

²⁸ См. мои работы, посвященные проблематике информационного общества в общем списке библиографии.

Трофимюка и И.М. Тоцкого, ассистента А.С. Федосова), много лет посвятивших изучению состояния и проблем современного общества, его науки и техники, и, разумеется, бытию человека. Хочу также надеяться, что молодое поколение преподавателей поддержат начинание, связанное с продвижением к новому фронтиру – информационному обществу.

Особая благодарность рецензентам – профессорам В.Ф. Шаповалову, М.А. Шкепу, И.В. Черданцевой и Г.В. Гребенькову чье компетентное мнение оказалось весьма полезным для уяснения как отдельных аспектов работы, так и текста в целом.

Литература

1. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / М. Кастельс; Пер. с англ. под научн. ред. О.И. Шкаратана. – М.: ГУ ВШЭ, 2000. – 608 с.
2. Делез Ж.. Тысяча плато: Капитализм и шизофрения / Ж. Делез, Ф. Гваттари; пер. с франц. и послесл. Я.И. Свирского. науч. ред. В.Ю. Кузнецов. – Екатеринбург: У-Фактория; М.: Астрель, 2010. – 895, [1] с.: ил.
3. Жижек С. Чума фантазий / Пер. с англ. – Х.: Изд-во Гуманитарный Центр, 2012. – 388 с.
4. Кутырёв В.А. Человеческое и иное: борьба миров / В.А. Кутырёв. – СПб.: Алетейя, 2009. – 294 с.
5. Славин Б.Б. Эпоха коллективного разума: О роли информации в обществе и коммуникационной природе человека / Б.Б. Славин. – М.: ЛЕНАНД, 2013. – 320 с.
6. Почепцов Г. Психологические войны / Г.П. Почепцов. – М.: «Рефл-бук»; К.: «Ваклер», 2000. – 528с.
7. Лайон Д. Інформаційне суспільство: проблеми та ілюзії / Д. Лайон // Сучасна зарубіжна соціальна філософія. Хрестоматія: Навч. посібник / Упоряд. Віталій Лях. – К.: Либідь, 1996. – С. 362 - 380.
8. Славин Б.Б. Манифест информационного общества / Б.Б. Славин. – М.: «Бланком», 2010. – 44 с.
9. The Network Society: From Knowledge to Policy [(M. Castells (Ed.), G. Cardoso (Ed.)]. – Washington DC: Center for Transatlantic Relations; The Johns Hopkins University, 2006. – 434 p.
10. Castells M. Networks of Outrage and Hope: Social Movements in the Internet Age. – Cambridge: Polity Press, 2012. – 200 p.
11. Назаретян А.П. Цивилизационные кризисы в контексте универсальной истории. (Синергетика – психология – прогнозирование). – 2-е изд. – М.: Мир, 2004. – 367 с., илл.

12. Зерзан Дж. Словарь нигилиста / Дж. Зерзан // Зерзан Дж. Первобытный человек будущего; [составление, перевод с английского и примечания А. Шеховцова, общая редакция Д. Каледина]. – М.: Гилея, 2007. – С. 179 – 202.
13. Тоффлер Э. Третья волна / Э. Тоффлер. – М.: ООО «Фирма «Издательство АСТ», 1999. – 784 с.
14. Киричѐк П.Н. Информационная культура общества: монография / П.Н. Киричѐк. – М.: Изд-во РАГС, 2009. – 208 с.
15. Згуровський М.З. Шлях до суспільства, заснованого на знаннях // Згуровський М.З. Тернистий шлях до відродження : ст. та інтерв'ю / М.З. Згуровський. – К.: Генеза, 2010. – С. 156 – 165.
16. Девтеров І.В. Людина і суспільство у кіберпросторі: автореф. дис. ... докт. філос. наук: 09.00.03 – соціальна філософія та філософія історії. – К.: НТУУ „КПІ”, 2012. – 35 с.
17. Лугуценко Т.В. Homo virtues в сучасному культурному просторі: автореф. дис. ... докт. філос. наук: 09.00.04 – філософська антропологія, філософія культури. – Луганськ: Східноукраїнський національний університет імені Володимира Даля, 2013. – 36 с.
18. Фромм Э. Революция надежды / Э. Фромм // Фромм Э. Психоанализ и этика. – М.: Республика, 1993. – С. 218 – 343.
19. Зиновьев А.А. Глобальный человек / А.А. Зиновьев // Зиновьев А.А. Светлое будущее: избранные сочинения. – М.: Астрель, 2008. – С. 447 – 832.
20. Попкова Н.В. Философия техносферы / Н.В. Попкова. – Изд. 2-е. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 344 с.
21. Уэбстер Ф. Теории информационного общества / Ф. Уэбстер; Пер. с англ. М.В. Арапова, Н.В. Малыхиной; Под ред. Е.Л. Вартановой. – М.: Аспект Пресс, 2004. – 400 с.
22. Достоевский Ф.М. Записки из подполья / Ф.М. Достоевский // Достоевский Ф.М. Повести. Рассказы / Ил. Ю.М. Игнатьева. – М.: Правда, 1985. – С. 3 – 111.

РАЗДЕЛ 1. Методологические вопросы исследования информационного общества

Для разделов, посвященных методологии, всегда характерно ударение на условиях и способах решения задач, определяемых и решаемых в рамках конкретного исследования. На первый взгляд, такая обусловленность проистекает из намерения дать максимальный набросок тех содержательных возможностей, которые таит (и может таить) в себе предмет настоящего когнитивного интереса.

В качестве операционального можно взять такое определение: информационное общество – это социальная система, сделавшая ресурсом собственного структурогенеза, функционирования и развития информацию и в то же время породившая сложные (проблемные) контуры обмена информацией со своими подсистемами и внешней средой.

Однако, исследуя такой сверхсложный и сверхдинамичный предмет как информационное общество, полезно поразмышлять над ним в терминах «идеально-типических крайностей» (П. Бергер, Т. Луман), т.е. спровоцировать рассмотрение предмета до таких его модальностей, которые не оставляют шанса для «катастрофической позитивности» или «позитивной катастрофичности». В чем же тут дело? Неужели обсуждение предмета нужно «загонять» в русло технопессимизма, т.е. исходить из отрицательного ценностно-эмоционального ландшафта?

Приступая к рассмотрению состояния, перспектив и проблемных узлов информационного общества, остановлюсь на нескольких общих его чертах. При этом право говорить о его (информационного общества) признаках и функциях, структурогенезе и динамике возможно сквозь призму общей установки: «Задача не в том, чтобы обсуждать или восхвалять технологию, а в том, чтобы исследовать, в какой мере можно доверять её развитию...»²⁹. В этой связи общий технологический сдвиг можно интерпретировать как переход к стремительному (лавинообразному) на-

---

²⁹ Лем С. Сумма технологи / С. Лем. – М.: ООО «Издательство АСТ»; СПб.: Terra Fantastica, 2002. – С. 63.

рациванию информации современным обществом, при котором её свертывание и уплотнение, казалось бы, играет решающую роль. Тем не менее, ситуацию определяют «закон Мура», согласно которому число транзисторов на кристалле удваивается каждые 24 месяца, а мощность вычислительных устройств – в короткие промежутки времени – растет экспоненциально. Но то же можно сказать и об информационной супермагистрале – World Wide Web или Matrix, прошедшей путь от замкнутой специальной сети лаборатории ARPANET (США) до «всемирной паутины», объединяющей свыше 2,3 млрд. человек. Но сами эти тенденции, подстегиваемые глобализацией, трансформируют бытие человека, причем как все менее активного деятеля реального физического мира, и как все более активного деятеля мира виртуального³⁰.

В этой связи возникает ряд вопросов, посвященных не только high tech-у, но и high hum-у, а именно, о систематическом воздействии информационных технологий на человека и социальную структуру. Разумеется, при регулярных революциях high tech-а.

Само же это воздействие в большинстве случаев интерпретируется как *процесс освобождения человека* от структурных, функциональных и ценностных ограничений, накладываемых индустриальным обществом. Но достаточно условными являются критерии этого освобождения: «триумфа симулякров» (Ж. Делез), «присутствие-в-отсутствии» (Ж. Бодрийяр), «отсрочки» (Ж. Деррида), *praesentia-in-absentia* (И. Смирнов), «чума фантазий» (С. Жижек) и т.д.

Но вопрос об освобождении может быть поставлен и так: «Мы сталкиваемся здесь если не с победой одной из противоположных метафизик над другой – ибо технология не избавляет от метафизики – то по меньшей мере с решающим поворотом нашей культуры в плане свободы. Но так как теперь нет ни завершения, ни конечной цели, так как человечество обрело бессмертие, субъект перестал понимать, что он собой представляет.

---

³⁰ Здесь я хочу сослаться на идею удвоения социального пространства (материальное и медиапространство), осуществленное Я. ван Дейком ещё в 90-е гг. прошлого века. См.: Dijk J.A.M. van. *The Network Society* / J.A.M. van. Dijk. – Thousand Oaks, CA: Sage Publications Ltd, 1999.

Ибо обретенное нами бессмертие – последний фантазм, рожденный нашими технологиями»³¹. Думается, что данная посылка может служить общим методологическим ориентиром для исследования проблем структурной организации и функционирования информационного общества (в т.ч. его управленческих стратегий), равно как и антропологически-постантропологического тренда.

Данная «фокус-настройка» важна для уяснения вектора и форм эволюции homo.

* * *

В качестве преамбулы для дальнейших рассуждений здесь напрашивается следующее соображение: «Несмотря на её очевидные дефекты, идея «информационного общества» остается популярной потому, что она – современная утопия, заменившая собой традиционные проекты лучшего общества. Новая утопия повторяет общую схему либеральной идеи «открытого общества»: от дымного, смрадного, конфликтного индустриального – к светлому, чистому, гуманному обществу»³². Но эта мечта о принципиально новом – информационном социо- и антропогенезе, на наших глазах превратилась в тотальную симуляцию почти всего, если не сказать большего.

Имеется в виду радикальная постановка вопроса, осуществленная Ж. Бодрийяром. Свой общий вывод: мы живем в мире, в котором все больше информации и все меньше смысла, он сделал на основе анализа трех гипотез о функциональной роли информации: 1) *информация продуцирует смысл*, хотя ей не всегда удается компенсировать случайную потерю значения во всех сферах; 2) *информация не имеет ничего общего со значением*, поскольку представляет собой сугубо инструментальную вещь (технический медиум); 3) *информация разрушает или нейтрализует смысл и*

---

³¹ Бодрийяр Ж. Пароли. От фрагмента к фрагменту / Ж. Бодрийяр. – Екатеринбург: У-Фактория, 2006. – С. 42.

³² Иванов Д.В. Глэм-капитализм / Д.В. Иванов. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2008. – С. 85.

значение (средства массовой информации) (курсив мой – Д.М.)³³. Причем последней он уделит наибольшее внимание в виду того, что в массовом сознании укоренилась и в большинстве случаев воспроизводится мысль о том, что информация – суть главный фактор генерирования и прогрессии коммуникации, что автоматически влечет за собой ускоряющую циркуляцию смысла, а значит, его рост.

Конечно, этот консенсус, представленный первой гипотезой, небезоснователен, но всё же он нуждается в рефлексии. Речь идет о мифологии прогресса, которая рано или поздно потерпит крах³⁴. Естественно, что и до Ж. Бодрийяра высказывались скептические суждения относительно нелепой веры в прогресс. Но после выявления Р. Нисбетом глубинных причин банкротства прогрессистского оптимизма, а именно, утраты западным обществом главных его, прогресса, предпосылок: 1) веры в ценность прошлого (хотя и селективного прошлого); 2) убеждения в величии западной цивилизации и её превосходства над другими цивилизациями; 3) высшей ценности, которая предписывалась экономическому и технологическому развитию; 4) веры в разум и тот вид научно-технического знания, который может быть порожден только научно-техническим разумом; 5) убеждения в ни с чем не сравнимой ценности жизни на этой земле³⁵, дискурс о прогрессе приобрел мировоззренческую релевантность. Прежде всего – в плане установления сбоя в казалось бы хорошо отлаженной «механике» истории Запада.

У Бодрийяра же прогресс, связанный с «интегральной реальностью», «гиперреальностью», устремлен в противоположном направлении, главным образом, за счет «съедания» информацией собственного содержания (смысла). Во-первых, вместо того, чтобы стимулировать коммуникацию, информация исчерпывает свои силы на инсценирование коммуникации,

---

³³ Бодрийяр Ж.. Симулякри і симуляція / Ж. Бодрийяр. – К.: Видавництво Соломії Павличко «Основи», 2004. – С. 117 - 118.

³⁴ Бодрийяр проводит параллель между коммуникативными процессами и материальным производством. Несмотря на то, что в материальном производстве имеют место «сбои» и «иррациональные моменты», массовому сознанию проще думать о том, что оно ведет исключительно к росту богатства и социальной целесообразности.

³⁵ Нисбет Р. Прогресс: история идеи / Р. Нисбет. – М.: ИРИСЭН, 2007. – С. 475 – 476.

на бесконечное воспроизводство и расширение циркулирующей схемы, в которой и коммуникация, и социальное функционируют в замкнутом круге. Во-вторых, средства массовой информации, обеспечивающие этот «инцест коммуникации», усиленно работают на деструктуризацию социального, которая сама по себе вряд ли устранима. Иначе говоря, вместо осуществления социализации людей, средства массовой информации порождают «имплозию смысла»³⁶.

Но самое, пожалуй, важное состоит в том, что такая интерпретация происходящего замыкается в формулу: «Информация – это энтропия». Расширительные редакции этой формулы таковы: «Информация, или знания, которые можно получить о каком-либо событии, уже являются формой нейтрализации и энтропией этой системы»; или же: «Информация, в которой отображается или через которую распространяется событие, уже является искривленной формой этого события»³⁷. В качестве примера Ж. Бодрийяр приводит искажение СМИ майских событий 1968 года. Речь идет о таком положении дел, когда «вынужденное и преждевременное распространение лишило исходное движение его собственного ритма и смысла, одним словом, они привели событие к короткому замыканию»³⁸.

Конечно, такой разворот проблематики взаимосвязи информации и энтропии³⁹ несколько неожидан. Дело в том, что стандартная семиотическая

---

³⁶ Бодрийяр Ж.. Симулякри і симуляція / Ж. Бодрийяр. – К.: Видавництво Соломії Павличко «Основи», 2004. – С. 119 – 120. Не секрет, что «твиттерные революции» в Азии и Африке не только подтверждают этот тезис, поскольку они не меняют главного – феномена власти, разделения труда, доминантности религии и т.д. Кроме того, не для кого не секрет, что сама «всемирная паутина» находится в полной зависимости от ведущих маркетинговых стратегий.

³⁷ Там же, с. 121 (примечание).

³⁸ Бодрийяр Ж. Реквием по медиа / Ж. Бодрийяр // Бодрийяр Ж. К критике политической экономики знака. – М.: Академический проект, 2007. – С. 243 – 244.

³⁹ Следует напомнить, что энтропия (греч. *εντροπία* – поворот, превращение) – это понятие, используемое в физике, химии, биологии и теории информации. В физике со времен Л. Карно и Р.Ю.Э. Клаузиуса оно означает функцию состояния термодинамических систем: неравновесные процессы в изолированных системах (при отсутствии внутренних источников тепла и «каналов» его отведения) сопровождаются ростом энтропии, т.е. *меры разупорядоченности системы* на уровне теплового движения частиц. В свою очередь, *негэнтропия*, или «отрицательная энтропия» (Э. Шредингер), может трактоваться как объем информации системы, мера ее упорядоченности. В рамках теории информации энтропия трактуется как мера неопределенности информации в процессах передачи сигналов от источника к получателю (К. Шеннон). Поскольку сигнал на «выходе» должен равняться сигналу на «входе», то величина энтропии равна нулю. В стандартных условиях взаимосвязь

точка зрения, делающая ударение на том, что информационные потоки обязательно проходят через сознание, оперирует схемой: объект - психика – знак (языковой, визуальный и пр.) – информация⁴⁰. Но данная схема создана на основе адаптационной модели, и является её когнитивным выражением. Для ситуации информационного общества скорее характерна деятельность-коммуникативная модель, предполагающая иные акценты. Если изменить схему и говорить о субъект – субъектной паре, то порождение количества и качества информации, разнообразия и ценности, равно как и её кодирование целиком относятся к инстанции субъекта. Но это порождение оформляется не только детерминистски⁴¹, но и стохастически, причем в рамках стремящейся к «синтетическому единству трансцендентальной языковой игры»⁴². Таковой, по сути, и выступила Сеть, которая изначально существовала в виде частной языковой игры, но, будучи идеологически направляема глобальными субъектами и усилена глобальными институтами, стала ареной Большой игры.

Если попытаться эксплицировать правила этой игры⁴³, то нужно отметить, что они кардинально отличаются от тех, которые описал Й. Хейзинга в своем анализе современной ему культуры. Во-первых, игровые формы «более или менее сознательно используются для утаивания общественных или политических намерений». Во-вторых, «можно попасть на ложный след, сталкиваясь с явлениями, обладающими при поверхностном

информации и энтропии выражается формулой: $H + Y = 1$, где H – энтропия, Y – информация.

⁴⁰ Тугаринов В.П. Философия сознания / В.П. Тугаринов. – М.: «Мысль», 1971. – С. 164.

⁴¹ В этой связи процитирую Н. Винера: «Нервная система и автоматическая машина в основном подобны друг другу в том отношении, что они являются устройствами, принимающими решения на основе ранее принятых решений». – Винер Н. Кибернетика и общество / Н. Винер. – М.: Тайдекс Ко, 2002. – С. 39.

⁴² Здесь я намеренно употребляю термин К.-О. Апеля, показавшего, что отдельные языковые игры рано или поздно могут выйти на уровень трансцендентальной языковой игры. – См.: Апель К.-О. Коммуникативное сообщество как трансцендентальная предпосылка социальных наук / К.-О. Апель // Апель К.-О. Трансформация философии. – М.: «Логос», 2001. – С. 231.

⁴³ Маршалл Маклюэн в «Понимании медиа» заметил, что «любая игра, как и любое средство информации, есть расширение индивида и группы». – Маклюэн Г.М. Понимание медиа: Внешнее расширение человека / М. Маклюэн. – 3-е изд. – М.: Кучково поле, 2011. – С. 276.

наблюдении видимостью игрового качества»⁴⁴. Отсюда идея «псевдо-игры», которая приложима ко многим феноменам современной культуры.

Вообще игра выполняла и выполняет две главные культурные функции: она есть борьба за что-нибудь и представление чего-нибудь⁴⁵. Обе эти функции связаны с некоторыми целями жизни и священными смыслами. Изначально – языческими, а в последствии – христианскими, просвещенческими, буржуазными, пролетарскими... Однако правила игры многократно устанавливают сами люди, и они же их многократно меняют вплоть до неузнаваемости. Вспомним Греко-персидские войны или те же «звездные войны» эпохи «холодной войны».

Однако в нынешней ситуации «текучей современности» (З. Бауман), где явственно выражены уплотненное пространство и «тирания момента», информационный бум и информационное перенасыщение, правомерно говорить о целом ряде игр, образующих *кризисную «матрешку» постсовременности*. Конечно, это игра больших масс людей за право презентации своего образа и обнаружение собственной идентичности; конечно, это игра с собственной природой по повышению продолжительности и безопасности жизни за счет NBIC-конвергенции⁴⁶; конечно, это игра, связанная с досугом, при заметном вытеснении продуктивного труда; конечно, это игра на большие деньги и ресурсы планеты, т.е. геоэкономическое и геополитическое лидерство; конечно, это глобальная экологическая игра, в надежде на отсрочку катастрофы; конечно, это игра с разнообразными инструментальными средствами (метатехнологиями), которым вменено в обязанность не только поддерживать, но форматировать и направлять жизненный процесс в новое эволюционное русло.

Разумеется, в этой игре все меньше места удивительным и непрактичным вещам – «звездному небу над головой» и «моральному закону внутри нас». Они, как рудименты прошлых культур, как излишества, со-

---

⁴⁴ Хейзинга Й. Homo ludens / Й. Хейзинга // Хейзинга Й. Homo ludens. В тени завтрашнего дня. – М.: Изд. группа «Прогресс», «Прогресс-Академия», 1992. – С. 230.

⁴⁵ Там же, с. 24.

⁴⁶ N – нанотехнологий, B – биотехнологий, I – информационных технологий и C – когнитивных наук.

относимые с *super ego*, не нужны нынешним социальным медипрактикам. И правила игры, на первый взгляд, формируются произвольно в этой алеаторной⁴⁷, индетерминистской вселенной. На самом деле незыблемым остается правило: кто владеет информацией – тот владеет миром. Этот постулат будет использован ниже как при анализе ценностных порядков, так и при анализе властных отношений в информационном обществе.

* * *

Итак, загадки и неожиданности таятся как в самом феномене информации (в формах и способах её трансляции и усвоения), который вот уже несколько десятков лет пытается «ухватить» и сделать подконтрольным теория информации. Поэтому, думается, важно обратить внимание на следующие моменты.

Во-первых, сама категория «информация» хотя и развивалась преимущественно в рамках кибернетических наук – теории систем (А.А. Марков, С.Г. Лебедев), теории сообщений (К.Э. Шеннон), теории управления (Н. Винер, Г. Клаус), теории организации (А.И. Китов, В.М. Глушков) и т.д., но её применение связано с представлением о сверхдинамичном характере информационных процессов именно в рамках социума, а не только естественных или технических систем. И здесь уместно сослаться на тезис Д.С. Робертсона о том, что в истории человечества наблюдается повышение «информационной емкости цивилизации»⁴⁸. Ретроспективный взгляд говорит о том, что от эпохи к эпохе эта емкость возрастала, но современная цивилизация выработала то, чего не знали её предшественницы: а) особые механизмы «смещения», а то и «скрещивания» большинства технологических процессов⁴⁹; б) систему «Коллективного Интеллекта» (Н.Н. Моисеев), соединившую

---

⁴⁷ От англ. *aleatoric* – случайный.

⁴⁸ Robertson D.S. *Phase Change: The Computer Revolution in Science and Mathematics* / D.S. Robertson. – Oxford: Oxford University Press (UK), 2003. – P. 18.

⁴⁹ Маклюэн Г.М. *Понимание медиа: Внешнее расширение человека* / М. Маклюэн. – 3-е изд. – М.: Кучково поле, 2011. – С. 48, 67.

людей информационными связями, а также обеспечившую доступ к новым знаниям и давшую возможность конкретному «индивидуальному разуму» вносить вклад в общее представление о мире⁵⁰.

Если первый пункт имеет свое достаточное основание в виде реального взрывного технологического эффекта, то второму только предстоит раскрыть тот потенциал, который ему авансирован. Речь идет о том, что «Коллективный Интеллект» как информационная система пока не выполняет функции, связанные с целостной программой действий по управлению и регулированию мировых процессов. Тем более функцию «коллективного «Учителя»⁵¹, на которого возлагал свои надежды академик Н.Н. Моисеев.

Дело, очевидно, заключается в том, что человечество – несмотря на информационную глобализацию – по прежнему дискретно (в этническом, культурном, экономическом и информационном кластерах). И это обстоятельство пока задает конфликт интересов и ценностей, который не может быть затушеван. Взять хотя бы феномен киберпреступности, т.е. возрастающее количество хакерских атак, идущих по линии «Восток – Запад» или «Запад – Восток»; или «Большого американского брата» (скандал, связанный с обнародованием секретной информации сотрудником ЦРУ Э. Сноуденом), все явственнее обнаружившего свою тоталитарную сущность.

Во-вторых, теория информации проводит очень четкую границу между связанной и свободной информацией, что вообще чрезвычайно важно в контексте становления информационного общества. Вспомним, что это различие уже ввел Л. Бриллюэн⁵², а в последствии развивали советские и западные авторы. Общим итогом их теоретизирования можно считать формулу: информация, ограниченная рамками той или иной системы, называется связанной или структурной, а информация, участвующая во взаимодействии с иными системами (по отношению к

---

⁵⁰ Моисеев Н.Н. Информационное общество: возможность и реальность / Н.Н. Моисеев // Информационное общество: Сб. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2004. – С. 440.

⁵¹ Там же, с. 444.

⁵² Бриллюэн Л. Наука и теория информации / Л. Бриллюэн. – М.: Физматгиз, 1960.

исходной), имеет статус свободной или оперативной. Однако здесь нас поджидает несколько коллизий: а) по-видимому, свободная информация, как и знания вообще, подчиняются теореме К. Геделя о неполноте формализованных систем, что влечет за собой следствие неопределенности; б) включение такого рода информации в контуры познания и управления на уровне семантического и прагматического аспектов может порождать фрактальность, поскольку знаковые и ценностно-целевые координаты бытия сами по себе произвольны; в) считается, что фундаментальное свойство информации – это то, что на неё не распространяются законы сохранения. В частности, речь идет о том, что при прохождении информационных систем она может бесследно исчезать.

Это касается не только экономической и финансовой сфер глобального мира (где по оценкам экспертов в обороте находится до 30 трлн. электронных денег), но и самого функционирования всей социокультурной системы информационного общества. Причем, флуктуирование информации, как и её «пожирание» системой располагается в определенных полюсах. Мнения об их месторасположении (статическом или динамическом), характере (политическом, экономическом, культурном или же собственно когнитивно-ценностном), способах воздействия (сообщениях, спаме, информационной атаке, шуме, спектакле) разнятся. Но важным здесь видится общесоциологический закон метаболизма информационного общества, как его *credo*, указывающее на предметные/ символические ценности. И.П. Смирнов так обрисовал эту модель: «Современное общество поляризовано *между обманом-борьбой и релаксацией, тотальной демобилизацией*. Электронная индустрия обслуживает оба полюса, поставляя одним лицам средства маскировать свою идентичность во «всемирной паутине», а другим – открывать широчайшие возможности для компьютерных игр, вступивших в соревнование с наркозависимостью»⁵³ (выделено мной – Д.М.). Разумеется, такая

---

⁵³ Смирнов И.П. Кризис современности / И.П. Смирнов. – М.: Новое литературное обозрение, 2010. – С. 202.

постановка проблемы полюсов информационного общества должна быть конвертирована в методологический ресурс, работающий на разоблачение не-подлинности и хрупкости социальных связей, на прояснение отчужденной формы человеческого бытия.

* * *

Естественно, что при рассмотрении информационного общества следует указать на структуру, содержание и характер информационных процессов, лежащих в основе новой бытийной реальности. И первое, о чем нужно сказать, так это внимание к «удивительному парадоксу»: сегодня реальность создается виртуальными средствами, которые сами по себе реальностью не являются⁵⁴. Но возникает вопрос: не этот ли момент порождает достаточно резкую скептическую реакцию у современных исследователей?

Например, четко заявленную российской исследовательницей В.Л. Силаевой. Она настаивает на следующем положении, что какова бы ни была реальность (R), для неё возможна (при определенных условиях) виртуальная реальность (VR), осуществляющаяся через подмену (заменяющая, но не вытесняющая её). Эта операция может быть выражена формулой: $VR \supset VR$ ⁵⁵. При этом динамика роста виртуальной реальности, изоморфность структур и функций реального и виртуального, а также её критерии перемещаются в область виртуального, а не физического бытия⁵⁶.

Естественно, что в таком случае современная социальная теория ставит под вопрос саму возможность конституирования информационного общества. Так, российский автор Г.А. Осипов, предметно изучающий ме-

---

⁵⁴ Никитин В.С. Технологии будущего / В.С. Никитин. – М.: Техносфера, 2010. – С. 191.

⁵⁵ Силаева В.Л. Подмена реальности как социокультурный механизм виртуализации общества. Автореферат диссертации... кандидата философских наук. – М.: МГТУ им. Н.Э. Баумана, 2004. – С. 6.

⁵⁶ Считается, что VR характеризуется: а) нематериальностью влияния; б) условностью параметров объектов; в) эфемерностью. – См.: Иванов Д.В. Виртуализация общества / Д.В. Иванов. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2000. – С. 18. Однако последний пункт, а именно свобода входа/ выхода в VR обеспечивает возможность прерывания и возобновления существования.

ханизм деградации современного общества, находит три весомых контр-аргумента, связанных с производительными силами социальной системы.

Во-первых, «никакой информационной революции не происходит. Необходимый признак технической революции – скачок производительности труда. Такой скачок имел место в своё время в связи с изобретением паровой машины. Позже революционными оказались двигатели внутреннего сгорания, электричество и химия полимеров. Что касается всемирной «паутины», то её распространение привело к обратному эффекту, который обнародовали американцы: производительность труда снизилась из-за возросших потерь рабочего времени». И далее самое интересное: «Несколько раньше, чем появился Интернет, в западном обществе возникла и обсуждалась на серьезном научном уровне проблема свободного времени. Интернет является частью решения этой проблемы, он и используется в основном не для производства национального богатства. Кроме того, он содержит ничем не ограниченную «шумовую» составляющую. Праздность, сопутствующая работе в Сети, маскируется понятием постиндустриального, «информационного» общества»⁵⁷.

Во-вторых, «информационного шума всегда больше, чем полезной информации. Если взять технико-экономическую сферу, то полезная информация рано или поздно материализуется. Но известно, что полезно используется всегда меньшая часть информационного задела. По западным оценкам, примерно только пятая часть разработок заканчивается в лучшем случае экспериментальным образцом...». И далее: «Каждый из созданных болтов, гаек, химических реактивов, кирпичей и урожаев, а также их комбинации, перемещения или превращения составляют в сумме вполне определенный информационный массив. Прибавим к этому информационную «незавершенку» для будущего внедрения и получим информационный объем национального дохода. Это и есть та «железная», внедряемая часть информации, которую накопило общество. Вся информация, созданная и создаваемая сверх этого, не будет внедрена *никогда*», несмотря

---

⁵⁷ Осипов Г.А. Механизм деградации общества / Г.А. Осипов. – М.: Научный мир, 2005. – С. 123.

на её привлекательность и рыночные котировки». Отсюда вывод: «Поэтому так называемый информационный взрыв относится в большей степени к «шумовой» составляющей, а не к отборной, первосортной информации, имеющий ограниченный объем и ясные перспективы. Возможно, последняя даже дефицитна, если учесть нарастающую лавину нерешенных экологических проблем» (курсив – Г.О.)⁵⁸.

В-третьих, в ходе отбора информации человеком неизбежны ошибки, обусловленные присущими ему органическими пороговыми свойствами: «Ошибки первого рода – когда «режут» полезную информацию, приняв её за шумовую составляющую. Ошибки второго рода – когда, наоборот, пропускают шумовую составляющую, приняв её за полезную». Для подобных ситуаций, считает Г.А. Осипов, существует один выход: «Сведение к минимуму количества ошибок за счет совершенствования алгоритмов отбора и разумной регулировки пороговых условий – то, что называется оптимизацией»⁵⁹.

Но проблема оптимизации имеет системный характер и требует от субъектов, её реализующих, такого уровня метазнаний, которые способны погасить процессы роста энтропии как за счет работы с адекватной кодировкой и трансляции информации, так и за счет научения реципиентов её воспринимать и интерпретировать заложенные в ней смыслы. По большому счету, таким образом, чтобы смысл не только выступал в форме понятности (=связности жизненного пространства, его цельности и полноты), но и истинности, которая не может не быть включенной в смысл⁶⁰.

Однако общая интрига информационной эпохи («базовое социальное противоречие информационной эпохи есть противоречие между «информационным сообществом», участвующим в разработке и применении технологий формирования сознания, и всех остальных социальных слоев и групп современного общества, члены которого являются простым объек-

---

⁵⁸ Осипов Г.А. Механизм деградации общества / Г.А. Осипов. – М.: Научный мир, 2005. – С. 124.

⁵⁹ Там же, с. 125.

⁶⁰ Гига А.В. Интерпретация и смысл (структура понимания гуманитарного текста): Монография / А.В. Гига. – Харьков: Коллегиум, 2005. – С. 108.

том систематического применения указанных технологий»⁶¹) имплицитно ставит вопрос о необратимом процессе разделения человечества, которому якобы бесплатно и впрок представляется «саморенферентная информация», причем в любых объемах. На самом деле по критерию селекции информации и мотивационному накалу общность, как правило, распадается.

Представляется вероятным, что дифференциация медиaprостранства происходит из-за сообразования конкретных экономических условий и интересов, плюс политических притязаний и целей с формами кажущихся доступными всем коммуникаций. В действительности всё обстоит иначе: кооммуникативные системы оперативно замкнуты на центры, в которых генерируются содержания сообщений и их смыслы. Иначе говоря, на реальную власть, которая презентует себя в символической форме и осуществляет мягкую дифференциацию в зависимости от намеченного ранее разделения труда и собственности. Сегодня – досуга и гедонизма. В конце концов, это упорядочение носит весьма неоднозначный характер: схема успеха/ неуспеха, лежащая в основе медиума «власти» не позволяет ему управлять обществом на уровне «универсальной компетенции»⁶².

Но остаются вопросы, нацеленные на выявление принципов организации информационного общества, как системы с заложенным в него режимом демократизации.

* * *

Характеризуя онтологию информационного общества, важно прислушаться к ряду аргументов, говорящих о его преимуществах. В частности, прежде всего рассмотреть социально-экономические аргументы в его пользу.

Так, Т. Стоуньер, рассуждая о социально-экономических основаниях этого типа общества, сводимых к *богатству, стоимости и информации*, во-первых, указывает на человеческий капитал как на важнейший ресурс

---

⁶¹ Делягин М.Г. Мировой кризис: Общая теория глобализации: Курс лекций / М.Г. Делягин. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: ИНФРА-М, 2003. – С. 194.

⁶² Луман Н. Общество общества / Н. Луман. – М.: Издательство «Логос», 2011. – Кн. 2: Медиа коммуникации. – С. 375.

этого общества; во-вторых, подчеркивает особую роль образования в деле формирования богатства⁶³; в-третьих, предлагает видеть в информационной революции важнейший фактор экономической жизни, всё чаще выражающийся в финансовых категориях⁶⁴. Но ценно и его сравнение экономик всех трех типов обществ – аграрного, индустриального и постиндустриального (информационного), проводимое им по целям хозяйственной деятельности и ограничителями в их достижении: «В аграрной экономике хозяйственная деятельность была связана преимущественно с производством достаточного количества продуктов питания, а лимитирующим фактором обычно была доступность хорошей земли. В

---

⁶³ Не так давно в рамках Всемирного экономического форума в Давосе (24 января 2013 года) состоялся весьма любопытный круглый стол «RevolutiOnline.edu – Online Education Changing the World». Среди тех, кто обсуждал проблемы современного онлайн-образования, как прорывного направления в развитии информационного общества, были основатель Microsoft Corporation Билл Гейтс, один из ведущих филантропов мира Питер Тиль, основатель PayPal Ларри Саммерс, почетный президент Гарвардского университета Джимми Уэйлс, основатель Википедии Рафаэль Рейф и другие известные топ-персоны. – Режим доступа: <http://www.youtube.com/watch?v=T6OXXZXBntA>. Самое любопытное здесь состоит в общем тезисе, прозвучавшем на круглом столе: распространение онлайн-образования приведет как к коренным изменениям в глобальной системе образования, так и в конституировании нового профиля социальности. Так, Билл Гейтс, основатель Microsoft Corporation, один из ведущих филантропов мира, считает, что революция в образовании назрела давно, но онлайн-образование является только одним из предвестников этой революции. «Самым важным фактором является мотивация, а не интернет. На данный момент онлайн-сектор образования постоянно развивается и ищет новые приемы, но качество онлайн-курсов должно существенно улучшиться. Подтверждение образовательного уровня сертификатами или дипломами и доверие работодателей к нему остается серьезной проблемой. Очень важно, кто и как будет определять качество и соответствие образования», - подчеркнул Гейтс. «Интернет-образование дает огромные возможности для перемен, но сталкивается с сопротивлением со стороны существующих обычных учебных заведений», - считает Питер Тиль, партнер Фонда Фаундерс, основатель PayPal. Он обратил внимание участников круглого стола на проблему доступа к качественному образованию, что сегодня является ключевой проблемой как для развивающихся, так и для развитых стран. По его словам, с начала 1980-х годов стоимость университетского образования выросла в четыре раза, и, в сущности, высшее образование является ещё одним экономическим «пузырём», потому что даже диплом ведущих университетов не гарантирует высоких доходов на рабочем месте. Поэтому, считает Питер Тиль, «сфера образования должна быть перестроена полностью». По его словам, образование включает в себя три функции. Первая, и основная – это обучение, вторая - страхование, позволяющая отдельным лицам выбирать школы и университеты, чтобы гарантировать потенциальную занятость и карьеру. Наконец, третья функция - соревновательная, или турнирная, которая, к сожалению, не приносит никакой выгоды участникам экзаменов или тестов как среди школьников, так и среди студентов. Однако люди до сих пор не знают, какая из функций наиболее важна (!).

⁶⁴ Стоуньер Т. Информационное богатство: профиль постиндустриального общества / Т. Стоуньер // Новая технократическая волна на Западе. – М.: Прогресс, 1986. – С. 392 - 396.

индустриальной экономике хозяйственная деятельность была по преимуществу производством товаров, а лимитирующим фактором – чаще всего капитал. В информационной экономике хозяйственная деятельность – это главным образом производство и применение информации с целью сделать все другие формы производства более эффективными и тем самым создать больше материального богатства»⁶⁵. Отсюда следует мысль о переходе экономики в сервисное состояние и её расширение до транснациональных масштабов.

Но следует вспомнить, что ещё классик постиндустриальной теории Д. Белл, конкретизируя экономические постулаты информационного общества, показал, что в производственной триаде: *земля – капитал – труд*, происходит трансформация последнего члена не без помощи открытых В. Зомбатом и Й. Шумпетером «деловой инициативы» и «предприимчивости».

По-сути говоря, в информационном обществе знания и способы их практического применения замещают труд в качестве источника прибавочной стоимости⁶⁶. Кроме того, информация, помимо сугубо политического измерения («информация – это власть»), приобретает особое экзистенциальное значение («доступ к информации есть условие свободы»)⁶⁷, помогая индивидам раскрыть свой внутренний потенциал. Любопытно, но данный тезис ранее доказывал своими культурологическими изысканиями М. Маклюэн⁶⁸.

В частности, он вывел новую формулу истории человечества, согласно которой общество ранее прошло «устную», «письменную» и «книгопечатную» эры, а сейчас входит в «виртуальную». Так, в его концепции представлен технологический (коммуникативный) процесс, поскольку именно средства, при помощи которых люди поддерживают связь

---

⁶⁵ Там же, с. 397.

⁶⁶ Белл Д. Социальные рамки информационного общества / Д. Белл // Новая технократическая волна на Западе. – М.: Прогресс, 1986. – С. 332.

⁶⁷ Там же, с. 335.

⁶⁸ Отсылаю читателя к классической работе канадского ученого: Маклюэн М. Галактика Гутенберга: Становление человека печатающего / М. Маклюэн. – М.: Академический проект; Фонд «Мир», 2005.

между собой и миром, значат не меньше (а на самом деле – больше), нежели содержание их сообщений⁶⁹. Этот процесс меняет – в сравнении с прежней эпохой с её планами, темами и графиками – почти всё. Но главные средства коммуникаций до неузнаваемости изменяют экономику, политику и культуру.

Ещё более выверенной версией происходящего социального сдвига можно считать концепции американских исследователей М. Кастельса и Д. Нейсбита. Одна из них подчеркнута оптимистическая, а другая полна скепсиса в отношении динамики техносферы и решимости преодоления ситуации в направлении создания «глубокой гуманности».

Согласно М. Кастельсу, ключевая технология современности – Internet на наших глазах создает новую эру в истории человечества. Во-первых, возникающая «галактика Интернет» воплощает новое измерение свободы и культуру личного творчества; во-вторых, она является источником принципиально новой – «электронной экономики», где труд, капитал и производительность определяются и оцениваются в инновационном контексте; в-третьих, она формирует неизвестное ранее русло для общественных движений за счет расширения и фрагментации сети; в-четвертых, она выстраивает новую модель в отношениях личности и государства, опосредованную «сетевой демократией»; наконец, она меняет характер человеческого сознания, вводя в его онтологию аспект виртуальности⁷⁰. В таком случае Интернет исполняет роль информационно-технологического базиса для формирования общества новой эры.

Более того, М. Кастельс настаивает на том, что происходящая социальная трансформация формирует беспрецедентную *информационно-технологическую парадигму*, конститутивную по отношению к экономике, политике и социальным процессам. Её характерными чертами являются:

- при функционировании общества нового типа набирают особый вес *совокупность технологий для воздействия на сами информационные*

---

⁶⁹ Маклюэн М. Средство само есть содержание / М. Маклюэн // Информационное общество: Сб. – М.: ООО «Изд-во АСТ», 2004. – С. 341.

⁷⁰ См.: Кастельс М. Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе / М. Кастельс. – Екатеринбург: У-Фактория, 2004.

процессы, т.е. главный ресурс (сырой и несовершенный) его, информационного общества;

- *новые технологии характеризуются всеохватностью*, или способностью оформлять и мягко определять линии индивидуального и коллективного поведения;
- бытие социума всё больше подчиняется *сетевой логике*, которая распространяется на любую из подсистем этого общества, равно как и на совокупность господствующих отношений;
- *все процессы*, соотносящиеся с сетевыми конфигурациями, *являются гибкими, т.е. обратимыми и «организационно текучими»*, поскольку любую материальную базу можно в достаточно короткие сроки перепрограммировать и перевооружить;
- жизнь информационного общества отличается тенденцией к *конвергенции конкретных технологий в высоко интегрированной системе*, где любые технологические траектории (включая старые) становятся неразличимыми⁷¹.

В этой связи вполне резонно заметить, что именно разработчики новых технологий, точнее, владельцы центров разработки и обкатки новых технологических решений выступают в роли наиболее влиятельных субъектов глобальной экономики. Именно они закладывают принципы формирования рынков, лоббируют свои интересы, рекрутируют огромные армии наемных работников, занимаются мягкой регулировкой спроса и предложения на свою продукцию.

Более того, существует мнение (А.А. Зиновьев, В.А. Дергачев, Э.Г. Кочетов, А.И. Неклесса, С. Амин, Э. Валлерстайн, П. Кругман, Дж. Стиглиц и др.) об иерархической структуре мировой экономики.

Ниже целесообразно рассмотреть несколько вариантов понимания глобального экономического порядка. Так, российский экономист Э.Г. Кочетов, автор геоэкономического подхода, предлагает смотреть на глобальный мир сквозь призму идеи создания геоэкономического атласа

---

⁷¹ Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / М. Кастельс. – М.: ГУ ВШЭ, 2000. – С. 76 – 80.

мира. Методология его построения проста: во-первых, этот атлас посвящен одному объекту – единому мировому пространству, в котором господствуют геоэкономические структуры и связи; во-вторых, атлас, из-за структурной дифференциации мира, «расслоен» на «геоэкономические страницы», отражающие сферы и уровни мировой системы. Когда речь заходит об этих «страницах», то нужно учитывать следующие:

- политическую (центры силы, полюса, стратегические оси, политические альянсы и унии, зоны влияния и т.д.);
- ресурсную (энергетическая, сырьевая, трудовые ресурсы);
- организационно-экономическую, отражающую организационно-экономическую структуру мира;
- военно-стратегическую (военно-стратегические альянсы, группировки и т.д.);
- коммуникационную (система наземных, водных, воздушных и прочих видов коммуникаций);
- экологическую страницу с нанесенными зонами повышенной техногенной опасности (техногенные катастрофы);
- страницу финансовых потоков (геофинансы)⁷².

При этом особую роль в глобальной динамике играют стационарные и блуждающие интернациональные воспроизводственные ядра, т.е. национально-государственные секторы экономической активности и транснациональные компании. Их борьба составляет интригу всей геоэкономики, поскольку национальные государства пытаются встроить свою экономику в геоэкономическую систему для полноценного участия в формировании и распределении мирового дохода. Но в мире сложилась четкая (=имеющая конкретную страновую привязку⁷³) иерархия транснациональных структур в ведущих отраслях промышленности – автомобильной, электронной, нефтеперерабатывающей. При этом ТНК контролируют

---

⁷² Кочетов Э.Г. Глобалистика: Теория, методология, практика. Учебник для вузов / Э.Г. Кочетов. – М.: Изд-во НОРМА, 2002. – С. 59.

⁷³ Считается, что в мире около 20 крупнейших ТНК-лидеров, среди которых: 6 – американские, по 3 представляют Англия, Германия и Япония, по 2 из Франции, Швейцарии и Нидерландов. Все остальные находятся в позиции отстающих и относительно зависимых.

около $\frac{1}{2}$ мирового промышленного производства⁷⁴, прежде всего за счет мобильных, уникальных и тщательно оберегаемых технологических структур.

В таком случае новое разделение труда неизбежно, тем более за счет поддержки со стороны политических и военно-стратегических агентов. Отсюда новый вид геоэкономических войн, в которых происходит разрушение национальных экономик, «перекачка» национального дохода в мировой доход, социальные деформации и прочие прелести осуществления «непрямых действий».

Вполне оригинальный подход, совмещающий современные достижения в области информации (информационная революция), соответствующих экономических моделей и учитывающий культурно-цивилизованную специфику разрабатывает отечественный географ и политолог В.А. Дергачев. Он полагает, что недостаточно определять глобальное экономическое пространство в терминах классических наук – политэкономии, социологии, политологии, культурологии и др.

В сегодняшних реалиях ему необходимо дать информационно-экономическую интерпретацию. Новая сетевая экономика представляет собой всемирную свободную экономическую зону, совмещающую в себе коммуникации и коммерцию. Несомненно, что новая (виртуальная) экономика является продуктом сложной социокультурной эволюции и революционных изменений в области технологий. В своей совокупности они порождают геоэкономические полюса развития, прежде всего североамериканский (США и их окружение), Евросоюз, Азиатско-Тихоокеанский регион и Китай. На их долю приходится свыше половины мирового ВВП⁷⁵. Все они, как субъекты, реализующие информационную экономику, несомненно, имеют:

- материальную инфраструктуру (прежде всего производство компьютеров, технологий и соответствующего оборудования);

---

⁷⁴ Кочетов Э.Г. Глобалистика: Теория, методология, практика. Учебник для вузов / Э.Г. Кочетов. – М.: Изд-во НОРМА, 2002. – С. 215.

⁷⁵ Дергачев В.А. Геоэкономика (Современная геополитика). Учебник для вузов / В.А. Дергачев. – Киев: Вира-Р, 2002. – С. 171.

- прикладную инфраструктуру (программное обеспечение, мультимедиа, web-сайты);
- посреднический уровень (компьютерные провайдеры, компьютерные порталы);
- уровень электронной коммерции, на котором осуществляются торговые сделки.

Кроме того, мировое экономическое пространство включает в себя: *ведущие коммуникации* (Великий шелковый путь, Транссибирская магистраль, Суэцкий и Панамский каналы и т.д.); *свободные экономические зоны* (Шеньчжень – в Китае, Шеннон – в Ирландии, Джебель-Али – в ОАЭ, Измир – в Турции, Бомбей – в Индии и т.д.); *налоговые гавани* (Сингапур, Гонконг, Швейцария, Люксембург, Мальта, Кипр, Гибралтар, Панама, Либерия, Британские Виргинские острова, Самоа, Каймановы острова, Маврикий, Багамы, острова Мэн и Джерси, Бермуды, Антигуа и Маршалловы острова); *технополисы* («Силиконовая долина», «Ричфилд парк», Кембриджский университет, «Иль-де-Франс», Мюнхенский парк, «Цукуба», Сколково и др.); *мировые пустыни* (Афганистан, Африка южнее Сахары, часть Юго-Восточной Азии)⁷⁶.

Как видим, эти подходы фиксируют фрактальность информационной эпохи, в которой меры по упорядочению причудливо сочетаются с противоположными (энтропийными) процессами разупорядочения. И конечно же это не может не вызывать опасения, поскольку в фокусе внимания рано или поздно оказываются субъекты и социальные связи. В этом плане целесообразно обратить внимание на диалектику информационного общества и человека, отличающуюся своим драматизмом.

* * *

Глядя на профиль информационного общества, некоторые авторы высказывают глубокий скепсис относительно его адекватности человеческому существу. Согласно Дж. Нейсбиту, американское общество как пре-

---

⁷⁶ Там же, с. 171 – 318.

зентант прорыва в новое, визуально-коммуникативное измерение⁷⁷, мало-помалу превратилось в «Зону, Отравленную Технологией». Спрашивается: почему и какие последствия имеет данный феномен?

Ответ следующий. Имманентными болевыми точками этой зоны являются установки: 1) мы предпочитаем быстрые решения во всех областях – от религии до здорового питания; 2) мы испытываем страх перед технологией и преклоняемся перед ней; 3) мы перестали различать реальность и фантазию; 4) мы принимаем насилие (в т.ч. электронное) как норму жизни; 5) мы любим технологию, как дети любят игрушки; 6) наша жизнь стала отстраненной и рассеянной⁷⁸. Речь, как видим, идёт о непредсказуемых последствиях информационно-технологического бума, который в виде high tech представляет собой неотъемлемую часть современной человеческой культуры. Но наступил момент, когда наиболее продвинутой части человечества нужно выработать способность к пониманию того, когда *имитация* привносит ценный опыт в жизнь человека, а когда нет! Ведь она может порождать отчуждение, изоляцию и насилие в более изощренных формах, чем ранее. Отсюда делается вывод о том, что «технология отнюдь не нейтральна», и человеку нужно постоянно делать выбор в пользу её гуманности (!)⁷⁹.

Конечно, данный тезис может показаться радикальным, но если вспомнить положения теории информации⁸⁰, то все становится на свои места. В частности, здесь следует обратить внимание на несколько фундаментальных характеристик информации в их связи с социальными и антропологическими аспектами бытия информационного общества. Для

---

⁷⁷ Нейсбит Дж. Старт! или Настраиваем ум!: Перестрой мышление и загляни в будущее / Дж. Нейсбит. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2009. – С. 127 – 172.

⁷⁸ Нейсбит Дж. Высокая технология, глубокая гуманность: Технологии и наши поиски смысла / Дж. Нейсбит при участии Н. Нейсбит и Д. Филиппа. – М.: АСТ: Транзиткнига, 2005. – С. 10 – 11.

⁷⁹ Там же, с. 41 – 42. По ходу замечу, что даже базовая система образования с появлением массмедийной культуры утрачивает своё значение. Для рядового человека, несмотря на приведенные выше декларации Форума в Давосе, гораздо большее значение получает сегодня не сумма знаний, полученных в школе, колледже, университете или семье, а то, что он фрагментарно воспримет из Интернета, телевидения, рекламы и т.д.

⁸⁰ А именно она выступает тем системообразующим элементом, который задает структурогенез и функциональность информационного общества.

этого уточнения вспомним о когнитивном и прагматическом (телеологическом и ценностном) вариантах отношения человека к миру. В данном контексте, мира (миров) стремительно растущей и распространяемой информации.

В первом случае нужно обратиться к вариантам постановки когнитивной проблематики в рамках очерчиваемого информационного сдвига. Так, существует дифференцированный взгляд на мыслительные процессы («ментальные механизмы можно рассматривать как взаимодействие процессов, протекающих на молекулярном, нейронном, когнитивном и социальном уровнях») ⁸¹. Между тем, они не исключают того, что мышление и рассуждение могут оказаться актами манипулирования ментальными репрезентациями, в т.ч., под воздействием эмоций.

Несколько отличен от него подход, предлагающий фокус «когнитивных эффектов». Его представители акцентируют внимание на свойстве перформативности, порождаемом в ходе воздействия мыслительных актов на конфигурацию информационных потоков. С другой стороны, об «индуцированных возмущениях», создаваемых рецепиентами исходной информации. Как результат – резонанс информационных импульсов, который образует всеобъемлющую и устойчивую информационную структуру, или Сеть ⁸². При этом любопытно, что найден её восточный культурный аналог: «Для философов школы Хуаянь голографическая сеть Индры символизировала всеобщее взаимное тождество и взаимопроникновение явлений... Сеть Индры поддерживает неустойчивую множественность реальности, в то же время признавая её в конечном счете недualную природу, всегда присутствующую за и между субъектом и объектом, «я» и другим» ⁸³.

---

⁸¹ Меркулов И.П. Компьютерная (вычислительная) эпистемология / И.П. Меркулов // Энциклопедический словарь по эпистемологии; под ред. чл.-корр. РАН И.Т. Касавина. – М.: Альфа-М, 2011. – С. 142.

⁸² Кузнецов М.М. Новая структура коммуникационного опыта: власть посредника / М.М. Кузнецов // Информационная эпоха: вызовы человеку / под ред. И.Ю. Алексеевой и А.Ю. Сидорова. – М.: РОССПЭН, 2010. – С. 106.

⁸³ Дэйвис Э. Техногнозис: миф, магия и мистицизм в информационную эпоху / Э. Дэйвис. – Екатеринбург: Ультра. Культура, 2008. – С. 445.

Но существует более строгий и продуманный вариант анализа когнитивной ситуации. Например, Л.В. Скворцов для её прояснения использует понятие информационного поля, под которым понимается «то пространство, в котором действуют носители информации, способные вызывать её восприятие, индуцировать тип образа жизни и определенную направленность действий. В т.ч., обеспечение развертывания информационного поля (полей) до глобального масштаба. Информация здесь не должна обязательно совпадать с естественно-научной истиной или даже истиной вообще»⁸⁴. Возникает вопрос: почему?

Ответ на него вполне очевиден: во-первых, человек в процессе освоения этого поля решает задачу самоидентификации через реификацию или отождествляется с лучшими технологическими возможностями; во-вторых, он самоидентифицируется через знание, имеющее все признаки абстрактного знания, поскольку национально-культурное, автохтонно-языковое отходит на второй план. Но самое важное здесь то, что в отличие от ранее известных форм духовной самоидентификации (религиозной и научной), в пределе – идеологической, информационное поле создает постмодернистский кластер «истинного» бытия, нисколько не заботясь об истине (!). Разумеется, речь идет о массовом сознании и его носителях.

В этом пункте требуется принципиальное разъяснение. В свое время советские авторы Э.Я. Баталов и Ю.А. Замошкин описали 12 типов массового политического сознания граждан США: 1) либерал-технократический; 2) либерал-реформистский; 3) либертариистский; 4) традиционалистский; 5) неоконсервативный; 6) радикал-либертариистский; 7) радикал-этантистский; 8) правопопулистский; 9) радикал-демократический; 10) радикал-бунтарский; 11) радикал-романтический; 12) радикал-социалистический⁸⁵. В те годы «холодной войны» и поиска нового курса массовое сознание Америки не было однородным, хотя институциональная структура общества отличалась своей устойчивостью. Последняя, если опираться на разработанную Б.А. Грушиным матричную модель обществен-

---

⁸⁴ Скворцов Л.В. Информационная культура и цельное знание / Л.В. Скворцов. – М.: Издательство МБА, 2011. – С. 27.

⁸⁵ Современное политическое сознание в США. – М.: Наука, 1980.

ного сознания, была обеспечена более-менее адекватным отражением сознанием среднестатистического массового американца – действительности. Не в последнюю очередь потому, что в нем превалировали официальные, причем рационально-когнитивные или же иррациональные моменты⁸⁶.

Сегодня наблюдается иная ситуация. Наряду с официальным массовым сознанием в США – либералами и неоконками, существуют иные социальные и групповые общности, порожденные в ходе цифровой трансформации. Среди них субкультуры компьютерной эры в Америке – андеграундные «роботисты» и киберхудожники, киберхиппи и киберпанки, техноязычники и технохристиане, хайтекеры и киберфеминистки, и т.д.⁸⁷. Естественно, в свете высказанных Грушиным соображений эволюция массового сознания пошла по пути неинституционального, стихийного развития, в рамках которого научно и идеологически организованный социум переподчинился мифам и метафорам, знакам и символам киберкультуры.

Иначе говоря, при невиданном технологическом вознесении современное общество испытывает себя на прочность неизвестным ранее социальным расслоением. В определенном смысле здесь кроется проблема, которую нельзя вуалировать идеей создания глобального гражданского общества, поскольку оно нередуцируемо ни к ноосфере, ни к инфосфере⁸⁸

---

⁸⁶ Грушин Б.А. Массовое сознание: Опыт определения и проблемы исследования Б.А. Грушин. – Политиздат, 1987. – С. 103 – 115. По ходу замечу, что Б.А. Грушин выделил чувственные, когнитивные и иррациональные элементы сознания, а также три класса составляющих – рефлексивный, эвалюативный и реактивный. Но если чувственные элементы – суть стихийно возникающие, то когнитивные и иррациональные – продукт институциональной работы общества. В целом массовое сознание функционирует в режиме 18 возможных комбинаций: от стихийных форм чувственного отражения – до институционализированных форм реактивного воображения.

⁸⁷ Подробнее см.: Дери М. Скорость убегания: киберкультура на рубеже веков / М. Дери. – Екатеринбург: Ультра. Культура; М.: АСТ МОСКВА, 2008.

⁸⁸ Заявляя о том, что «говорить сегодня о глобальном гражданском обществе как «социальной данности», «социально-политической реальности», устойчивой транснациональной социальной сети нельзя», скорее речь должна идти «о борьбе за гражданские права как неких значимых тенденциях», украинский автор всё же делает ударение на технологическом сдвиге, а значит и его субъектах. «Сегодня, – пишет он – достижение глобального эффекта возможно только через многократное увеличение скорости информационных потоков и « сетевого маркетинга», идёт ли речь о музыке, фильмах, литературе, спорте, политике, гражданских правах и свободах». Более того, Internet в его концепции является главным фактором ноосферогенеза: «Интернет – это технологическая

как интегративным формам и способам созидания социального. Речь, конечно же, идет не просто о Сети, поисковых системах, Википедии, Skype, You Tube и т.д., но о непредсказуемых вариантах стратификации и объединения людей, их активно-реактивных действиях в отношении виртуального и физического миров.

Во втором случае, при аналитике прагматического аспекта использования информационных технологий, уместно сослаться на сформулированную Г.П. Щедровицким идею объединения социально-гуманитарной, естественно-научной и собственно инженерной составляющей деятельности. Формула выглядит так: «Все объекты нашей практики и нашей деятельности представляют собой не естественные и не искусственные объекты, а кентавр-объекты, соединяющие естественные и искусственные компоненты»⁸⁹. Между тем, это утверждение влечет за собой ревизию оснований в понимании систем деятельности современного общества, его бинарный, естественно-искусственный характер.

Такая ревизия, к примеру, была начата в советские годы⁹⁰, а сейчас проделана А.А. Зиновьевым, А.А. Ворониным, В.Г. Гороховым, А.В. Литвинцевой, В.А. Кутыревым, В.Г. Поповым, В.М. Розиным, П. Козловски, Х. Ленком, Ю. Хабермасом и мн. др.

Рассматривая заявленную проблему, нужно отметить то обстоятельство, что кентавр-объекты, с которыми имеет дело современный ученый и обыватель, предприниматель и спортсмен, работник и маркетолог в своей деятельности, не должны заслонять собой феномена жизни, её целевых и ценностных рангов. Проницательный А.А. Зиновьев как-то бросил: «Фе-

---

глобальная инфраструктура производства ноосферной реальности». – Буряк В.В. Динамика культуры в эпоху глобализации: ноосферный контекст: монография / В.В. Буряк. – Симферополь: ДИАЙПИ, 2011. – С. 211, 219 – 220, 251.

⁸⁹ Щедровицкий Г.П. «Естественное» и «искусственное» в социотехнических системах / Г.П. Щедровицкий // Щедровицкий Г.П. Избранные труды. – М.: Шк. Культ. Политики, 1995. – С. 440.

⁹⁰ Анализу одной из концепций посвящена моя статья, в которой выделен эстетический и моральный аспекты производственно-технологической целесообразности советской мегамшины. См.: Муза Д.Е. Проблема телеологии техники в философии техники В.В. Алехина / Д.Е. Муза // Збірка матеріалів круглого столу «ІІ наукові Альохінські читання» (30 травня 2012 р.). – Донецьк: ТОВ «Цифрова типографія», 2012. – С. 18 - 23.

номен жизни не есть всего лишь нагромождение каких-то структур. Это – логически организованное, внутренне дифференцированное, систематизированное построение. Он не вырастает сам по себе. Он может быть создан только искусственно, изобретен усилиями выдающихся творческих умов. И на создание его могут уйти многие годы, возможно даже столетия и даже тысячелетия. Это может быть творение человечества, возможно – последнее, заключительное, окончательное»⁹¹. Данное, эсхатологическое по сути, признание дорогого стоит, ведь на прицеле у человеческого интеллекта находится глобальный биосферно-социо-техносферный тренд, судьба которого отдана на откуп самоперестраивающемуся homo.

В этой связи уместно сослаться на методологическую перспективу, предложенную П. Козловски. Анализируя происходящий информационно-технологический сдвиг, он указывает: модель технической системы не годится для расширения и возрастания культурного контекста, т.е. всего многообразия типов деятельности и общения⁹². Во-первых, для такой модели культуры остаются неизвестными все переменные культурной взаимосвязи, и поэтому её нельзя толковать каузально-аналитически, техно-детерминистски. Во-вторых, отсутствует полное содержание того генетического кода, о котором писал Ж. Бодрийяр. Т.е. культура не может в принципе быть определена как техническая система, её бытие либо синонимизирует с развертыванием духа⁹³, либо превращается в прогрессию симулякров.

По крайней мере тут нужно заострить внимание на аксиологическом аспекте. Дело в том, что в своё время Б.С. Украинцев⁹⁴ предложил рассматривать информацию в аспекте возможного и реального причинения ею определенного рода траекторий поведения системы. Здесь «информационная причина» имеет подчеркнута семантический (а не физиче-

---

⁹¹ Зиновьев А.А. Фактор понимания / А.А. Зиновьев. – М.: Алгоритм, Эксмо, 2006. – С. 519.

⁹² Козловски П. Культура постмодерна: Общественно-культурные последствия технического развития / П. Козловски. – М.: Республика, 1997. – С. 89.

⁹³ Там же, с. 86.

⁹⁴ Украинцев Б.С. Процессы самоуправления и причинность / Б.С. Украинцев // Вопросы философии. – 1968. - № 4. – С. 41.

ский или энергетический) смысл. Последнее означает её отождествление с целевыми координатами жизни систем.

Как мы видели ранее, эти координаты видоизменились до неузнаваемости в связи с гибридизацией, произошедшей в ходе изменения деятельности современного человека. И в первую очередь эти изменения коснулись качественного аспекта информации, который сопряжен с категорией ценности, которая дает санкцию причинному ряду. Но насколько эта ситуация драматизировалась, можно судить по общему ценностно-целевому ландшафту.

В общем виде этот проблемный узел, хотя и гипотетически, но выглядит так: «Ключевые субъекты человеческого развития перевели технологический прогресс в важнейшей сфере общечеловеческого, внешнего по отношению к себе, на свой внутренний уровень»⁹⁵. Конечно, дело здесь касается не только изменения целеполагания и логики её порождения, но в переносе стратегических вопросов с ними связанных в область частных решений. Такой перенос, думается, влечет за собой два следствия: 1) формирование внешней институциональной сферы и среды обитания человека больше не имеет той легитимности, которая была известна прежним историческим эпохам, хотя она может представляться в качестве абсолютной; 2) присвоение всех процессов человеком оборачивается не просто внутренней пустотой, но ведет к подполью, к психологии «фортепинанной клавиши».

Вообще, стремление сконструировать новую реальность с последующим выпадением и противопоставлением себя ей не ново в истории. Вспомним «подпольного человека»: «Вы верите в хрустальное здание, навеки нерушимое, то есть в такое, которому нельзя и будет ни языка украдкой выставить, ни кукиша в кармане показать. Ну, а я, может быть, потому-то и боюсь этого здания, что оно хрустальное и навеки нерушимое и что нельзя будет даже и украдкой языка ему выставить»⁹⁶. Но наше время

---

⁹⁵ Делягин М.Г. Драйв человечества. Глобализация и мировой кризис / М.Г. Делягин. – М.: Вече, 2008. – С. 83.

⁹⁶ Достоевский Ф.М. Записки из подполья / Ф.М. Достоевский // Достоевский Ф.М. Повести. Рассказы. – М.: Правда, 1985. – С. 31.

как раз подтверждает эту интуицию, развернутую в тотальный информационный кокон, Matrix, в котором уже нет известного восклицания, ведь цель-идеал достигнута. Имеется в виду следующее: «Уничтожьте мои желания, сотрите мои идеалы, покажите мне что-нибудь лучшее, и я за вами пойду»⁹⁷. Но нет, по-видимому, ещё больше правдивых и пафосных слов, указывающих на идентичность человека: «Неужели ж я для того только и устроен, чтобы дойти до заключения, что все мое устройство одно надувание? Неужели в этом вся цель?»⁹⁸.

Тем не менее, здесь возможно возражение следующего порядка: информационное разнообразие, порождаемое информационной революцией, нужно трактовать как благо, несущее освобождение, бесконечное отодвигание фронтиров познания и практики, наконец, самоутверждение человеческого существа. Но на самом деле при рассмотрении прагматического аспекта информации нужен иной лейтмотив, а именно: прояснение сопряжения субъекта и информационного разнообразия. Поэтому обратим внимание на взаимосвязь категории информационного разнообразия и собственно ценностного отношения.

Поначалу искомая взаимосвязь нащупывалась интуитивно⁹⁹, а затем все более и более рационально взвешенно. Речь идет о латентных образцах, присутствующих во всех современных технологиях, нацеленных на самовозрастание технического в сторону глобального контекста. Вспомним хотя бы хайдеггеровский *das Gestell*, задающий планете практически безальтернативные техноформы и техноритмы. Шаги же сегодняшнего дня, как и ключи к реальности, находятся в руках у социальной инженерии (и социальных инженеров)¹⁰⁰, действующих без какой либо оглядки на

---

⁹⁷ Там же, с. 32.

⁹⁸ Там же.

⁹⁹ Напр., в работе М. Маклюэна «Понимание медиа» уже утверждалось: «Поскольку электрическая энергия независима от места выполнения и типа рабочей операции, она создает образцы децентрализации и разнообразия в выполняемой работе». – Маклюэн М. Понимание медиа: Внешнее расширение человека / М. Маклюэн. – 3-е изд. – М.: Кучково поле, 2011. – С. 413.

¹⁰⁰ Здесь нельзя обойти вниманием сентенцию К.Р. Поппера – поборника «открытого общества» и «социальной инженерии». Различая два метода – институциональный и метод личного вмешательства, он бросает о последнем: «Метод личного вмешательства с необходимостью вносит с социальную жизнь постоянно растущий элемент

детерминизм, в т.ч., ценностный. Хотя в свое время Г. Лассуелл в число составляющих коммуникативной цепочки включил вопрос: «что именно сообщается?»¹⁰¹.

Тем самым информация как основной атрибут коммуникационных процессов на первый взгляд формирует аксиосферу медийного пространства, за которым стоит общество с его мировоззренческими, социокультурными и собственно ценностными доминантами. Однако парадокс ситуации заключается в том, что методы работы с медийной аудиторией (метод сверхинформирования, метод психологического шока, метод подмены понятий, создания страха, неуверенности в будущем и т.д.)¹⁰², приводят к катастрофическим результатам с т.з. ценностной эквивалентности. Показателем тут может служить реклама следующего содержания: «Кофе «Экспрессо» – вкус нашей любви», «Эсферо там, где любовь», «Я знаю, что такое счастье... Пиво «Efes Pilsener», «Продукты легкого приготовления «Дарина»... Почувствуй себя свободным», «Новый Iphone 5 удовлетворит все твои желания» и т.п. В такой ситуации подмены существенных ценностей – ценностями потребительства и гедонизма нужно говорить об утрате меры человеческого бытия.

Иными словами, информационное общество и его субъекты привыкают жить без меры: «Ключи от возможности, то есть от модусов бытия, которые преобразуют виртуальное в действительное, находятся в этой (виртуальной – М.Д.) сфере по ту сторону меры»¹⁰³. В таком случае предельно обостряется проблема ценностного выбора, который, с одной стороны больше не обусловлен исторически и идеологически, но с другой стороны поддерживается на уровне структур Матрицы.

непредсказуемости и тем самым развивает *чувство иррациональности и небезопасности социальной жизни*». – Поппер К.Р. Открытое общество и его враги / К. Поппер. – М.: Феникс, Международный фонд «Культурная инициатива», 1992. – Т.2. Время лжепророков: Гегель, Маркс и другие оракулы. – С. 155 (курсив мой – М.Д.).

¹⁰¹ Вся цепь выглядит так: «Кто сообщает? Что сообщает? Каким каналом (осуществляется сообщение)? Кому адресовано сообщение? С каким эффектом?»

¹⁰² Кузнецова Т.В. Аксиологічні моделі мас-медійної інформації: монографія / Т.В. Кузнецова. – Суми: Університетська книга, 2010. – С. 68.

¹⁰³ Хардт М., Негри А. Империя / М. Хардт, А. Негри. – М.: Праксис, 2004. – С. 334.

Вместе с тем, критический научный анализ теорий информации – виннеровская (информация суть содержание, получаемая от внешнего мира в ходе адаптации к нему); шенноновская (информация суть коммуникация и связь, в процессе которых устраняется неопределенность); бриллюэновская (информация суть отрицание энтропии); молевская (информация суть мера сложности структур); эшбиевская (информация суть способ и форма передачи разнообразия), показал, что возможен иной вариант трактовки взаимосвязи информации и ценностей. В частности, в своё время А.Д. Урсул предложил такой вариант: «Однако сама ценность не есть разнообразие, а, по-видимому, свойство ограничения разнообразия»¹⁰⁴, который соотносителен стратегии информационного общества, если под ней понимать достижение к обществу знаний. В нём как ни в каком другом профиле постиндустриального перехода может быть соблюдено требование качественного роста информации, столь необходимого для производства социальности и управления ею.

При этом вопрос о том, смогут ли представители этого общества реализовать данный проект в ближайшем будущем, или же остановятся на спектакле, потреблении и т.п. профилях остается открытым.

* * *

Думается, что для обсуждения всех заявленных выше вопросов нужен шаг в сторону определенной мета-позиции, которая давала бы шанс ухватить все линии анализа бытия информационного общества. В искомом отношении ревизия информационного общества под углом зрения оснований той социально-исторической программы, которая воплотилась в социотехокибернетике может заметно выиграть в сравнении с неофункционализмом, неомарксизмом, теорией конфликта, обществом риска и т.д. Для этого у неё есть все гарантии от упреков в некритичности и ценностной нейтральности.

---

¹⁰⁴ Урсул А.Д. Информация. Методологические аспекты / А.Д. Урсул. – М.: Наука, 1971. – С. 133.

Нужно отметить, что в своё время Ж. Бодрийяр дал описание «стратегической модели нашего времени», являющейся ни чем иным как техникокибернетическим вариантом контроля всей социальности. Эта модель заложена в «метафизике кода» с его программированием на постановку и решение тактических задач, в цикле: «вопрос» – «ответ», но не более (!). Отсюда – реальности рыночных циклов и партийных ячеек, труда и досуга, референдумов и блокбастеров, тюремных камер и террористических актов. Но парадоксальнее всего именно то, что и вопрос, и ответ по-сути являются симулятивными, а значит, они не порождают новой сети смыслов, подменяя её «послежитием».

Внутри этой тотальности в фикцию превращаются все прежние субъекты культуры: экономический и политический, социальный и лингвистический, моральный и исторический. Причина такой кодировки реальности имеет цивилизационно-исторический смысл: «Когда один за другим умерли Бог, Человек, Прогресс, сама История, уступив место коду, когда умерла трансцендентность, уступив место имманентности, соответствующей значительно более высокой стадии ошеломляющего манипулирования общественными отношениями», тогда, можно сказать, родилось общество абсолютного контроля. Но нужно заметить, что ликвидация мифа о первоначале была не единственной акцией системы, стремящейся к самореференции (Н. Луман). Эта цивилизация также ликвидирует миф о собственном конце (апокалипсисе) и о любой возможной революции системы¹⁰⁵.

В структурном отношении такая заявка весьма нестандартна, поскольку она нацеливает на поиск имманентных обществу нового типа ресурсов и композиций. Таким образом перед нами оказалось весьма простое поле для анализа, требующее уточнения и спецификации онтологических размерностей информационного социума, его проекта окончательного осчастливливания человека.

---

¹⁰⁵ Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть / Ж. Бодрийяр. – М.: Добросвет, КДУ, 2006. – С. 130.

Литература

1. Лем С. Сумма технологии: Пер. с польского / С. Лем. – М.: ООО «Издательство АСТ»; СПб.: Terra Fantastica, 2002. – 668, [4] с. – (Philosophy).
2. Dijk J.A.M. van. The Network Society. – Thousand Oaks, CA: Sage Publications Ltd, 1999. – 272 p.
3. Бодрийяр Ж. Пароли. От фрагмента к фрагменту / Ж. Бодрийяр / Пер. с франц. Н. Сулова. – Екатеринбург: У-Фактория, 2006. – 200 с. – (Серия «Академический бестселлер»).
4. Иванов Д.В. Глэм-капитализм / Д.В. Иванов. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2008. – 176 с.
5. Бодрийяр Ж.. Симулякри і симуляція / Ж. Бодіяр / Пер. з фр. В. Ховтун. – К.: Видавництво Соломії Павличко «Основи», 2004. – 230 с.
6. Нисбет Р. Прогресс: история идеи / Р.Нисбет ; [Пер. с англ. под ред. Ю. Кузнецова и В. Сапова]. – М.: ИРИСЭН, 2007. – 557 с.
7. Бодрийяр Ж. Реквием по медиа / Ж. Бодрийяр // Бодрийяр Ж. К критике политической экономии знака / Пер. с фр. Д. Кралечкин. – М.: Академический проект, 2007. – С. 228 - 260.
8. Тугаринов В.П. Философия сознания / В.П. Тугаринов. – М.: «Мысль», 1971. – 199 с.
9. Винер Н. Кибернетика и общество / Н. Винер. – Тайдекс Ко, 2002. – 184 с. (Библиотека журнала «Экология и жизнь». Серия «Устройство мира»).
10. Апель К.-О. Коммуникативное сообщество как трансцендентальная предпосылка социальных наук / К.-О. Апель // Апель К.-О. Трансформация философии / Перевод В. Куренной, Б. Скуратов. – М.: «Логос», 2001. – С. 193 – 236.
11. Маклюэн Г.М. Понимание медиа: Внешнее расширение человека / М. Маклюэн / Пер. с англ. В. Николаева; Закл. ст. М. Вавилова. – 3-е изд. – М.: Кучково поле, 2011. – 464 с.
12. Robertson, D.S. Phase Change: The Computer Revolution in Science and Mathematics. – Oxford: Oxford University Press (UK), 2003. – 286 p.
13. Хейзинга Й. Homo ludens / Й. Хейзинга // Хейзинга Й. Homo ludens. В тени завтрашнего дня: Пер. с нидерл. / Общ. ред. и послесл. Г.М. Тавризян. – М.: Изд. группа «Прогресс», «Прогресс-Академия», 1992. – С. 5 – 240.
14. Бриллюэн Л. Наука и теория информации / Л. Бриллюэн. Пер. с англ. А.А. Харкевича. – М.: Физматгиз, 1960. – 392 с. с черт.
15. Смирнов И.П. Кризис современности / И.П. Смирнов. – М.: Новое литературное обозрение, 2010. – 296 с.
16. Никитин В.С. Технологии будущего / В.С. Никитин. – М.: Техносфера, 2010. – 264 с.

17. Силаева В.Л. Подмена реальности как социокультурный механизм виртуализации общества: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11 – Социальная философия. – М.: МГТУ им. Н.Э. Баумана, 2004. – 19 с.
18. Иванов Д.В. Виртуализация общества / Д.В. Иванов; Центр «Петербург. Востоковедение». – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2000. – 95, [1] с.
19. Осипов Г.А. Механизм деградации общества / Г.А. Осипов. – М.: Научный мир, 2005. – 162 с.
20. Гижа А.В. Интерпретация и смысл (структура понимания гуманитарного текста): Монография / А.В. Гижа. – Харьков: Коллегиум, 2005. – 404 с.
21. Делягин М.Г. Мировой кризис: Общая теория глобализации: Курс лекций / М.Г. Делягин. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: ИНФРА-М, 2003. – 768 с.
22. Луман Н. Общество общества / Н. Луман / Пер. с нем. А. Глухов, О. Никифоров. – М.: Издательство «Логос», 2011. – Кн. 2: Медиа коммуникации. – С. 203 – 441.
23. Стоуньер Т. Информационное богатство: профиль постиндустриального общества / Т.Стоуньер // Новая технократическая волна на Западе. – М.: Прогресс, 1986. – С. 392 – 409.
24. Белл Д. Социальные рамки информационного общества / Д.Белл // Новая технократическая волна на Западе. – М.: Прогресс, 1986. – С. 330 – 342.
25. Маклюэн М. Средство само есть содержание / М.Маклюэн // Информационное общество: Сб. – М.: ООО «Изд-во АСТ», 2004. – С. 341 – 348.
26. Кастельс М. Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе / М. Кастельс; Пер. с англ. А. Матвеева под ред. В. Харитонов. – Екатеринбург: У-Фактория (при участии изд-ва Гуманитарного ун-та), 2004. – 328 с. (Серия «Академический бестселлер»).
27. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / М. Кастельс; Пер. с англ. под научн. ред. О.И. Шкаратана. – М.: ГУ ВШЭ, 2000. – 608 с.
28. Кочетов Э.Г. Глобалистика: Теория, методология, практика. Учебник для вузов / Э.Г. Кочетов. – М.: Издательство НОРМА, 2002. – 672 с.
29. Дергачев В.А. Геоэкономика (Современная геополитика). Учебник для вузов / В.А. Дергачев. – Киев: Вира-Р, 2002. – 512 с.
30. Нейсбит Дж. Старт! или Настраиваем ум!: Перестрой мышление и загляни в будущее/ Дж. Нейсбит; пер. с англ. А. Георгиева. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2009. – 286, [2] с. – (Philosophy).
31. Нейсбит Дж. Высокая технология, глубокая гуманность: Технологии и наши поиски смысла / Дж. Нейсбит при участии Н. Нейсбит и Д. Филиппа; пер. с англ. А.Н. Анваера. – М.: АСТ: Транзиткнига, 2005. – 381, [3] с. – (Philosophy).
32. Меркулов И.П. Компьютерная (вычислительная) эпистемология / И.П. Меркулов // Энциклопедический словарь по эпистемологии; под ред. чл.-корр. РАН И.Т. Касавина. – М.: Альфа-М, 2011. – С. 141 -143.

33. Кузнецов М.М. Новая структура коммуникационного опыта: власть посредника / М.М. Кузнецов // Информационная эпоха: вызовы человеку / под ред. И.Ю. Алексеевой и А.Ю. Сидорова. – М.: РОССПЭН, 2010. – С. 34 - 143.
34. Дэйвис Э. Техногнозис: миф, магия и мистицизм в информационную эпоху / Э. Дэйвис; пер. с англ. С. Кормильцева, Е. Бачининой, В. Харитоновна. – Екатеринбург: Ультра. Культура, 2008. – 480 с. – (Philosophy).
35. Скворцов Л.В. Информационная культура и цельное знание / Л.В. Скворцов. – М.: Издательство МБА, 2011. – 440 с. – (Humanitas).
36. Современное политическое сознание в США / Отв. ред. Э.Я. Баталов. – М.: Наука, 1980. – 446 с.
37. Грушин Б.А. Массовое сознание: Опыт определения и проблемы исследования / Б.А. Грушин. – Политиздат, 1987. – 368 с. – (Над чем работают, о чем спорят философы).
38. Дери М. Скорость убегания: киберкультура на рубеже веков / М. Дери; [пер. с англ. Т. Парфеновой]. – Екатеринбург: Ультра. Культура; М.: АСТ МОСКВА, 2008. – 478, [2] с. – (Philosophy).
39. Буряк В.В. Динамика культуры в эпоху глобализации: ноосферный контекст: монография / В.В. Буряк. – Симферополь: ДИАЙПИ, 2011. – 462 с.
40. Щедровицкий Г.П. «Естественное» и «искусственное» в социотехнических системах / Г.П. Щедровицкий // Щедровицкий Г.П. Избранные труды. – М.: Шк. Культ. Политики, 1995. – С. 437 - 448.
41. Муза Д.Е. Проблема телеологии техники в философии техники В.В. Алехина / Д.Е. Муза // Збірка матеріалів круглого столу «ІІ наукові Альохінські читання» (30 травня 2012 р.). – Донецьк : ТОВ «Цифрова типографія», 2012. – С. 18 - 23.
42. Зиновьев А.А. Фактор понимания / А.А. Зиновьев. – М.: Алгоритм, Эксмо, 2006. – 528 с. – (Философский бестселлер).
43. Козловски П. Культура постмодерна: Общественно-культурные последствия технического развития / П.Козловски / Пер. с нем. – М.: Республика, 1997. – 240 с. – (Философия на пороге нового тысячелетия).
44. Делягин М.Г. Драйв человечества. Глобализация и мировой кризис / М.Г. Делягин. – М.: Вече, 2008. – 528 с.
45. Украинцев Б.С. Процессы самоуправления и причинность / Б.С. Украинцев // Вопросы философии. – 1968. – № 4. – С.36 – 46.
46. Поппер К.Р. Открытое общество и его враги / К.Р. Поппер. Пер. с англ. под ред. В.Н. Садовского. – М.: Феникс, Международный фонд «Культурная инициатива», 1992. – Т.2. Время лжепророков: Гегель, Маркс и другие оракулы. – 528 с.
47. Кузнецова Т.В. Аксіологічні моделі мас-медійної інформації: монографія / Т.В. Кузнецова. – Суми: Університетська книга, 2010. – 304 с.
48. Хардт М., Негри А. Империя / М. Хардт, А. Негри / Пер. с англ. под ред. Г.В. Каменской, М.С. Фетисова. – М.: Праксис, 2004. – 440 с.

49. Урсул А.Д. Информация. Методологические аспекты / А.Д. Урсул. – М.: Наука, 1971. – 295 с.
50. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть / Ж. Бодрийяр. – 2-е изд. – М.: Добросвет, КДУ, 2006. – 389 с.

РАЗДЕЛ 2. Информационное общество: горизонты новой онтологии

Принято считать, что в современных социально-философских дискуссиях о генезисе, формативности, основном «ресурсе» и телесе информационного общества кристаллизовалось две принципиальные точки зрения. Одна из них пытается аксиоматизировать онто-структуру информационного общества через набор инновационных (по отношению к концептам пре-модерна и модерна) принципам и тем самым вывести новые закономерности его функционирования и развития; другая – вывести наличную онтологию из предыдущего фазиса социальной эволюции, предлагая переосмыслить лишь некоторые параметры системы.

При этом первая позиция представлена постиндустриальной парадигматикой (Д. Белл и его последователи), дискурсами постмодерна (Ж. Бодрийяр, М. Постер), теорией гибкой специализации (М. Пайор, Ч. Сейбл, Л. Хиршхорн), а также концептом информационного способа развития (М. Кастельс); вторая, соответственно, неомарксизмом (Г. Шиллер), регуляционной теорией (М. Альетта, А. Липиц) и теорией гибкой аккумуляции (Д. Харви), аналитикой публичной сферы (Ю. Хабермас, Н. Гарнем) и теорией рефлексивной модернизации (Э. Гидденс)¹⁰⁶. Тот же дуализм можно увидеть в политологической¹⁰⁷ и культурологической¹⁰⁸ литературе, где акцентуированы структурные изменения социальной онтологии и праксиологии в пользу сети и «электронного стада».

Вообще, первичная систематизация этих позиций свидетельствует о том, что онтологии индустриального и постиндустриального (информационного) обществ соотнесены в логике стадияльной версии всемирной истории, наиболее популяризаторски представленной трехволновой схемой

---

¹⁰⁶ Уэбстер Ф. Теории информационного общества / Ф. Уэбстер. – М.: Аспект Пресс, 2004. – С. 12.

¹⁰⁷ Дугин А.Г. Геополитика постмодерна. Времена новых империй. Очерки геополитики XXI века / А.Г. Дугин. – СПб.: Амфора, 2007. – С. 322 – 347.

¹⁰⁸ Хантер Дж.Д., Йейтс Дж. Мир американских глобализаторов / Дж.Д. Хантер, Дж. Йейтс // Многоликая глобализация / Под ред. П. Бергера и С. Хантингтона. – М.: Аспект Пресс, 2004. – С. 341 – 377.

О. Тоффлера. Однако, несмотря на потенцирование онтологических возможностей информации (новая стратификация, специализация, сетевое предпринимательство, труд, товар, услуги, капитал и пр.) и рефлексивно/игровое, коммуникативно/игровое обхождение с нею, обе названные версии в большей или меньшей степени презентуют проблематику, касающуюся метаисторического масштаба трансформации обществ, входящих в западную цивилизацию. И далее, благодаря глобализации экономических, политических и собственно культурно-информационных процессов – во многом направляемых и управляемых Западом – всех незападных культурно-цивилизационных ареалов.

Проще говоря, современное макросоциологическое и философско-историческое теоретизирование пока только оконтуривает проблемное поле, связанное с генезисом и оформлением новой социальной онтологии, приходящей на смену онтологии индустриального и аграрного типов обществ, умозрительно расположенных на одной оси истории. Правда, переход от «второй» волны к «третьей», равно как и предыдущий фазис, артикулируются через революционные изменения. Поэтому ниже я попытаюсь уточнить соотношение онтологических характеристик аграрного и индустриального обществ – с одной стороны, и информационного – с другой. Такое размежевание, замечу, просматривается у большинства теоретиков информационного (постиндустриального) общества, вполне отдающих себе отчет в объективном характере наметившейся дивергенции структур и функций, равно как и стоящих за ними сущностей.

Так, Мануэль Кастельс, как ведущий апологет «сетевого общества», в одной из своих самых оригинальных работ указывает: «На протяжении большей части истории человечества – в отличие от биологической эволюции – сети как инструмент посредничества уступали организациям, способным концентрировать ресурсы вокруг централизованно определенных целей, достигавшихся в результате реализации задач на основе рационализированных вертикальных цепочек управления и контроля. Сети главным образом являлись «заповедником» частной жизни, в то время как централизованные иерархические структуры были «вотчиной» власти и

производства. Однако теперь, с внедрением компьютерных информационных и коммуникационных технологий (в частности, Интернета), сетям предоставляется возможность продемонстрировать присущую им гибкость и адаптируемость и тем самым подтвердить свою эволюционную сущность. В то же самое время эти технологии позволяют осуществлять координацию задач и комплексное управление»¹⁰⁹. В этом наблюдении просматривается любопытное противопоставление (якобы) неэволюционной сущности иерархических структур и эволюционной сущности сети. Противопоставление межэпохального, качественно-исторического характера.

Делая небольшое методологическое отступление, необходимо вспомнить тот факт, что онтология социальных систем аграрных и индустриальных обществ задавалась мифологическими и религиозными традициями. Их развенчание, произошедшее в эпоху Модерна, предпочло христианской католической онтологии, выстроенной по принципу иерархии «сверху», кальвинистскую иерархическую онтологию по принципу «снизу», а затем её методическую переработку (экономическую, политико-правовую, социально-статусную) вплоть до отрицания иерархии сетевым принципом.

При этом, после отрицания (демистификации) теоретиками постмодерна – Ж.-Ф. Лиотаром, Ж. Дерридой, Ж. Делезом, Ф. Гваттари, Ж. Лаканом, З. Бауманом, Ю. Кристевой, Р. Рорти и др. основных категорий западной мысли «Бог», «я», «разум», «прогресс», «нация», «законы истории» и т.д. и замещения их разнообразными функциональными средствами: теорией игр, симулякрами, фракталами, письмом, шизоидностью и т.п., макросоциальная теория имеет дело с вполне очевидным методологическим «вызовом». Прежде всего, из-за наличия в знаменателе многих дискурсов *идеи неопределенности*. Ранее, как известно, символом универсальной неопределенности была квантовая физика, но после утверждения

---

¹⁰⁹ Кастельс М. Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе / М. Кастельс. – Екатеринбург: У-Фактория (при участии изд-ва Гуманитарного ун-та), 2004. – С. 14.

в научном сознании конца XX века теории хаоса говорить о социальном мире в терминах индетерминизма стало нормой.

Однако социальная прагматика в той или иной форме соотносима, во-первых, с прежними общими схемами социального развития, во-вторых, с актуальной социальностью и, в-третьих, с опережающими её фактичность тенденциями. Речь идет о том, что переход от индустриализма к постиндустриализму и далее должен быть осмыслен, исходя из общей макро-социологической схематики, довлеющей постиндустриальной метапарадигмы, плюс теориями среднего уровня, занятыми интерпретацией массивов фактов актуальной и трансактуальной природы.

Иначе говоря, какой бы текучей или лишенной твердых тел не была нынешняя социальность (З. Бауман), она должна быть охвачена совместимыми концептуальными средствами. В этом направлении, т.е. понимании эмерджентных эффектов нелинейной социальной динамики сделано немало (В.П. Бех, В.В. Василькова, И.С. Добронравова, Е.Н. Князева, С.А. Кравченко, Ю.М. Лотман, Д.И. Трубецков, Ф. Варела, Э. Ласло, Г. Хакен и мн. др.), но остаются невыясненными ряд вопросов, среди которых вопрос о соотношении исходной и производных социоформ остается открытым. В том числе, из-за невозможности перекрытия возрастающей рефлексивной деятельностью всех возможных векторов социальной активности. Как положительных, скажем «общества качества жизни» (А. Этциони) или «хорошего общества» (В.Г. Федотова), так и отрицательных – «общества спектакля» (Ги Дебор) и «общества потребления» (Ж. Бодрийяр).

В качестве методологического фокуса напрашивается следующее: существующие конвенции в понимании исходной социоформы сходятся в том, что им является постиндустриальное общество. Оно-то и выступает ведущей, хотя и формально-ориентированной метапарадигмой современных социальных концепций. Но уточнение онтологических профилей, порождаемых в ходе реализации проекта выхода из индустриальной формы, является актуальной задачей социальной теории.

Замечу, что чаще всего постиндустриальное общество определяется как социальная форма, вырабатывающаяся и определяющаяся в процессе эволюции и преобразования общества индустриального¹¹⁰. Если же говорить о содержательных его характеристиках, прописанных в работах В.П. Андрющенко, В.Ф. Анурина, В.Л. Иноземцева, В.Г. Попова, П. Дракера, Д. Белла, Г. Кана, Дж. Нейсбита, О. Тоффлера, А. Турена, Л. Туроу, Ж. Фурастье и др., то сразу нужно подчеркнуть факт доминирования третичного сектора экономики и социальной жизни – сферы услуг – над добывающей и перерабатывающей сферами при осознании того, что она есть основной двигатель этого общества. Тем не менее, перед нами изменение характера социальной структуры, изменение принципа «измерения» общества, а не всей его конфигурации. Более того, по мнению классика постиндустриального жанра, это общество – идеальный тип¹¹¹. Его же уникальная (по историческим меркам) специфика включает в себя такие признаки:

- перемещение рабочих кадров в сектор обслуживания (торговля, финансы, транспорт, здравоохранение, образование, отдых и развлечения);
- изменение характера занятий (типа работы), который обусловлен высококвалифицированной подготовкой инженеров, менеджеров и т.д.;
- главенствующее значение теоретических знаний и методов, на основе которых развиваются разнообразные «интеллектуальные технологии»;
- саморазвивающийся технологический рост как его «ось» (рост объема промышленности, прогресс в науке и образовании, развитие технологической учебной базы)¹¹².

При конкретизации этого идеального типа нужно не упустить из вида такой важнейший признак как планирование, но отличающийся от плани-

---

¹¹⁰ Кемеров В.Е. Постиндустриальное общество / В.Е. Кемеров // Социальная философия: Словарь. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2006. – С. 352.

¹¹¹ Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования / Д. Белл. – М.: Academia, 1999. – С. 661.

¹¹² Белл Д. Постиндустриальное общество. Что принесут 1970 – 1980 годы? / Д. Белл // Америка. – 1974. – № 5. – С. 2 – 5.

рования в индустриальных обществах (в том же СССР) тем, что в планах отражается вся система глобальных проблем – интерсоциальные, внутрисоциальные и социоприродные проблемы¹¹³. Белл также указывал на социальную индикацию гонки вооружений, нищеты, преступности, расовых отношений, состояние здравоохранения, загрязнение окружающей среды, безработицу и жилищный вопрос, т.е. те проблемы, которые уже интересовали администрацию президента Дж.Ф. Кеннеди. Сюда же следует включить и управленческий аспект жизни постиндустриального общества, который представлен деятельностью технократов и военных. Именно они ищут баланс технических и политических сил, опираясь на право и находя компромиссные (групповые) решения в рамках социальной практики¹¹⁴.

В свою очередь, антропологический ракурс бытия постиндустриального общества таков, что в нём улавливается особая роль инициативы в социальных процессах, тенденция к повышению интеллектуального уровня и функциональной компетентности¹¹⁵. Причем речь идёт не только о взрослых, но и о детях. За этим, между прочим, стоит процесс индивидуации, который, по мнению Е.Ф. Молевича, складывается из процессов автономизации, персонификации и суверенизации¹¹⁶. Но часто он заканчивается капсулированием личности, причем неважно, речь идёт о физическом или кибердиночестве.

Всё эти тенденции были характерны для Америки конца XX – начала XXI вв., а также близких к ней Канады и государств севера Европы. Чтобы убедиться в этом, прибегнем к описанной Д. Беллом модели постиндустриальной социоструктуры и сопровождающих её становление проблемам. Они, согласно американскому социологу, таковы:

- 1) основной принцип – это центральная роль теоретических знаний и их кодификация;

---

¹¹³ Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования / Д. Белл. – М.: Academia, 1999. – С. 449 – 450.

¹¹⁴ Там же, с. 468 – 492.

¹¹⁵ Тоффлер Э. Третья волна / Э. Тоффлер. – М.: ООО «Изд. фирма АСТ». 1999. – С. 550 – 555.

¹¹⁶ Молевич Е.Ф. Введение в социальную глобалистику. Учебное пособие / Е.Ф. Молевич. – Самара: Изд. Дом «БАХРАХ-М», 2007. – С. 95 – 103.

- 2) основные институты: университет, академические институты, исследовательские организации;
- 3) экономическая база – наукоемкие отрасли промышленности;
- 4) основной ресурс – человеческий капитал;
- 5) политические проблемы: научная политика, политика в области образования;
- 6) структурная проблема – соотношение между частным и общественным секторами;
- 7) стратификация осуществляется на основе способностей и навыков, а доступ к престижным рабочим местам открыт исключительно через образование;
- 8) теоретическая проблема – сплоченность «нового класса»;
- 9) социальные движения – противостояние бюрократии, плюс альтернативная культура¹¹⁷.

Но есть смысл посмотреть на постиндустриальное общество и со стороны генерирования им, как и его предшественником обществом индустриального типа, глобальных проблем. Не секрет, что уже технологическая цивилизация (цивилизация «второй волны») непосредственно включила в систему массового производства невозобновляемые источники энергии, ориентируя общество на рынок или высокоразвитую систему массового потребления. Постиндустриальное общество хотя и меняет акценты в своей энергетической политике (оно переориентируется на поиск и использование возобновляемых ресурсов¹¹⁸), его давление на природу – за счет взвинченного потребления по всему миру – только усиливается. Недаром позднеиндустриальное и постиндустриальное общество иногда называют «обществом потребления».

Эту идею также проиллюстрируем выводом А. Этциони, писавшего о переходе Америки в XX веке от Бога к потребительским товарам¹¹⁹. При-

---

¹¹⁷ Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования / Д. Белл. – М.: Academia, 1999. – С. 160.

¹¹⁸ Тоффлер Э. Третья волна / Э.Тоффлер. – М.: ООО «Изд. фирма АСТ». 1999. – С. 559.

¹¹⁹ Этциони А. Масштабная повестка дня. Перестраивая Америку до XXI века / А. Этциони // Новая технократическая волна на Западе. – М.: Прогресс, 1986. – С. 298 – 299.

чем, на наших глазах происходит «включение» всё больших масс людей в процесс прогрессирующего потребления, который в свою очередь обусловлен «большой идеологической перестройкой ценностей» (Ж. Бодрийяр). По большому счету, именно она приводит к формированию нового профиля социальности и задает необходимость в разработке теории «общества потребления».

Ж. Бодрийяр как наиболее яркий теоретик этого направления считает, что онтология этого профиля задана идеологически и психологически: «Если общество потребления не производит само больше мифа, то потому, что *оно само* является своим собственным мифом. Дьявол, который приносил золото и богатство (ценой души), заменен просто-напросто изобилием. И сделка с Дьяволом заменена договором изобилия»¹²⁰ (курсив – Ж.Б.). Если же перейти от метафор к концептам, то напрашивается такая констатация: «И в некотором роде единственная объективная реальность потребления – это *идея о потреблении*, рефлексивная и дискурсивная конфигурация, бесконечно воспроизводимая повседневным и интеллектуальным дискурсом и приобретающая значимость здравого смысла»¹²¹ (курсив – Ж.Б.).

Эта перестройка ценностей, тем не менее, оборачивается не только унификацией, деперсонификацией, демотивацией, т.е. изменением характера субъекта и его жизненной позиции, но представляет собой разновидность социальной энтропии, ведущей к «концу социального» (Ж. Бодрийяр). При этом нужно вспомнить, что таковую интуитивно, в виде избрания модуса обладания, обозначил ещё Э. Фромм¹²², а в наши дни удачно описал представитель «моральной физики» Д.С. Соммер.

По его мнению, глобальный деструктивный характер консюмеризма проявляется на мировоззренческом и практическом уровнях: «Безумие людей зашло уже так далеко, что они воспринимают мир как супермаркет,

---

¹²⁰ Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структура / Ж. Бодрийяр. – М.: Республика; Культурная революция, 2006. – С. 242.

¹²¹ Там же.

¹²² Фромм Э. «Иметь» или «быть» / Э. Фромм. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2008. – С. 109 – 135.

предлагающий развлечения и удовольствия, и думают, что они здесь ради бесконечных наслаждений, а не ради морального и духовного совершенствования»¹²³. Конечно, в этом процессе люди выступают в роли легкой добычи маркетинга и маркетологов, нарастающего натиска рекламы товаров и услуг.

Вообще, пересмотр соотношения секторов производства и потребления в пользу последнего, выступает важнейшим условием как постиндустриальной метапарадигмы, так и её концептуальных подпорок. Здесь важно уяснить то обстоятельство, что в этом эволюционном канале формируется не только такая черта социального характера как праздность, но возможно конституирование другого социального профиля – «общества спектакля», где потребление имеет собственную драматургию, символику, зрелищность. Рекламный шок мегаполисов, супермаркетов, телевизионных просмотров, виртуальных путешествий и проч., как показали Ги Дебор, М. Маклюэн, Р.-Г. Шварценберг и др., определяются логикой всемогущего медиума. При этом он не только владеет многомерностью символических форм и образов, но сегодня «отвечает» за производство социального и человеческого порядков (!). Но самое важное, причем отрицательное следствие, заключается в том, что «спектакль мастерски организует неведение относительно происходящего...»¹²⁴.

Правда у такой позиции есть противники, выдвигающие серьезные возражения против инерции общества потребления, его заикленности на потреблении («проедание» ресурсов планеты). Речь идет о сторонниках квантификации первичных постиндустриальных изменений в самостоятельную социоформу под названием «информационное общество». Под ним действительно понимают такой тип общества, в котором социальная организация, хозяйственная структура, в т.ч. сфера занятости, пространство жизни и деятельности, наконец, культурная сфера задаются и варьи-

---

¹²³ Соммер Д.С. Мораль XXI века / Д.С. Соммер. – М.: ООО Изд. дом «София», 2004. – С. 74.

¹²⁴ Дебор Г. Общество спектакля / Г. Дебор. – М.: Изд-во «Логос», 2000. – С. 127.

руются информационно-технологическими инновациями¹²⁵. В данном определении отражены технологический (информационный взрыв), экономический (информационная экономика), пространственный (связанный с формированием глобальных информационных и коммуникативных сетей) и культурный (медийно-знаковый) критерии, хотя возможны и другие акценты.

Например, сдержанно настроенный по отношению к реальности информационного общества К. Мей считает, что информационное общество – если оно и возникло – характеризуется признаками: 1) социальной революции; 2) новой экономики; 3) информационной политики; 4) отмирания института государства¹²⁶.

Тем не менее, многие позиции сходятся во мнении о фундаментальной роли информации, которую раскрыли и показали применительно к социальным процессам такие известные математики и кибернетики как Н. Винер, К. Шеннон, Дж. фон Нейман, А. Тьюринг и др.

К примеру, Н. Винер показал, как зарождается, оформляется и передается семантически важная информация, неважно, управление ли это электрической силовой станцией, планирование бюджета страны или игра в шахматы. Но, пожалуй, самое важное открытие, содержащееся в работах теоретиков информационного общества – Дж.П. Барлоу, Э. Дайсона, А. Дафа, В. Дизарда, М. Кастельса, Дж. Нейсбита, М. Постера, Д. Тепскота и др., – что информация представляет важнейший ресурс жизни, наряду с веществом и энергией.

Но всё же раньше всех к этой проблеме прикоснулся М. Маклюэн, заговоривший о понимании новой «электронной эпохи» не только в терминах электричества и света, но и автоматизации. Запущенные ею процессы сделали дело так, что «энергия и производство тяготеют ныне к смешению с информацией и обучением», а «маркетинг и потребление тяготеют к

---

¹²⁵ Уэбстер Ф. Теории информационного общества / Ф.Уэбстер. – М.: Аспект Пресс, 2004. – С. 14 - 30.

¹²⁶ Мей К. Інформаційне суспільство. Скептичний погляд / К. Мей. – К.: „К.І.С.“, 2004. – С. 16 – 21.

слиянию с обучением, просвещением и поглощением информации»¹²⁷. Вообще же «электрическое сжатие вовнутрь» создает принципиально новую цепочку: производство – потребление – обучение, которая иначе, чем ранее, конституирует социального субъекта.

Обсуждая проблемы информационного общества в этом ключе, мы приходим к необходимости конкретизации строения, функций и роли его субъектов. Сравнивая субъекты обществ аграрного, индустриального и постиндустриального (информационного) типа, можно констатировать следующее: в информационном обществе, несмотря на его способность к «самонаправляемой организации» (М. Кастельс), также присутствует иерархическое строение субъекта, причем такое, что на вершине иерархии находятся техномеритократия или техноэлиты, затем идут хакеры, далее располагаются виртуальные общины и, наконец, предприниматели. Все они, тем не менее, обслуживают массы людей, «включающихся» в информационно-коммуникативное пространство. Не является секретом и то, что техномеритократия призвана к «миссии завоевания глобального господства (или контргосподства) силой знаний»¹²⁸, в чем ей помогают или мешают все остальные.

Если перевести проблему субъекта в сугубо антропологическую плоскость, то для понимания происходящих трансформаций человека чаще всего прибегают к образам Нарцисса и Эдипа. Они являются архетипичными западному социуму, артикулируемому как «нерепрессивная цивилизация» (Г. Маркузе). В этих образах, думается, и нужно искать ответ на вопрос о синергизме социальных профилей, об их онтологической и ценностной совместимости.

Не секрет, что эти образы мифологичны в своей логике и реалистичны по сути. В первом случае архетип Нарцисса (и Орфея) выражает радость и удовлетворенность от чувственных удовольствий, предостав-

---

¹²⁷ Маклюэн Г.М. Понимание медиа: Внешнее расширение человека / М. Маклюэн. – 3-е изд. – М.: Кучково поле, 2011. – С. 403.

¹²⁸ Кастельс М. Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе / М. Кастельс. – Екатеринбург: У-Фактория (при участии изд-ва Гуманитарного ун-та), 2004. – С. 79.

ляемых современными технологиями, экономикой и культурной индустрией. Этому архетипу свойственны эротическое раскрепощение и «культ Эроса», «сон», «тишина», «покой» и «смерть». В терминах психоанализа Нарцисс олицетворяет собой «либидозное» содержание «оно», сознательно культивируемое «Я». Нарциссизм западного человека, тем не менее, транслируется по всему миру и выступает как символ свободы (=высвобождения чувственной энергии), к тому же имеющий эстетическое измерение. Но это освобождение, если следовать фрейдовскому пониманию проблемы, связано с физическим или символическим убийством Отца. В этом контексте образ Эдипа, заимствованный из древнегреческой мифологии – это уже не просто «представитель желаний», но и «продукт», и «предел» всей истории Запада.

Этот образ вообще олицетворяет собой «цивилизационную капиталистическую машину», для которой нет нерешаемых задач и неудовлетворяемых желаний. В Эдипе, как в треугольнике, совмещены «интимная, частная территориальность», капитализм и «общественная ретерриторизация»¹²⁹. Причем кодирование и раскодирование потоков желания здесь приобретает тотальный характер. Отсюда современный западный индивидуальный и групповой фантазм «желающего производства», т.е. капитализма в его шизофренической версии: «Шизик располагает такими способами проведения границ, которые свойственны только ему, поскольку прежде всего он располагает особым кодом регистрации, который не совпадает с социальным кодом, а если и совпадает, то только затем, чтобы сделать из него пародию. Бредящий или желающий код демонстрирует необыкновенную подвижность. Можно сказать, что шизофреник переходит от кода к коду, что он *смешивает все коды* в быстром скольжении... не давая изо дня в день одно и то же объяснение, не упоминая одну и ту же генеалогию, не регистрируя одним и тем же образом на одно и то же событие...»¹³⁰ (курсив – Ж. Д., Ф. Г.).

---

¹²⁹ Делёз Ж., Гваттари Ф. Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения / Ж.Делез, Ф.Гваттари. – Екатеринбург: У-Фактория, 2007. – С. 420.

¹³⁰ Там же, с. 32.

Приводимые аргументы в пользу отрицательной специфики социальных профилей, не перекрывааемых её положительными сторонами, хотелось бы увязать с разрабатываемой У. Бекон концепцией «общества риска». Согласно немецкому социологу, современные риски, а именно: технологические риски, обусловленные стремлением к обогащению, затем обусловленные бедностью некоторых государств, и риски, связанные с угрозой применения оружия массового поражения, невидимы, нелокализуемы (ни по происхождению, ни по последствиям), непредсказуемы, а значит, говорить об их предотвращении просто не приходится. Кроме того, фактическая глобализация риска осуществляется из-за стирания границ и легкого проникновения риска в сердцевину любого современного государства и общества: риски несут «социальный эффект бумеранга»¹³¹. Речь не только о Чернобыле, но и башнях-близнецах Всемирного торгового центра, но и о рецепциях риска обществами, пребывающими в режиме «спектакля», «информационной революции» и, конечно же, «потребления».

Проще говоря, современные риски уравнивают все профили, какой бы самоустраняющийся камуфляж они не имели. При этом понятно, что риски распределены между современными обществами неравномерно, поскольку лишь часть из них презентируют постиндустриализм, в то время как остальные – отсталые, переходные и гибридные формы. Но общность страха перед глобальной катастрофой должна породить совершенно новую межгосударственную конфигурацию с разработкой и проведением субполитики. Последняя есть не только звено между категориями «политики» и «неполитики», но сфера, которая может сократить пропасть между растущими социальными изменениями и процедурами их легитимации¹³².

---

¹³¹ Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну / У.Бек. – М.: Прогресс-Традиция, 2000. – С. 43.

¹³² Beck U. Vynalézání politiky. K teorii reflexivní modernizace / U. Beck. – Praha: Sociologické nakladatelství, 2007. – S. 141.

Но эта субполитика (на деле – трансполитика) должна реализовываться как система мер на наднациональном (надгосударственном), сетевом уровне. Однако «сигналы» снизу, т.е. из сетевого сообщества, и традиционное управление «сверху» приобретают ещё одно синергетическое измерение. События в Тунисе и Египте, Ливии и Сирии, т.е. обществах, далеких от указанных профилей, события, как считается, инспирированные сайтом WikiLeaks и Э. Сноуденом, стали выражением этой синергии. На очереди, очевидно, и сами западные общества, логика развития которых недалеко от новых точек бифуркации и образования ранее неизвестных каналов социальной эволюции и формообразования.

Но вернемся к онтологическим характеристикам информационного общества как главного профиля постиндустриального перехода. Для этого нужно обратиться к сетевому дискурсу, ресурсы которого, как считают его представители, достаточны для построения убедительных аргументов.

Согласно испанско-американскому социологу М. Кастельсу, неэффективность и негибкость при принятии решений, имевшая место в иерархических моделях постепенно дискредитировали её; напротив, развитие структуры и ресурсов сети открыли и перманентно открывают новые перспективы и ресурсы индивидуальной экзистенции, межличностной коммуникации и социально-экономических практик. Проще говоря, социальная онтология общества Модерна радикализована в направлении выявления нового основания институциональных и ценностных перспектив, социальных инициатив и индивидуальных свобод. Не даром Кастельс заводит речь то о «сетевых предприятиях», то об «электронном капитале», то об «электронной агоре», то о «цифровой культуре Амстердама», то о «глобальном гражданском обществе» ... Все эти новые элементы, включая алогизм роста мегаполисов, похоже, и конституируют «сетевое общество» с его (якобы) горизонтальными двойными связями, принципиально отличными от вертикально-связующих аграрный и индустриальный типы обществ производственных и коммуникативных нитей.

Заметим: на неудачах иерархий и преимуществах новых вариантов сети в 80-е строил свою аргументацию американский футуролог Джон

Нейсбит¹³³. По его мнению, именно сеть сегодня, а не традиционная семья, церковь или соседство могут «удовлетворить человеческую потребность принадлежать к какому-то коллективу»¹³⁴. Кроме того, подчеркнутый «эгалитаризм» сетей делает их более современными и продуктивными, нежели конструкции иерархий, выстроенных, как правило, по элитарному признаку. Выравнивание знаний, объективных антрополого-социальных различий, политических и культурных уровней перед лицом сети кажется несомненным благом¹³⁵. Но так ли это на самом деле?

По моему мнению, в сетевом онтологическом дискурсе скрываются три (онтологические) проблемы, которые не берутся обсуждать теоретики-классики информационного общества в полном объеме.

Во-первых, проблема скрытого присутствия иерархии в сетевой структуре, причем в виде функционально-управленческих блоков с определенным самополаганием высших ступеней иерархии за счет низших, а также миссией регулирования сетевого «вещества» представителями киберэлит. Данной проблеме будет уделено особое внимание в следующем разделе, при этом здесь хотелось бы подчеркнуть ряд важных моментов.

Так, сам М. Кастельс обрисовывает культуру Интернета и субъектов этой культуры как четырехслойную структуру: 1) техномеритократов и их культуру; 2) хакеров с присущей им особой культурой; 3) виртуальную общину и их культурную жизнь и, наконец, 4) предпринимателей и предпринимательскую культуру¹³⁶. При этом небезынтересна следующая его констатация: «Исторически Интернет создавался в академических кругах и обслуживающих их научно-исследовательских подразделениях, на про-

---

¹³³ Нейсбит Дж. Мегатренды / Дж. Нейсбит. – М.: ООО «Издательство АСТ»: ЗАО НПП «Ермак», 2003. – С. 271 – 293.

¹³⁴ Там же, с. 283.

¹³⁵ В одной из своих последних работ Ал Гор с большой долей озабоченности пишет о судьбе демократии в нынешней Америке. Её состояние он оценивает как неудовлетворительное, в том числе из-за блокирования властными и финансовыми кругами «публичного форума». – Гор А. Атака на разум / А. Гор. – СПб.: Амфора. ТИД Амфора, 2008. – С. 123 – 125. Напротив, он полагает, что «возрождение демократии» может быть обеспечено Интернетом и его ресурсами. – Там же, с. 403 – 411.

¹³⁶ Кастельс М. Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе / М. Кастельс. – Екатеринбург: У-Фактория (при участии изд-ва Гуманитарного ун-та), 2004. – С. 53.

фессорских «командных высотах» и в аспирантских «окопах», откуда соответствующие ценности, обычаи и знания проникли в культуру хакеров»¹³⁷. И далее ниже по иерархии... Но спрашивается: дает ли сетевая иерархия возможность перемещения на «лифтах» вертикальной мобильности, или её верхний этаж закрыт даже для предпринимателей с их финансовыми возможностями? Или ещё: обеспечивает ли сеть своей ризомно расширяющейся горизонталью подлинно гуманные и демократичные отношения внутри самой сети, а также между сетью и сохранившимися структурами аграрных и индустриальных обществ?

Вспомним, что в своё время Ё. Масуда пророчил приход «глобального гражданского сообщества», в котором простые граждане выступают главными компонентами и в котором «автономність і незалежність перебувають у гармонії з упорядкуванням колективу»¹³⁸. Но такое сообщество пока не создано, и на его пути есть серьезные препятствия, главным образом, на самом Западе. Свидетельство чему – «Декларация независимости киберпространства» Джона П. Барлоу (1996). Данный документ, адресованный «правительствам индустриального мира», содержит следующую инвективу: «Истинную силу правительствам даёт согласие тех, кем они правят. Нашего согласия вы не спрашивали и не получали. Мы не приглашали вас... Киберпространство лежит вне ваших границ... Ваши правовые понятия собственности, выражения, личности, передвижения и контекста к нам неприменимы... В Китае, Германии, Франции, России, Сингапуре, Италии и Соединенных штатах вы пытаетесь установить информационный карантин, дабы предотвратить распространение вируса свободомыслия, воздвигнув заставы на рубежах Киберпространства»¹³⁹. Нужно признать, что по сути в нем констатируется реальный внутрисоциальный конфликт, имеющий

---

¹³⁷ Там же, с. 57.

¹³⁸ Масуда Ё. Гіпотеза про генезис Homo intellegens / Ё. Масуда // Сучасна зарубіжна соціальна філософія. Хрестоматія: Навч. посібник / Упоряд. Віталій Лях – К.: Либідь, 1996. – С. 358.

¹³⁹ Барлоу Дж. П. Декларация независимости киберпространства / Дж. П. Барлоу // Информационное общество: Сб. – М.: «Издательство АСТ», 2004. – С. 349 - 350, 351 - 352.

онтологическую и ценностную компоненты. Содержательно он затрагивает мировоззренческие основания происходящих трансформаций и нуждается в корректной философской интерпретации.

Разумеется, она должна учитывать современные общесоциологические положения, например, общую сетевую теорию действия (Р.А. Барт), теорию структуральных сетей (Д. Уиллер), теорию игр (Дж. Харшаньи и др.), теорию обмена (К. Кук), теорию сети ритуальных взаимодействий (Р. Коллинз). Но при всем оптимизме этих подходов¹⁴⁰, апеллирующих к ритуалу, информации, культурному и символическому капиталу, они подразумевают весьма неоднозначные варианты социальной стратификации.

Всё тот же М. Кастельс так фиксирует особенности складывающейся ситуации: «Возникновение сетевого общества... не может быть понято без взаимодействия между этими двумя относительно автономными тенденциями: развитием новых информационных технологий и попыткой старого общества перевооружиться, используя власть технологии на службе технологии власти»¹⁴¹. При этом не кажется странным и его общий вывод: «Однако исторический результат такой полуосознанной стратегии по большей части остается неопределенным, ибо взаимодействие между технологией и обществом зависит от стохастических отношений между огромным количеством квазинезависимых переменных»¹⁴². В т.ч. от акторов этого информационного сдвига, на свой страх и риск переформирующих архитектуру социального.

---

¹⁴⁰ Так, Р. Коллинз пишет: «Все общество в целом может быть представлено как длинная цепь ритуалов взаимодействия, где люди перемещаются от одного взаимодействия к другому. Эта структура вовсе не предполагает никакой жесткости. Любая комбинация людей может оказаться в ситуации взаимодействия лицом к лицу. Но, оказавшись в этой ситуации, они должны найти правильный тип отношений и ритуального разговора. Результат зависит от культурного капитала и символически заряженных идей, которые они привносят в свое взаимодействие». Но самое интересное дальше: «Но водовороты и циркуляция культурного капитала могут препятствовать ровному воспроизводству социальной страты...». – Коллинз Р. Четыре социологические традиции / Р. Коллинз. – М.: Издательский дом «Территория будущего», 2009. – С. 248.

¹⁴¹ Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / М. Кастельс. – М.: ГУ ВШЭ, 2000. – С. 69.

¹⁴² Там же.

Иначе говоря, соотношение сетевого и иерархического принципов, как главных онто-методологических ракурсов приобретает новый смысл именно в рамках информационного профиля.

Для актуализации содержания обсуждаемой проблемы можно обратиться к материалам российского исследователя И.Б. Чубайса. В его статье, посвященной проблеме деиерархизации современной картины мира, читаем: «Всё существующее в этом мире, включая нас самих, устроено по сугубо иерархическому, а отнюдь не по линейному принципу, причем отход от иерархических начал порождает разного рода сбои и конфликты. Вспомним, как устроен микромир. Строение атома достаточно хорошо известно. В центре – протон и нейтрон, вокруг них по строго определенным орбитам вращаются электроны. Похожая ситуация и в мегамире. Солнечная система, как любое иное астрономическое образование, отнюдь не представляет собой торжество свободы и произвола. Напротив, здесь есть четкий порядок, есть центр, вокруг которого вращаются планеты... Если заглянуть в мир биологических существ, то и в сообществах насекомых, млекопитающих, рыб, птиц также будут видны свои иерархии»¹⁴³. Но российский автор идет дальше простых аналогий иерархически устроенной вселенной и социальных систем и подвергает уничижительной критике западную либеральную цивилизацию за внесенную ею в историю абсолютизированные принципы свободы и принцип всеобщего равенства (демократии). Последние как раз и предлагается последовательно реализовать в рамках сетевой онтологии.

Но дает ли сетевая онтология ту «меру свободы» (Ж.-Л. Нанси)¹⁴⁴, которую несли в себе иерархические структуры прежних типов обществ, или же «мера свободы» зависит от включающей/ отключающей экзистенции индивида в сеть? По видимому, такая свобода – это искус информационных блужданий, связанный с ситуативной коммуникацией и условно-

---

¹⁴³ Чубайс И.Б. Россия и Европа: идейно-идентификационный анализ / И.Б. Чубайс // Вопросы философии. – 2002. – № 10. – С. 41.

¹⁴⁴ Нансі Ж.-Л. Досвід свободи / Ж.-Л. Нансі. – К.: Український Центр духовної культури, 2004. – С. 87.

нормативным смыслопорождением, зависящим от «рынка» и его конъюнктуры, присутствием в инфосфере мощного сегмента политического¹⁴⁵.

Поэтому общий вывод для адептов сети звучит неутешительно: «Абсолютизация демократических начал зачастую порождает не просто смещение различных уровней объективно сложившейся иерархии правил, не только разрушение структуры и «выравнивание невыравниваемого», но и прямое переворачивание органичных, отработанных историей социокультурных норм. Абсолютизация свободы может вести к утверждению антииерархии, антиценностей, антикультуры и антиобщества»¹⁴⁶. Думается, что твиттерные революции и, в частности, неоднократная смена режимов как раз свидетельствуют о действенности такой тенденции.

Но эти вопросы, повторяюсь, не интересуют в полной мере сторонников «технократической веры в прогресс человечества под воздействием техники» (М. Кастельс). Такую веру демонстрирует не только кибербмонд (Б. Гейтс, Ст. Джобс и их эпигоны), но и сами теоретики онтологии сети, несмотря на фиксируемые ими имманентные противоречия, заложенные в самих «высоких технологиях»¹⁴⁷.

И это при том, что главное онтологическое «новшество» сети – по М. Кастельсу – это её способность к саморазвитию или «самонаправляе-

---

¹⁴⁵ Между тем, сегодня не только не оправдался прогноз Д. Белла о деидеологизации общества (напр.: Bell D. *The End of Ideology: On the Exhaustion of Political Ideas in the Fifties*. – Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2000), но напротив, техника и технология обнаружили себя в особом идеологическом качестве. Необходимо вспомнить, что этот аспект отмечали Л. Мамфорд, М. Хайдеггер, Г. Маркузе, Ж. Эллюль, Дж. К. Гэлбрейт и др. Но в данном контексте можно сослаться на следующее мнение Ю. Хабермаса, который отметил тенденцию возрастания технократического сознания: «Технократическое сознание является, с одной стороны, «менее идеологическим», нежели все предшествовавшие идеологии, так как оно лишено ослепляющей силы, которая лишь имитирует соблюдение интересов. С другой стороны, доминирующая теперь скорее прозрачная идеология заднего плана... оправдывает частные интересы господства *определенного класса* и подавляет частные потребности в эмансипации *другого класса*, но и затрагивает интересы эмансипации человеческого рода как такового». – Хабермас Ю. *Техника и наука как идеология* / Ю. Хабермас // Хабермас Ю. *Техника и наука как «идеология»*. – М.: Праксис, 2007. – С. 98 – 99 (курсив – Ю.Х.).

¹⁴⁶ Чубайс И.Б. *Россия и Европа: идейно-идентификационный анализ* / И.Б. Чубайс // *Вопросы философии*. – 2002. – № 10. – С. 41.

¹⁴⁷ Нейсбит Дж. *Высокая технология, глубокая гуманность: Технологии и наши поиски смысла* / Дж. Нейсбит при участии Н. Нейсбит и Д. Филиппса. – М.: АСТ: Транзиткнига, 2005. – С. 102 – 142.

мой организации»¹⁴⁸. Получается, что автопойэзис сети – это и есть тот долгожданный Deus ex machina, который устранил в корреляции с рынком весь объем социокультурных проблем, включая проблему идентичности. Именно этот оптимизм нередко приравнивает проект сетевого общества к утопии. В случае деабсолютизации сети – по настоящему насущный вопрос – это вопрос, который может быть конвертирован в вопрос об энтропии, создаваемой творцами сети (в т.ч. метафизикой сети¹⁴⁹), плюс о негэнтропийных механизмах регуляции информационного хаоса.

Данное обстоятельство подводит нас ко второй проблеме, – проблеме скрытых рисков, несомых сетью человеку и обществу, устойчивости и качеству социальных связей, а также психическому здоровью и самочувствию. В общем виде её зафиксировал упомянутый немецкий социолог У. Бек: «Диапазон общественных изменений обратно пропорционален их легитимации, причем это *никак не* меняет пробивной силы технического преобразования, которое именуется «прогрессом»¹⁵⁰. Спрашивается, а может ли быть иначе, если технический (сетевой) прогресс поставлен вне закона (не проходит социокультурную легитимацию как таковую) или выступает в роли самозаконной инстанции?

Иначе как объяснить тот факт, который не на шутку озаботил теоретика третьей волны О. Тоффлера, а именно: факт фантастически растущей профанации знаний, выбрасываемых в сеть и в ней циркулирующих¹⁵¹? Отсюда его идея фильтрации всех производимых информационными технологиями знаний. Тем не менее она подразумевает наличие у общества шести фильтров, пять из которых принадлежит аграрным обществам: кон-

---

¹⁴⁸ Кастельс М. Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе / М. Кастельс. – Екатеринбург: У-Фактория (при участии изд-ва Гуманитарного ун-та), 2004. – С. 43, 73.

¹⁴⁹ Здесь термин «метафизика» употреблен в значении модификатора «метафизики социальной». Под ней российский автор В.Е. Кемеров подразумевает совокупность представлений, связанных с нефизическим, сверхфизическим бытием социальных процессов. – Кемеров В.Е. Метафизика социальная / В.Е. Кемеров // Социальная философия: Словарь. / Сост. В.Е.Кемеров, Т.Х.Керимов. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2006. – С. 248 - 251.

¹⁵⁰ Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну / У.Бек. – М.: Прогресс-Традиция, 2000. – С. 305 (курсив – У.Б.).

¹⁵¹ Тоффлер Э. Революционное богатство / Э. Тоффлер, Х. Тоффлер. – М.: АСТ: АСТ Москва: Профиздат, 2008. – С. 181.

сensus, непротиворечивость, авторитет, откровение, долговечность, а шестой, – наука – индустриальному обществу¹⁵².

Всё бы хорошо, но такой разворот проблемы говорит о неспособности сети к самолегитимации, в том числе принадлежащими ей информационно-ценностными и оргтехническими средствами. Отсюда следует: сеть, не имея соответствующей номологии, не может претендовать на роль социоструктуры с имманентными, не говоря уже о трансцендентных, нормами. Поэтому не рано ли петь дифирамбы сети, этому воплощенному на всём глобусе «открытому обществу»?

Для такого оптимизма нет оснований и в том, что касается человеческого мышления (категориального аппарата) и его трансформаций, а также психо-эмоциональной сферы. В прежние годы при разработке проектов диалоговых систем типа «человек – компьютер» были очерчены лишь некоторые аспекты, в т.ч. лингвистический ракурс взаимодействия людей и машин¹⁵³. Иначе ставилась проблема социальными психологами, которые сумели увидеть в процессе коммуникации социальные и когнитивные стороны, связав их в социокогнитивную систему. При этом её функционирование описывалось в терминах социальной детерминации, хотя и с оговорками в пользу обратной детерминации (порождение коммуникационными механизмами «социальных эффектов», а именно, «вступление в группы, аффилиация, конформность, зависимость»), плюс когнитивной необходимости (связанной «с выполнением работы по оказанию влияния...»)¹⁵⁴.

Но в анализе информационного общества может быть задействован и социокультурный взгляд. Нисколько не желая вуалировать всю сложность онтологических проблем информационного общества, тем более приходящиеся на его американский сегмент, нужно обратить внимание на следующее. В своей недавней работе, посвященной футурологическим

---

¹⁵² Там же, с. 180 – 188.

¹⁵³ В частности, обращалось внимание на лингвистическую относительность и связанные с ней когнитивно-психологические парадоксы. См. напр.: Горелов Н.Н. Разговор с компьютером. Психологический аспект проблемы / Н.Н. Горелов. – М.: Наука. Гл. ред. физ.-мат. Лит., 1987. – С. 34 - 91.

¹⁵⁴ Социальная психология. 7-е изд. / Под ред. С. Московичи. – СПб.: Питер, 2007. – С. 528.

сюжетам наступившего millennium-а, американский политолог Дж. Фридман недвусмысленно охарактеризовал дрейф всех обществ в сторону информационного фарватера, проложенного США.

Его главный тезис состоит в следующем: «Американские компьютерные технологии – это логическое продолжение традиций американской культуры». И далее следуют аргументы, связанные с актуализацией принципов прагматизма в интерьере информационного общества: «Философская концепция прагматизма была построена на таких высказываниях, как, например, следующее высказывание Чарльза Пирса, основоположника прагматизма: «Для того чтобы определить значение интеллектуальной концепции, необходимо попытаться понять, какие практические последствия могут быть в обязательном порядке вызваны истиной сущностью этой концепции; и сумма таких последствий составит собой общее значение концепции». Иными словами, значимость идеи определяется её практическими последствиями. Следовательно, идея без практических последствий лишена значения. Тем самым перечеркнуто все представление о созерцательном размышлении как самоцели»¹⁵⁵.

Очевидно, что речь идет о возможной интеграции людей вокруг прагматических (а не этических и эстетических) фигур. Между прочим, этот тезис, подтверждается обобщением Д. Белла, соотносим с параметрами предложенной им технологической модели: «Технологический [прогресс] сформировал новое определение рациональности, новый способ мышления, делающие упор на функциональные отношения и количественные показатели. Критериями производительности в нем являются эффективность и оптимизация, т.е. использование ресурсов с наименьшими издержками и усилиями»¹⁵⁶.

Но самое, пожалуй, интересное заключается в том, что М. Фридман не одинок в своих характеристиках и оценках новой социальности и генерируемой ею культуры. Предоставлю слово А.А. Зиновьеву, писавшему ещё в

---

¹⁵⁵ Фридман М. Следующие 100 лет: прогноз событий XXI века / М. Фридман. – М.: Эксмо, 2010. – С. 87.

¹⁵⁶ Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования / Д. Белл; пер. с англ. – М.: Academia, 1999. – С. 255.

2006 году следующее: «Для современной американизации (по всей вероятности, побеждающей) её подлинным умом стала сама примитивная часть человеческого интеллекта – компьютер. Это и есть реальный материализованный ум. И никакого другого специфически американского ума нет. Он хозяевам нового мира не нужен. Другого ума они не знают и не понимают. При этом они вообразили себя самым умным народом в мире»¹⁵⁷.

Конечно, можно не согласиться с такой нелюбезной характеристикой народа Америки, тем более что не существует единой универсальной ментальной формулы, несмотря на заверения некоторых авторов¹⁵⁸. Скорее всего, тут можно говорить о незапрограммированных эффектах социальной и антропологической эволюции, увязанных с эволюцией техники. Сама незапрограммированность определяется имманентным конфликтом между культурой и техникой, и это несмотря на то, что в западной цивилизации их гносеологические истоки обнаруживают родство, а культурно-исторические и ценностные реалии сегодня работают на один и тот же результат¹⁵⁹. В частности, речь идёт о теснейшей связи между корыстью (прибыль) и развитием (технологии), в которую вовлекается культурный арьергард – массовая культура, а значит образ жизни, быт и даже социальные связи. Что же касается высот духа, то им просто не находится места в «ценностно-смысловом универсуме».

Наконец, следует подчеркнуть, что в текстах адептов сетевого общества не уделено внимания усечению сетевой онтологией самой социокультурной реальности. Данное положение можно выразить следующим образом: то, что включено в сеть в качестве её информационных ресурсов, и является подлинной реальностью, или же наоборот: то, что в ней отсутствует – не существует.

---

¹⁵⁷ Зиновьев А.А. Фактор понимания. – М.: Алгоритм, Эксмо, 2006. – С. 514.

¹⁵⁸ Относясь с почтением к творчеству Г.Д. Гачева, автора концепции «космо-психо-логоса», хочу сослаться на его оригинальные разведки американской психологии: «Общая концепция Космо-Психо-Логоса США такова: это мир ургии без гонии, искусственно сотворенный переселенцами, а не естественно выросший из Матери(и), Природины, как все культуры народов Евразии, где ургия (труд, история) продолжают гонюю в своих формах и где культура натуральна, а население = народ». – Гачев Г.Д. Ментальности народов мира / Г.Д. Гачев. – М.: Эксмо, 2003. – С. 178.

¹⁵⁹ Воронин А.А. Миф техники / А.А. Воронин; Ин-т философии РАН. – М.: Наука, 2006. – С. 149.

Речь идет об особой селективности бытия, на которую обратил внимание М. Маклюэн в своём анализе трансформаций социоструктуры: от греческого полиса – через средневековый мир – к индустриальному обществу – и к «глобальной деревне». В частности, им был показан не только «механизм» смены технологий, всегда порождающий смену способа коммуникации, но и то, что доминирующая модель коммуникации обуславливает и работу сенсорного аппарата индивида (состояние структуры знания, пространственно-временные формы восприятия и интерпретации предметов, законы мышления и т.д.). В конце концов, различив дописменный, письменно-печатный и визуальный варианты коммуникации, Маршалл Маклюэн дал серьезный повод к пониманию того, что в «галактике Gutenberga», а затем и в «галактике Интернет» реализовывалась мощная тенденция «к визуальной организации невизуального»¹⁶⁰.

И здесь как раз обнаружилось, что «технологии Gutenberga» ещё как-то сохраняли иерархическую онтологию, ибо иерархия средствами книгопечатания, живописи, архитектуры и скульптуры «перешла в визуальное измерение»¹⁶¹. Однако заключенный на всех уровнях иерархии социальный опыт начал испаряться после «электронной революции». Ею были генерированы радикальные средства «сегментации и классификации», которые уже в «галактике Gutenberga» давали отрицательные результаты в виде уравнивания вещей и людей¹⁶².

Но в нынешнем сетевом социуме такое уравнивание / уподобление вообще стало нормой: «Тело человека подобно компьютеру, его hardware, а верования и желания человека аналогичны программному обеспечению компьютера, его software. Никого не волнует вопрос о том, верно или нет данное software отражает реальность. Важно то, способно ли данное software наиболее эффективно выполнить определенную задачу»¹⁶³.

---

¹⁶⁰ Маклюэн М. Галактика Gutenberga: Становление человека печатающего / М. Маклюэн. – М.: Академический проект: Фонд «Мир», 2005. – С. 246.

¹⁶¹ Там же, с. 249.

¹⁶² Там же, с. 305.

¹⁶³ Рорти Р. Релятивизм: найденное и сделанное / Р. Рорти // Философский прагматизм Ричарда Рорти и российский контекст / Отв. ред. А.В. Рубцов. – М.: «Традиция», 1997. – С. 28.

В этой связи хочу обратить внимание ещё на один аспект социокультурного усечения. Конечно, тема взаимосвязи мышления и культуры разрабатывается давно, но сегодня она приобретает особый колорит. Согласно концепции С.Г. Кара-Мурзы, в рамках трансформации нынешних социальных систем можно наблюдать переход: от рационалистического – к аутическому мышлению и основанному на нём решению проблем и удовлетворению потребностей. Подчеркивается тенденция коллективного аутизма, который не является «бредовым хаосом», не случайным нагромождением фантазий, а тенденционным феноменом. Структура его проста: в нём доминирует тот или иной образ, а всё, что ему противоречит подлежит подавлению или редукции¹⁶⁴.

Для моей гипотезы об информационном подполье эти положения чрезвычайно важны, поскольку в подполье и происходит «ограничение разнообразия», соотносительное стратегии информационного общества, которая, в свою очередь, всё чаще и чаще дает образы и ценности потребления и спектакля. Иначе говоря, тенденциозность выражается в субъективном поддержании потребительско-гедонистического «рая» и ниспровержении логоцетрических, структурированных разумом систем, будь то государство или культура¹⁶⁵.

Но этот ракурс позволяет перейти к антропологии информационного общества. В виду того, что возникла новая порода «людей, желающих складываться по примеру подзорной трубы» (Л. Кэрролл), то ещё раз нужно вспомнить о свободе как настоящей панацее от всех неприятностей такой реифицирующей идентичности. Но и тут нас ожидает разочарование: «Где же во всём этом (сетевом мире – М.Д.) свобода? Нет ни выбора, ни возможности принятия окончательного решения. Любое решение, связанное с сетью, экраном, информацией и коммуникацией, является серийным, частичным, фрагментарным, нецелостным»¹⁶⁶. И

---

¹⁶⁴ Кара-Мурза С.Г. Кризисное обществоведение. Курс лекций / С.Г. Кара-Мурза. – М.: Научный эксперт, 2011. – Часть первая. – С. 112, 113.

¹⁶⁵ В широком смысле этот процесс имманентен постмодернизации. О ней см.: Муза Д.Е. Глобалистика: Учебное пособие / Д.Е. Муза. – Донецк: Изд-во «Ноулидж» (Донецкое отделение), 2012. – С. 199 – 215.

¹⁶⁶ Бодрийяр Ж. Прозрачность зла / Ж. Бодрийяр. – 2-е изд. – М.: Добросвет, КДУ, 2006. – С. 84.

судьба «Человека Телематического» (Ж. Бодрийяр), по видимому, в том, что структура всех его жестов – квантована: она складывается благодаря «случайному соединению точечных решений»¹⁶⁷. В таком случае мы получаем долгожданное благо свободы, растянувшееся на всю историю, или её конец? Вопрос остается открытым...

Правда на него существует и позитивный ответ, сопряженный с когнитивной нагрузкой людей умственного труда, точнее, с моральными принципами применения знания (информации) любыми субъектами информационного общества. Данное обстоятельство вызвано к жизни превращением знания во власть. И, думается, не случайно, что более двух десятков лет тому назад П.Ф. Друкер озабоченно писал: «*Основная моральная проблема информационного общества – ответственность образованного человека*»¹⁶⁸ (курсив – П.Д.). Замечу, что её предмет не только содержание (качество) информации, но и эколого-социальная продуктивность применимости этого знания. В самих США и ЕС, как показали последние события, с этим пунктом не все так гладко. Иначе говоря, задекларированные либеральным проектом свобода и демократия оказались под прицелом.

И последнее. Сетевая онтология предстает во многом как онтология виртуальная, смысловым ядром которой выступает «виртуальная вечность». На эту сторону обращают внимание многие исследователи, подчеркивая её «устойчивое неравновесие». В частности российский автор С.С. Хоружий утверждает, что «вся сфера виртуальности неотличима от чистого несуществования: является невидимой»¹⁶⁹. В ней никакая сущность и никакой телос не достигают «совершенной актуализации», в т.ч. по причине специфического движения «виртуальных частиц» (информационных сгустков) по «виртуальным траекториям» (сетям). Последние не обладают ни физическими, ни метафизическими свойствами и условиями.

---

¹⁶⁷ Там же, с. 85.

¹⁶⁸ Друкер П.Ф. Эпоха разрыва: ориентиры для нашего меняющегося общества / П.Ф. Друкер. – М.: ООО «И.Д. Вильямс», 2007. – С. 313.

¹⁶⁹ Хоружий С.С. О старом и новом / С.С. Хоружий. – СПб.: Алетейя, 2000. – С. 314.

Но неаристотелевский (неэссенциалистский) характер этой онтологии проявляется ещё и в том, что иным полюсом её существования, полюсом, одновременно потребляющим и развивающим её «продукты», структуру и функции, выступает «психологическая виртуальная реальность». Ей-то на самом деле поручена субъективная селекция, фрагментация/ дефрагментация, актуализация/ архаизация, сакрализация/профанация и другие процедуры ценностного «творения» бытия в-мире-без-подлинных-ценностей. Но уже Ж.-П. Сартр догадался о том, что человеческая субъективность в одной из своих неадекватных установок – источник нигитологии и нигитопрактики. А в наши дни Г. Джемаль заговорил об информационном обществе и его главном ресурсе – информации как «самой совершенной эссенции лжи, которую будет загонять «шприц», воткнутый в мозги человечества»¹⁷⁰.

Итак, вере в чудодейственные свойства матери-земли, в героя, в Бога, в Царя, разум, силу религиозной чувственности и т.д. предпочитается «технологическая вера», т.е. вера в тот же инструментальный разум (помноженный на информационное потребление), о котором М. Хоркхаймер в своё время недвусмысленно сказал: «Поступальна раціоналізація, як її розуміють і практикують у нашій цивілізації, має тенденцію знищувати саму ту субстанцію розуму, в ім'я якої виступають за прогрес»¹⁷¹. Что же остается? «Имманентная онтологическая альтернатива», пронизывающая всякое бытие-действие человека, вовлеченного в архитектонику событийно вершащегося Бытия.

В связи с обозначенными в этом разделе сюжетами напрашивается следующий вывод: сетевой принцип – имплантированный в социоструктуру и отождествленный с нею, несет в себе ряд неопределенностей онтологического, нормативного и антропологического характера. Если он и хорош, то не для решения (всегда инструментального и процедурного) фундаментальных проблем человеческого существования. Тем более проблем управления развитием, которые объективно вышли на первый план.

---

¹⁷⁰ Джемаль Г. Наследие Кириллова / Г. Джемаль // Чеснокова Т.Ю. Пост-человек. От неандертальца до киборга. – М.: Алгоритм, 2008. – С. 73.

¹⁷¹ Горгаймер М. Критика інструментального розуму / М. Горгаймер. – К.: ППС-2002, 2006. – С. 23.

Литература:

1. Уэбстер Ф. Теории информационного общества / Ф. Уэбстер; Пер. с англ. М.В. Арапова, Н.В. Малыхиной; Пед ред. Е.Л. Варгановой. – М.: Аспект Пресс, 2004. – 400 с.
2. Дугин А.Г. Геополитика постмодерна. Времена новых империй. Очерки геополитики XXI века / А.Г. Дугин. – СПб.: Амфора, 2007. – 382 с.
3. Хантер Дж.Д., Йейтс Дж. Мир американских глобализаторов / Дж.Д. Хантер, Дж. Йейтс // Многоликая глобализация / Под ред. П. Бергера и С. Хантингтона. – М.: Аспект Пресс, 2004. – С. 341 – 377.
4. Кастельс М. Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе / М. Кастельс; Пер. с англ. А. Матвеева под ред. В. Харитоновой. – Екатеринбург: У-Фактория (при участии изд-ва Гуманитарного ун-та), 2004. – 328 с. (Серия «Академический бестселлер»).
5. Кемеров В.Е. Постиндустриальное общество / В.Е. Кемеров // Социальная философия: Словарь. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2006. – С. 352.
6. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования / Д. Белл; [пер. с англ.]. – М.: Academia, 1999. – 956 с.
7. Белл Д. Постиндустриальное общество. Что принесут 1970 – 1980 годы? / Д. Белл // Америка. – 1974. – № 5. – С. 2 - 5.
8. Тоффлер Э. Третья волна / Э.Тоффлер. – М.: ООО «Изд. фирма АСТ». 1999. – 784 с.
9. Молевич Е.Ф. Введение в социальную глобалистику. Учебное пособие / Е.Ф. Молевич. – Самара: Изд. Дом «БАХРАХ-М», 2007. – 160 с.
10. Этциони А. Масштабная повестка дня. Перестраивая Америку до XXI века / А. Этциони // Новая технократическая волна на Западе. – М.: Прогресс, 1986. – С. 293 – 315.
11. Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структура / Ж. Бодрийяр / Пер. с фр., послесл. и примеч. Е.А. Самарской. – М.: Республика; Культурная революция, 2006. – 269 с.
12. Фромм Э. «Иметь» или «быть» / Э.Фромм. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2008. – 314, [6] с.
13. Соммер Д.С. Мораль XXI века / Д.С. Соммер. – М.: ООО Изд. дом «София», 2004. – 528 с.
14. Дебор Г. Общество спектакля / Г. Дебор[пер. с фр. С. Офертас и М. Якубович]. – М.: Изд-во «Логос», 2000. – 184 с.
15. Мей К. Інформаційне суспільство. Скептичний погляд / К.Мей. – К.: „К.І.С.“, 2004. – XIV, 220 с.
16. Маклюэн Г.М. Понимание медиа: Внешнее расширение человека / М. Маклюэн / Пер. с англ. В. Николаева; Закл. ст. М. Вавилова. – 3-е изд. – М.: Кучково поле, 2011. – 464 с.

17. Делёз Ж., Гваттари Ф. Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения / Ж.Делёз, Ф.Гваттари; пер. с франц. и послесл. Д. Кралечкина; науч. ред. В. Кузнецов. – Екатеринбург: У-Фактория, 2007. – 672 с. – (Philosophy).
18. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну / У.Бек. – М.: Прогресс-Традиция, 2000. – 384 с.
19. Beck U. Vynalézání politiky. K teorii reflexivní modernizace / U. Beck. – Praha: Sociologické nakladatelství, 2007. – 273 s.
20. Нейсбит Дж. Мегатренды / Дж. Нейсбит; Пер. с англ. М.Б. Левина. – М.: ООО «Издательство АСТ»: ЗАО НПП «Ермак», 2003. – 380, [4] с. – (Philosophy).
21. Гор А. Атака на разум / Альберт Гор; [пер. с англ. А. Богданова и К. Минковой, под ред. Ю. Акимова]. – СПб.: Амфора. ТИД Амфора, 2008. – 478. – (Серия «Личное мнение»).
22. Масуда Й. Гіпотеза про генезис Homo intellegens / Й. Масуда // Сучасна зарубіжна соціальна філософія. Хрестоматія: Навч. посібник / Упоряд. Віталій Лях. – К.: Либідь, 1996. – С. 335 - 361.
23. Барлоу Дж. П. Декларация независимости киберпространства / Дж. П. Барлоу // Информационное общество: Сб. – М.: «Издательство АСТ», 2004. – С. 349 - 352.
24. Коллинз Р. Четыре социологические традиции / Р. Коллинз / Перевод Вадима Россмана. – М.: Издательский дом «Территория будущего», 2009. – 317 с. – (Серия «Университетская библиотека Александра Погорельского»).
25. Чубайс И.Б. Россия и Европа: идейно-идентификационный анализ / И.Б. Чубайс // Вопросы философии. – 2002. – № 10. – С. 29 - 44.
26. Нансі Ж.-Л. Досвід свободи / Ж.-Л. Нансі / Пер. з фр., післямова та примітки О. Йосипенко. – К.: Український Центр духовної культури, 2004. – 216 с.
27. Нейсбит Дж. Высокая технология, глубокая гуманность: Технологии и наши поиски смысла / Дж. Нейсбит при участии Н. Нейсбит и Д. Филиппа; пер. с англ. А.Н. Анваера. – М.: АСТ: Транзиткнига, 2005. – 381, [3] с. – (Philosophy).
28. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / М. Кастельс; Пер. с англ. под научн. ред. О.И. Шкаратана. – М.: ГУ ВШЭ, 2000. – 608 с.
29. Bell D. The End of Ideology: On the Exhaustion of Political Ideas in the Fifties. – Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2000. – 501 p.
30. Хабермас Ю. Техника и наука и как идеология / Ю. Хабермас // Хабермас Ю. Техника и наука как «идеология» / Пер. с нем. М.Л. Хорькова. – М.: Праксис, 2007. – С. 50 - 116.
31. Кемеров В.Е. Метафизика социальная // Социальная философия: Словарь. / Сост. В.Е.Кемеров, Т.Х.Керимов. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2006. – С. 248 - 251.
32. Тоффлер Э. Революционное богатство / Э. Тоффлер, Х. Тоффлер. – М.: АСТ: АСТ Москва: Профиздат, 2008. – 569, [1] с. - (Philosophy).

33. Горелов Н.Н. Разговор с компьютером. Психологический аспект проблемы / Н.Н. Горелов. – М.: Наука. Гл. ред. физ.-мат. лит., 1987. – 256 с. – (Пробл. науки и техн. прогресса).
34. Социальная психология. 7-е изд. / Под ред. С. Московичи. – СПб.: Питер, 2007. – 592 с.: ил. – (Серия «Мастера психологии»).
35. Фридман М. Следующие 100 лет: прогноз событий XXI века / М. Фридман ; [пер. с англ. А. Калинина, В. Нарицы. М. Мацковской]. – М.: Эксмо, 2010. – 336 с. – (Библиотека Коммерсантъ).
36. Гачев Г.Д. Ментальности народов мира / Г.Д. Гачев. – М.: Эксмо, 2003. – 544 с.
37. Воронин А.А. Миф техники / А.А. Воронин; Ин-т философии РАН. – М.: Наука, 2006. – 200 с.
38. Маклюэн М. Галактика Гутенберга: Становление человека печатающего / М. Маклюэн / Перевод И.О. Тюриной. – М.: Академический проект: Фонд «Мир», 2005. – 496 с. – («Концепции»).
39. Рорти Р. Релятивизм: найденное и сделанное / Р. Рорти // Философский прагматизм Ричарда Рорти и российский контекст / Отв. ред. А.В. Рубцов. – М.: «Традиция», 1997. – С. 11 - 44.
40. Кара-Мурза С.Г. Кризисное обществоведение. Курс лекций / С.Г. Кара-Мурза. – М.: Научный эксперт, 2011. – Часть первая. – 464 с.
41. Муза Д.Е. Глобалистика: Учебное пособие / Д.Е. Муза. – Донецк: Изд-во «Ноулидж» (Донецкое отделение), 2012. – 310 с.
42. Бодрийяр Ж. Прозрачность зла / Ж. Бодрийяр. – 2-е изд. – М.: Добросвет, КДУ, 2006. – 258 с.
43. Друкер П.Ф. Эпоха разрыва: ориентиры для нашего меняющегося общества / П.Ф. Друкер. [пер. с англ.]. – М.: ООО «И.Д. Вильямс», 2007. – 336 с.: ил.
44. Хоружий С.С. О старом и новом / С.С. Хоружий. – СПб.: Алетейя, 2000. – 477 с.
45. Джемаль Г. Наследие Кириллова / Г. Джемаль // Чеснокова Т.Ю. Пост-человек. От неандертальца до киборга. – М.: Алгоритм, 2008. – С. 53 - 77.
46. Горгаймер М. Критика інструментального розуму / М. Горгаймер; [пер. з нім.]. – К.: ППС-2002, 2006. – 282 с. – («Сучасна гуманітарна бібліотека»).

РАЗДЕЛ 3. Управляемо ли информационное общество? (к постановке проблемы)

К рассмотренным выше следует присовокупить ряд проблем, связанных с информационной революцией (создание всемирной информационной сети, «Всемирной паутины» или «Матрицы» – World Wide Web, цифровых и волоконно-оптических технологий и т.д.), часто неосознаваемых даже специалистами¹⁷². Думается, что часть рисков информационного общества коррелируется с системой управления или контроля за оперативной и стратегической информацией. По версии О. Тоффлера, высказанной им в 1990 году: «Контроль над знаниями – вот суть будущей всемирной битвы за власть во всех институтах человечества»¹⁷³. Но данное обстоятельство, разумеется, требует соответствующего разъяснения, тем более в контексте динамики таких параметров как количество, качество и распределение знаний в обществе.

Конечно, такой взгляд меняет представление о социальном прогрессе, в особенности его критерии. Поэтому есть смысл рассмотреть общие подходы к изучаемой проблеме, а затем перейти к специфическим категориям и иллюстрациям.

Начну с технооптимистов. По мнению Р.Ф. Абдеева, информационная революция порождает исключительно позитивные явления в промышленном производстве и социальной сфере: 1) сокращается число занятых в промышленном производстве и сельском хозяйстве; 2) происходит сокращение традиционных видов сырья, что способствует природосбережению; 3) наукоемкие производства позволяют небольшим государствам доби-

---

¹⁷² Все чаще речь идет о плохой экспертизе различных товаров, в т.ч. содержащих наночастицы. – Грунвальд А. Техника и общество: западноевропейский опыт исследования социальных последствий научно-технического развития / А. Грунвальд. – М.: Логос, 2011. – С. 77 – 85.

¹⁷³ Тоффлер О. Метаморфозы власти / Э. Тоффлер. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2004. – С. 43. Следует заметить, что в «новую траекторию власти» Тоффлер включает институты производства и старой власти (силу и деньги), рынка и науки, а также новых форм ведения бизнеса.

ваться впечатляющих успехов в экономике; 4) возникает новая конфигурация власти: власть интеллекта, власть информации, и традиционные – законодательная, исполнительная и судебная; 5) интенсивно работают глобальные рыночные механизмы, включающие не только материальное производство, но и банковский сектор, научные исследования, систему образования; 6) уходит в прошлое деление мира на капиталистический и социалистический лагерь; 7) в системы образования и здравоохранения вливаются новые потоки капиталов; 8) осуществляются невиданные ранее проекты по охране природы, по погашению энтропии¹⁷⁴.

Всё бы хорошо, но наступившая информационная эра, которая меняет расстановку сил в паре «наука и техника» в пользу формата «технонауки»¹⁷⁵, а затем и всего социального контекста, ею нагруженного, не столь однозначна в параметрическом и ценностном измерениях.

Например, М.Г. Делягин справедливо полагает, что «человек эпохи информационной революции живет на основе представлений «информационного мира», которые всё более отдаляются от мира физического. Этот нарастающий разрыв между представлениями (а значит, и мотивацией) и реальностью порождает ошибки, масштаб и разрушительность которых также растут»¹⁷⁶. Проще говоря, информационная революция, значительно превышая физические границы индивидуального восприятия, загоняет людей в своеобразный «информационный тупик». Он, между прочим, характеризуется тем, что человек с такой рациональной структурой (самосознающего и самотождественного субъекта) неспособен быстро переключаться на противоречивую, взаимоисключающую информацию. В т.ч. из-за наложения «свежих» когний на «старые». При этом «плавают» т.н. «точки сборки» смысла¹⁷⁷. То же самое касается «ловушки коммуникаций», в которой человеческое познание теряет свою сущность,

---

¹⁷⁴ Абдеев Р.Ф. Философия информационной цивилизации. – М.: Владос, 1994. – С. 95 – 98.

¹⁷⁵ Андреев А.Л., Бутырин П.А., Горохов В.Г. Социология техники: учебное пособие. – М.: Альфа-М; ИНФРА-М, 2009. – С. 124 - 128.

¹⁷⁶ Делягин М.Г. Драйв человечества. Глобализация и мировой кризис. – М.: Вече, 2008. – С. 56.

¹⁷⁷ Мансурова В.Д. Человек в пространстве массмедиа: вопрошание о смысле // Информационная эпоха: вызовы человеку / Под ред. И.Ю. Алексеевой и А.Ю. Сидорова. – М.: РОССПЭН, 2010. – С. 198 – 199.

где попросту отменен процесс убеждения, деформировано подлинное целеполагание¹⁷⁸.

Но таковое с эпохи позднего индустриализма отдано на откуп корпорациям. Никто иной как Дж.К. Гэлбрейт, характеризуя позднеиндустриальное общество, высказал гипотезу, нашедшую своё подтверждение на примере деятельности ряда американских компаний – «Дженерал Электрик», «Дженерал Моторс» и др. В частности, он показал, что современная хозяйственная организация предприятия требует выработки и принятия групповых решений на всех стадиях изготовления изделия-товара. Они, в свою очередь, при подчинении требованиям современной техники и планирования, а также в связи с отделением функций собственности на капитал от функции контроля над предприятием¹⁷⁹ вырабатываются и принимаются администрацией или техноструктурой.

Её, техноструктуру, составляет многочисленная группа лиц: от самых высокопоставленных служащих корпорации – до работников в белых и синих воротничках¹⁸⁰. Главный признак этой группы – обладание специальными знаниями и умение их конвертировать в долгосрочные и эффективные решения. При этом основной целью компании становится не получение максимальной прибыли, а ускорение темпов самого производства. Естественно, что это в полной мере соответствует интересам общества высокого массового потребления.

Тем не менее, в информационном обществе как её продукте просматривается иерархическое строение субъекта: на вершине иерархии находятся техномеритократия¹⁸¹ (техноэлиты), затем идут хакеры, далее располагаются виртуальные общины и, наконец, предприниматели. Все

---

¹⁷⁸ Делягин М.Г. Драйв человечества. Глобализация и мировой кризис. – М.: Вече, 2008. – С. 59 – 64.

¹⁷⁹ Что в 30 – 50-е гг. совмещал предприниматель.

¹⁸⁰ Гэлбрейт Дж.К. Новое индустриальное общество / Дж. К. Гэлбрейт. – М.: ООО «Издательство АСТ»: ООО «Транзиткнига»; СПб.: Terra Fantastica, 2004. – С. 115 – 116.

¹⁸¹ Меритократия (греч. μέριτος – достойный, κράτος – власть) – это власть наиболее квалифицированных и проявивших себя технократических элит, которые в условиях НТП берут на себя функцию интеллектуального поводыря общества. К их инстанции уже апеллировал Д. Белл, в своём видении субъектов политики постиндустриального общества. – Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования / Д. Белл. – М.: Academia, 1999. – С. 546 – 616.

они обслуживают массы людей, «включающихся» в информационно-коммуникативное пространство. Не является секретом и то, что техно-меритократия призвана к «миссии завоевания глобального господства (или контргосподства) силой знаний»¹⁸², в чем ей помогают или мешают все остальные. Именно так в большинстве случаев рисуется развитие и управление.

Если же прибегнуть к расширительной трактовке технооптимизма, то следует учесть констатацию: ничто кроме науки и техники, их «прорывных» направлений не избавит человечество от груза большинства (а в некоторых трактовках – всех) глобальных проблем. Например, современная наука в состоянии решить:

- проблему альтернативных источников энергии (геотермальная, солнечная и энергия ветра);

- проблему минимизации и интенсификации процессов, происходящих во всех сферах жизнедеятельности за счет «нанотехнологической революции»;

- проблему создания новых (взамен вымирающей флоры и фауны) органических систем путём привлечения методов генной инженерии;

- проблему человеческого здоровья в аспектах её «качества» и продолжительности¹⁸³.

Но намеченный «прорыв», так или иначе, связан с множеством других переменных социальной динамики, учет которых – дело отнюдь не бесспорное. В этом отношении, для понимания характера происходящего, целесообразно пользоваться комплексом критериев общественного прогресса, которые выделяют наиболее важные траектории социальной динамики:

- 1) степень информатизации, компьютеризации, электронизации, медиатизации общественной системы;

---

¹⁸² Кастельс М. Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе / М. Кастельс. – Екатеринбург: У-Фактория, 2004. – С. 79.

¹⁸³ Лось В.А., Урсул А.Д., Демидов Ф.Д. Глобализация и переход к устойчивому развитию. Монография. – М.: Изд-во РАГС, 2009. – С. 202.

2) темпы роста производства товаров и средств производства, в т.ч. компьютеров;

3) темпы роста услуг, в особенности в гуманитарной области (в здравоохранении, образовании, социальном обслуживании), а также в профессионально-технической области;

4) степень свободы индивидов, занятых во всех сферах общества;

5) уровень демократизации общественной системы;

6) степень реальных возможностей для всестороннего развития индивидов и для проявления творческих потенций человека;

7) увеличение человеческого счастья и добра¹⁸⁴.

Но даже при таком системном подходе из поля зрения «выпадают» важнейшие ракурсы рассмотрения общественного прогресса: социальная сплоченность, безопасность в разнообразных её проявлениях, организационно-управленческие механизмы¹⁸⁵ и, конечно же, удовлетворенность экологическими параметрами жизни. Все они сегодня также выступают критериями (координатами, метриками, индикаторами) шагов прогресса. При этом всё очевиднее, что ставка на сугубо сциентистски-техницистское понимание социоприродной динамики просто обречена.

Однако считается, что информатизация – это не самоцель, а одно из условий прогресса¹⁸⁶. То же самое касается подготовки субъектов этого процесса – ученых и инженеров¹⁸⁷, которые сегодня просто обязаны

---

¹⁸⁴ Алексеев П.В. Социальная философия: Учебное пособие. – М.: ООО «ТК Велби», 2003. – С. 240.

¹⁸⁵ К примеру, Институт Маккензи анализирует ряд уровней управления развитием и обеспечивающих их технологий: планирование ресурсов, проектное управление, процессное управление, управление архитектурами и управление потенциалами общества.

¹⁸⁶ Согласно расчетам нобелевского лауреата Р. Солоу, за период с 1983 по 2003 год трудозатраты компаний, занятых в информационной революции, выросли на 25 млрд. человеко-часов, затраты на обслуживание ЭВМ достигли 68% фондов заработной платы, а доходы от информатизации в целом оказались ниже расходов.

¹⁸⁷ Замечу, что идея инженерии, а значит и инженерной субъектности, сейчас выглядит гибридной, а значит, противоречивой. Прежде всего, в силу «пробуксовывания» всей системы теоретической и практической подготовки инженеров, как правило сориентированных на обслуживание 3 – 4 технико-экономических укладов (энергетика с использованием угля, нефти и нефтепродуктов, газа, средств связи, новых синтетических материалов), в то время как весьма незначительное движение западной части мирового сообщества к 5 и 6 технико-экономическим укладам (микроэлектроника, информатика, биотехнологии, геновая инженерия, новые виды энергии, материалов, освоения космического

владеть принципами «этики для технологической цивилизации» (Г. Йонас), прежде всего, реализовывать принцип ответственности. Но он, как подсказывает общее положение дел в мире, далек от своей институционализации.

Именно поэтому можно слышать мнение, что пришло время трансформировать сам принцип инженерной деятельности, а значит переосмыслить базисные ориентации инженерно-технического труда, носящего социотехнический характер. Например, высказана мысль о новой инженерии, которая предполагает «снижение деструктивных процессов, безопасное развитие цивилизации, высвобождение человека из-под власти техники, улучшение качества жизни и др.»¹⁸⁸. В мета-редакции: «Умение работать с разными природами (первой и второй, природой и культурой)...»¹⁸⁹.

пространства, спутниковая связь + биотехнологии; нанотехнологии; проектирование живого; вложения в человека; новое природопользование; новая медицина; робототехника; высокие гуманитарные технологии; проектирование будущего и управление им; технологии сборки и разрушения социальных субъектов) уже стало само собой разумеющимся фактом.

Последнее обстоятельство вообще ограничивает не только функциональную предметность традиционной инженерной деятельности, но и делает неполноценным самого субъекта технического целеполагания и целереализации. Разумеется, на фоне наметившегося технологического (цифрового) прорыва ведущих стран, а также разрыва между Севером и Югом мировой ойкумены.

К этому напрашивается: идеи человека без техники (Древний Восток), человека как творящего макрокосм мирокосма (античность), человека как покорителя внутренней стихии (средневековье), человека как самопроектировщика себя за счет техники (Новое время), человека как сознательной части «организованного хищничества» (новейшее время) остались в прошлом, равно как остались в прошлом идеи об инженерии как демиургическом процессе, выстроенном то ли на базе природных (Аристотель), то ли на базе человеческих (Э. Капп), то ли демонических (О. Шпенглер) сил. Две последние формулы, по-видимому, и обеспечили расхищение ресурсов планеты.

Современный же техносферный тренд нуждается в очень серьезной рефлексии оснований, форм и методов инженерной деятельности, поскольку он связан с 5 и 6 техно-экономическими укладами, и охватывает достаточно широкий онтологический спектр. И в этом вопросе свое веское слово должны сказать представители социально-гуманитарного знания, соединяя в модели новой инженерии различные онтологические горизонты и паттерны. Или внести серьезные коррективы в технологический стиль (собственный образ мысли, действия и жизни). Прежде всего, пересмотра базисных для классического инженерного сознания идеи непрерывного прогресса и стандартизации всего, экстенсивно-тотализующей (Gestell) идеи, которая исчерпала себя.

¹⁸⁸ Розин В.М. Понятие и современные концепции техники / В.М. Розин. – М.: ИФ РАН, 2006. – С. 245.

¹⁸⁹ Там же, с. 246.

Последняя заявка нуждается в уточнении. Оно связано с представлением об информации как некотором медиуме взаимодействия двух названных природ, а также вещества и энергии. В этой связи напомним, что в свое время профессор В.Ф. Шаповалов сделал один важный акцент: предметом технических наук, которые больше не отделены «китайской стеной» от естественных, а тем более, социально-гуманитарных, в значительной мере должны являться «законы взаимодействия человека и сложной (как правило, информационной) технической системы»¹⁹⁰. Но сами по себе эти законы не могут не интересовать практиков, вовлеченных в процессы преобразования мира, т.е. конституирующих и применяющих собственно властные отношения.

Но перед тем, как ответить на вопрос «почему?», нужно сделать небольшое отступление и посмотреть на истоки нынешней ситуации «стояния на краю бездны».

К этим проблемным истокам обращались различные мыслители – Н. Бердяев и М. Хайдеггер, М. Хоркхаймер и Г. Маркузе, В. Беньямин и Г. Йонас, Ж. Эллюль и Т. Роззак, Х. Ленк и У. Бек. В знаменателе их поисков значится формула: социальный, а тем более научно-технический прогресс – земная религия эпохи модерна, которая по-прежнему культивируется Западом и его эпигонами. Она утверждает определенный, причем, безальтернативный проект обустройства мира. И это несмотря на серьезную оппозицию такой «религии», которая идет от Ж.-Ж. Руссо. Если посмотреть на структуру этой «религии», то она включает в себя: культ «инструментального разума», волюнтаристски-технологическое отношение к миру (как к природе, так и к социальному окружению), поступательную рационализацию всего, проповедь селективных целей и ценностей на основе альянса «технонауки» с рыночной экономикой и «обществом потребления».

Но самое, пожалуй, важное состоит в последовательном (через обезличивание и манипулирование, репрессивность и отчуждение) отрицании

---

¹⁹⁰ Шаповалов В.Ф. Философия науки и техники: О смысле науки и техники и о глобальных угрозах научно-технической эпохи: Учебное пособие / В.Ф. Шаповалов. – М.: ФАИР-ПРЕСС, 2004. – С. 205.

человека. Эта *нечеловекоразмерность* научно-технического прогресса проявляется во многих аспектах сегодняшней жизни, но как верно подметил Г. Маркузе, «технология обеспечивает рационализацию несвободы человека и демонстрирует «техническую» невозможность автономии, невозможность определять свою жизнь самому»¹⁹¹. Проще говоря, НТП не принес человеку вожделенной свободы в качестве духовной ценности. Более того, он поставил целый ряд других этических дилемм.

Часть из них напрямую связана с проблемой управления не только техносферой, но и всей социальной реальностью. Поэтому требует обсуждения комплекс вопросов, входящий в управленческие процедуры и решения в рамках динамики информационного общества. Шире – упирающиеся в феномен власти. Причем взятый не в терминах теологии, платонизма, аристотелизма и гегельянства, а в створе информационалистских его эссенций.

Вспомним, что одним из самых тонких аналитиков природы власти и властных отношений А. Кожевным были описаны две основные модели соотношения целого и части – механическая и органическая. В первом случае целое есть просто сумма частей («ничуть их не детерминируя, оно само ими целиком детерминировано»)¹⁹². Во втором должны быть учтены моменты наследственности и гармонии различных элементов организма, а значит, принимается идея эволюционного пути развития системы, плюс диалектика целого и частей¹⁹³.

Спрашивается: как быть с обществом, которое не только метафорически, но и физически совместимо с системой информационных процессов, задающих его структурогенез, управленческие цепи и вектор развития? Как быть с его «внутренней» субъектностью (киберэлитами, техномеритократами, инженерами-программистами, хакерами и т.п.) и остальными частями общества (государством и гражданским обществом)?

Для уяснения природы современной информационной социальности и её властных притязаний важны, как представляется, две перспективы: а)

---

¹⁹¹ Маркузе Г. Одномерный человек. – М.: «REFL-Book», 1994. – С. 209.

¹⁹² Кожев А. Понятие власти / А. Кожев. – М.: Праксис, 2006. – С. 65.

¹⁹³ Там же, с. 66.

совмещения обычной и технократической власти; б) разграничения обычной и технократической власти. Этот прием дает шанс к пониманию властно-управленческих отношений. Причем, как в локальном и региональном, так и глобальном измерениях.

При разметке интересующего проблемного поля нужен исторический экскурс. В своей хрестоматийной работе «Миф машины» Л. Мамфорд показал, как в истории человеческой цивилизации произошел метаморфоз *техники, ориентированной на жизнь, к технике как труду и власти*. В толще веков он сумел рассмотреть и концептуально зафиксировать форму существования коллективных единств (Древний Египет, Месопотамия, Индия, Китай, Юкатан, Перу), назвав их «мегамашинами». Так, «фараоновское общество перешагнуло через пять тысячелетий, создав первую крупномасштабную энергетическую машину – машину, мощность которой составляла от 25 000 до 100 000 человеческих сил...»¹⁹⁴.

В этой мегамашине, между прочим, был мощный властный центр, значительный бюрократический аппарат и огромная армия рабочих, в своей деятельности, сориентированных на физический и трансцендентный миры одновременно. Однако этот новый «механический порядок» состоял не только в «механически обусловленном мышлении», но содержал в себе «секрет механического контроля», который выражался в «едином разуме с хорошо определенной задачей во главе организации, а также методе передавать нужные сообщения по цепочке чиновников-посредников, пока те не будут доведены до малейшего «винтика»¹⁹⁵.

Но этот макросоциологический тезис, как известно, был опрокинут Мамфордом на современность, в которой он усматривал умаление жизни в пользу искусственных целей и ценностей. При этом, в отличие от древних египтян с их целевой программой связи людей и богов, вечной жизни фараона, с последующими процедурами очищения при поддержке народа (символом чего являлась Пирамида), народы Запада с их «капиталистическим его безудержного накопления» создали новый тип мегамашины,

---

¹⁹⁴ Мамфорд Л. Миф машины. Техника и развитие человечества / Л. Мамфорд. – М.: Логос, 2001. – С. 258.

¹⁹⁵ Там же, с. 253.

придав ей подчеркнуто динамический и антигуманный характер. Причем неважно, что в знаменателе: вещественный, энергийный или информационный субстрат.

Хочу заметить, что в наши дни релевантность структуры и функций древней и современной мегамашины, отметил российский исследователь В.М. Розин: «...разделение труда и создание мегамашин, что, без сомнения, есть новая техника, выступили предпосылкой становления культуры древних царств». Но самое интересное состоит в вопрошании Розина: «Но не похожий ли по логике процесс имеет место сегодня? Разве мы не живем при становлении новой цивилизации, где на место привычных культур и национальных государств встают «метакультуры» и другие глобальные социальные образования?»¹⁹⁶.

Конечно, индустриальная мегамашина¹⁹⁷ заметно отличается от мегамашины, выстроенной на информационном базисе и соответствующих формах социальной организации и управления. К сожалению, это различие видят далеко не все¹⁹⁸, но данное обстоятельство не снимает остроты и важности проблемы.

Например, отечественный исследователь В.Г. Попов, построивший типологию современных технократических идеологий, показал, что один из самых востребованных вариантов технократизма как раз и нацелен на создание компьютерного информацио-системно-контролируемого типа

---

¹⁹⁶ Розин В.М. Понятие и современные концепции техники / В.М. Розин. – М.: ИФ РАН, 2006. – С. 139.

¹⁹⁷ Упомяну лишь некоторые характерные её признаки: 1) предприятие как главный субъект социальной активности при существовании частной, акционерной и государственной форм собственности и предпринимательской инициативы; 2) универсальный социоэкономический принцип – «закон цены» (стоимости), который действует как смитовская «невидимая рука», т.е. поддерживает относительное равновесие между спросом и предложением; 3) строй централизованной власти и иерархии классов; 4) парламентская система и мажоритарное управление; 5) трудовые (профессиональные) союзы как сила, способная добиваться социальных перемен.

¹⁹⁸ Так, современный немецкий философ техники Г. Бехманн пишет: «Оно (информационное общество – Д.М.) выступает эквивалентом фабрики или крупного предприятия в эпоху индустриального общества». – Бехманн Г. Современное общество: общество риска, информационное общество, общество знаний / Г. Бехманн. – 2-е изд. – М.: Логос, 2011. – С. 132.

общественной организации¹⁹⁹. Иначе говоря, современной информационной мегамашины. Если воспользоваться методологической «отмычкой» Мамфорда – порожденной *техникой, ориентированной на символическую власть и удовольствие*.

Но здесь перед нами возникает сложность в различении политической и информационной власти, которые доросли до глобального масштаба за счет претензий на соответствующее управление миром²⁰⁰.

В академической науке идея глобального управления, как правило, связывается с двумя уровнями её презентации и реализации. Первый – национально-государственный уровень, на котором государством или группой государств – через систему договоров и правовых норм – поддерживается локальное и региональное измерения мирового порядка. Второй – это уровень надгосударственных объединений и организаций, стремящихся к интеграции других членов мирового сообщества из-за нарастающей неопределенности в социально-экономической, технологической и экологической сферах жизни (ООН, СЕ, НАФТА, АСЕАН, ШОС и т.д.). Однако некоторые аналитики и эксперты, говорят о третьем уровне или уровне компетенции мирового правительства. Оно по своей природе является «закрытым» клубом²⁰¹, т.е. отнюдь не демократической, самолегитимирующейся инстанцией²⁰². Несомненно, что каждый из

---

¹⁹⁹ Попов В.Г. Инженер и технократическая идеология / В.Г. Попов. – Макеевка: ДонНАСА, 2006. – С. 15.

²⁰⁰ Такая экспозиция подтверждается ранее найденными аргументами Ж. Делеза о неспособности решения управленческих задач символическими средствами (ибо решение пребывает под опекой нестыкуемых символов и рациональных формул), а также о невозможности современной культуры эмансипироваться и занять место «по ту сторону принципа удовольствия». – Делез Ж. Различие и повторение / Ж. Делез. – ТОО ТК «Петрополис», 1998. – С. 125 – 149, 191 – 208.

²⁰¹ Классикой жанра, представляющего деяния «мирового правительства», являются: Колеман Д. Комитет 300 / Д. Колеман. – М.: Алгоритм, 2009; Хаггер Н. Синдикат. История мирового правительства / Н. Хаггер. – М.: Алгоритм, 2011.

²⁰² Как считают российские аналитики, мировая финансовая олигархия, из которой, собственно, и рекрутируется мировое правительство, контролирует 2/3 мировых финансовых потоков и оказывает прямое влияние на решения правительств тех или иных стран. Если к этому присовокупить контроль за нефтерынками, наркорынками и т.д., то ситуация выглядит удручающе. – Анилионис Г.П., Зотова Н.А. Глобальный мир: единый и разделенный. Эволюция теорий глобализации / Г.П. Анилионис, Н.А. Зотова. – М.: Междунар. отношения, 2005. – С. 201. Недаром идеологической формулой «Бильдербергского клуба» является

уровней обладает собственным властным вектором, ресурсами и управленческими технологиями.

Существует и иной взгляд на глобальное управление, связываемый с моделями такового. Так, выделяют: 1) *мондиалистскую модель*, поначалу связанную с либерализмом и социализмом, а теперь со строительством мирового государства и гражданского общества; 2) *модель единого организационно-управленческого центра* (Global Governance – мирового правительства), сегодня реализуемую посредством сетевого подхода²⁰³. И в том и в другом случае необходимо решать проблему интеграции национальных государств и региональных блоков в более емкие структуры с обязательным выделением властного и коммуникативного аспектов.

Такая экспозиция, конечно, даёт повод задуматься об объекте (предмете), субъекте (субъектах) и методах глобального управления, тем более что для этого существуют объективные предпосылки. Главным образом, связанные с деградацией системы управления международными отношениями после исторического разлома 1999 – 2001 – 2008 гг., т.е. неадекватности действий США как субъекта глобальной власти. Иначе говоря, сегодня предлагается исходить из *гипергеополитизированной модели*, отражающей последовательные претензии США к руководству мировыми делами. В т.ч. информационному. Но сама реализация этой модели вызывает разнокачественные характеристики и оценки, и что интересно, у самих её вдохновителей и создателей²⁰⁴.

Но как показывает мировой опыт, эта модель ещё только формируется (при различных сегментах развития информационного общества в Китае, Индии, России, исламских государствах и на Западе,

---

формула: «Власть – это товар, пусть и самый дорогой, и владеть им должны самые богатые».

²⁰³ Суліма Є.М., Шепелев М.А. Глобалістика: підручник. – К.: Вища школа, 2010. – С. 325 – 335.

²⁰⁴ Накануне событий 11 сентября 2001 года широко известный американский политик и политолог Г. Киссинджер писал: «Перед лицом самых, быть может, глубоких и всеобъемлющих потрясений, с какими когда-либо сталкивался мир, Соединенные Штаты не в состоянии предложить идеи, адекватные возникающей новой реальности». – Киссинджер Г. Нужна ли Америке внешняя политика? К дипломатии для XXI века / Г. Киссинджер – М.: Ладомир, 2002. – С. 12.

связанных с общим, глобальным социокультурным контекстом²⁰⁵, а также при наличии в реестре управляющих структур в виде электронных правительств в США, Объединенной Европе, Великобритании, Ирландии, Словении, Мальте, России, Индии²⁰⁶). Главным образом, в соответствии с рекомендациями ООН, во всех государствах мира.

Между тем, электронное правительство (е-правительство) определяется как адаптированные к новым условиям государственные структуры, способные к решению новых задач социального развития²⁰⁷. Само же решение задач предусматривает ряд нормативных условий: а) легитимность; б) роль законов; в) прозрачность; г) соответствие и д) честность²⁰⁸. Но кроме того электронные правительства – как это следует из общей теории управления – обязаны решать управленческие задачи на уровне принципов и законов управления.

Вообще речь идет о применимости целой системы законов: закона необходимого разнообразия и пропорциональности (У. Эшби)²⁰⁹, закона структурированной обратной связи, закона ценностно-ситуативного управления, закона чередования централизации и децентрализации в управлении и т.д. Но один из законов привлекает особое внимание в рамках общей тенденции демократизации. Имеется в виду участие населения в социальном управлении, повышение (за счет этого фактора) его эффективности и соответствия общим социальным задачам и проектам²¹⁰.

Без сомнения, указанная тенденция важна для поддержания устойчивости всей мировой системы, но на фоне Акта об электронном

---

²⁰⁵ Чернов А.А. Становление глобального информационного общества: проблемы и перспективы / А.А. Чернов. – М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К°», 2003. – С. 47 – 48.

²⁰⁶ Почепцов Г.Г., Чукут С.А. Інформаційна політика: Навч. посіб. / Г.Г. Почепцов, С.А. Чукут. – 2-е вид., стер. – К.: Знання, 2008. – С. 407 – 410, 411 – 493.

²⁰⁷ Там же, с.405.

²⁰⁸ Там же, с. 399.

²⁰⁹ В редакции А.И. Субетто – это закон (принцип) адекватной системности: системность управляющей системы должна быть адекватна системности объекта управления. – Субетто А.И. Начала теории социального менеджмента качества (ноосферно-социальная парадигма) / А.И. Субетто. – СПб.: Астерион, 2012. – С. 98.

²¹⁰ Щокін Г.В. Закони соціального розвитку і управління / Г.В. Щокін. – К.: МАУП, 2006. – С. 141 – 144.

правительстве США (20.09.2002 г.) и ряда других нормативных документов, просматривается иная экспозиция управления в общемировых делах.

Таковую недавно предложили шведские авторы А. Бард и Я. Зодерквист. На первый взгляд, в их версии исторического процесса, в т.ч. её нынешней фазы развития, все стандартно. В ней нашлось место тому же феодальному (традиционному) обществу, построенному на альянсе монархии и аристократии, скрепленному церковью и защищаемому армией. В их схеме также «прописано» и капиталистическое общество, созданное буржуазией (и для буржуазии) посредством соответствующей идеологии, перманентно усиливаемое технологическими новациями, «проповедью» науки, регулируемое институтами парламентаризма и образования, но имеющее капитал в качестве «священного орудия власти». Наконец, в ней создан набросок конституирующегося на наших глазах информационного, точнее, нетократического общества.

Его европейская география – суть пояс городов от Лондона на северо-западе до Милана на юго-востоке, отдаленно напоминающий Ганзейский союз²¹¹. Философия (мировоззрение) нетократического сообщества – это мобилизм, порождающий и утверждающий «воздух свободы», в противовес всякому тотализму, культивирующему утопию как «достижимый и желательный проект». Данное противопоставление, подчеркну, имеет принципиальное значение для интерпретации проблем власти и управления. Тем более в условиях нарастающей глобальной проблематики (экологических и экономических, демографических и миграционных, правовых и собственно управленческих проблем) и довольно невыразительного участия в её решении глобальных элит и среднего класса²¹².

---

²¹¹ Конечно, такая постановка вопроса о географической концентрации «креативного класса» в Европе весьма ценна. Понятно, когда такую точку зрения отстаивает еврооптимист М. Леонард (см.: Леонард М. XXI век – век Европы / М. Леонард. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2006.). Но если следовать тезису Р. Флориды, то «креативный класс» вероятнее всего будет искать приложения своих сил в другом месте мирового пространства. – Флорида Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее / Р. Флорида. – М.: Издательский дом «Классика-XXI», 2011.

²¹² Здесь сошлюсь на тезис Б.Ю. Кагарлицкого о восстании среднего класса, который, по его мнению, действует не в логике современной буржуазии, а перманентно решая дилемму

Тем не менее, в информационном обществе, как считают эти теоретики, наиболее важным «мемом» будет «портал власти» или связующее звено всеобъемлющей сети. Вокруг него, собственно, и формируется Нетократия²¹³. Причем формируется так, что прежние опыты демократического принятия решений объявлены «ностальгической диковинкой». Так, демократия объявляется утопией, а провозглашение плюрархии выглядит декларативно («плюрархия есть политическая система, при которой каждый отдельный участник решает сам за себя, но не имеет способности и возможности принимать решения за других»²¹⁴). В свою очередь, по мнению нетократов-мобилистов, их деятельность должна быть подчинена единственно оправданной цели – «вытащить на свет и обезвредить любые попытки оправдания иерархии»²¹⁵, т.е. любых форм авторитаризма и тоталитаризма. Но спрашивается: какова в таком случае природа власти самих нетократов?

Текст шведских интеллектуалов дает однозначный ответ на этот вопрос. Он касается как субъектов прошлой власти, так и их собственной, нетократической. В первом случае «единственная уцелевшая функция политиков, – пишут они, – будет чисто церемониальной: принимать участие в телевизионных шоу, ставить подписи под документами, которые они часто не писали, но даже и не понимают на уровне большем, нежели громкие лозунги»²¹⁶. А может ли быть иначе, если Нетократия лишь использует громкие имена для оглашения решений, которые были приняты в закрытых Нетоклубах? Наверное, нет, поскольку их откровенная риторика весьма однозначна: «Политические решения более не принимаются посредством выборов, ни в парламенте, ни даже через интернет-референдум, но исключительно членами закрытых сетей, которые, как члены средневековых гильдий, выбираются из среды себе подобных по

«соблазна реакции и мечты революции». - Кагарлицкий Б. Ю. Восстание среднего класса / Б.Ю. Кагарлицкий. – М.: Ультра. Культура, 2003. – С. 313.

²¹³ Бард А., Зодерквист Я. НЕТОКРАТИЯ. Новая правящая элита после капитализма / А. Бард, Я. Зодерквист. – СПб.: Стокгольмская школа экономики в Санкт-Петербурге, 2004. – С. 58.

²¹⁴ Там же, с. 84.

²¹⁵ Там же, с. 113.

²¹⁶ Там же, с. 82.

уровню влияния»²¹⁷ (!). Так, как мне кажется, рождается новый политический театр с нетократией в главной роли²¹⁸.

Спрашивается, каков же главный критерий отбора в нетократию? Ответ здесь достаточно прост: «Решающим фактором, управляющим положением индивидуума в этой иерархии, служит его или её привлекательность для сети, то есть способность адсорбировать, сортировать, оценивать и генерировать внимание к себе и ценной информации»²¹⁹. Тем самым, перед нами не только секретность, но и эксклюзивность новой власти, к тому же формирующейся по иерархическому принципу. Он представлен нетократами, кураторами (вместо политиков), нексиалистами (вместо предпринимателей) и этерналистами (вместо ученых). В предложенной редакции перечисленные субъекты по-настоящему и управляют современным миром.

Подобные выкладки весьма ценны, тем более на фоне событий в Тунисе, Египте, Йемене, Бахрейне, Ливии, Сирии... Конечно, эти события можно истолковать по-разному, в зависимости от когнитивной фокусировки и политической ангажированности. Но они имеют не только фактуру, но и режиссуру, весьма напоминающую режиссуру нетократов²²⁰. Между прочим, их основная забота состоит в том, чтобы

---

²¹⁷ Бард А., Зодерквист Я. НЕТОКРАТИЯ. Новая правящая элита после капитализма / А. Бард, Я. Зодерквист. – СПб.: Стокгольмская школа экономики в Санкт-Петербурге, 2004. – С. 85.

²¹⁸ Тем не менее, в реальной ситуации разнонаправленных целей (а сеть и является таковой), сложно представить тренд, при котором нетократия реально представляла бы интересы большинства. Скорее, наоборот. Вообще же следует исходить из возможности компромисса, как наиболее эффективного средства решения социальных задач. – См.: Крымский С.Б. Трансформация социальных стратегий на сломе тысячелетий / С.Б. Крымский // Крымский С.Б. Экспликация философских смыслов. – М.: Идея Пресс, 2006. – С. 188.

²¹⁹ Бард А., Зодерквист Я. НЕТОКРАТИЯ. Новая правящая элита после капитализма / А.Бард, Я.Зодерквист. – СПб.: Стокгольмская школа экономики в Санкт-Петербурге, 2004. – С. 124.

²²⁰ В данном пункте сошлюсь на аналитическую работу дипломата М. Ходынской-Голенищевой. Указывая на то, что информационное сопровождение – важнейшая составляющая процесса «внешнего инженеринга», она пишет: «Применение таких методов (рекрутирование революционных толп через сети, дискредитация, замалчивание проблем, атаки на государственные телекомпании – М.Д.), доказавших свою эффективность, будет продолжаться. Они необходимы для того, чтобы «спасти лицо» и оправдать в глазах общественного мнения политику, направленную на смену правящего режима неконституционным путем». – Ходынская-Голенищева М.С. «Ливийский урок». Цель

сделать всё так, чтобы «всё происходящее (в мире – Д.М.) перемены выглядели «естественными»²²¹. Кроме того, такие «естественные перемены» затрагивают – в смысле социального инжинеринга – жизнь того социального класса, который приходит на смену «рабочему классу» индустриального социума. На повестке дня, говорят А. Бард и Я. Зодерквист, возникновение «консьюмтариата».

Нисколько не скрывая своих намерений, они утверждают, что нетократия должна управлять «низшим классом, манипулируя тем, что можно назвать потребляющей деятельностью консьюмтариата, деятельностью, вызванной желанием»²²². При этом умело используя простую схему «реклама + потребитель = желание», можно решить две задачи: привязать консьюмтариат к наркотическому потребительству и тем самым окончательно дистанцироваться от него. На этом пути должны быть отброшены любые институты, содержащие гуманистический принцип с его апелляцией к достоинству человека как такового. Напротив, в духе идей Ч. Дарвина и Ф. Ницше, это общество просто обязано пройти сквозь «естественный отбор» и сформировать нетократическую наследственность. Она – не чета прежним формам социального воспроизводства (семья, трудовые коллективы, религиозные или иные группы), тормозящих развитие как таковое. Всё это нуждается в одной важной поправке: отбор будет контролируемым, но не большинством, а исключительно «нетократическими дивидуалами».

Этот антропологический ракурс также ценен для понимания всего нетократического проекта. Его дешифровка – одна из важных задач в понимании дальнейшей эволюции информационного общества. Хочу заметить, что формализация наличного антропологического сюжета уже удачно проделана А.Г. Дугиным. Диагностируя нынешний постлиберально/ постмодернистский гротеск, он показал, что «дивидуум», или

оправдывает средства? / М.С. Ходынская-Голенищева. – М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2013. – С. 194.

²²¹ Бард А., Зодерквист Я. НЕТОКРАТИЯ. Новая правящая элита после капитализма / А. Бард, Я. Зодерквист. – СПб.: Стокгольмская школа экономики в Санкт-Петербурге, 2004. – С. 85.

²²² Там же, с. 147.

случайное игровое сочетание частей человека (его органов, его клонов, его симулякров – вплоть до киборгов и мутантов), выступает сегодня мерой всех вещей²²³.

То же у А. Барда и Я. Зодерквиста, указывающих, что в информационном обществе «развитие личности идет по пути реализации всех возможных состояний человека делимого, создания прагматичного союза различных темпераментов и черт характера». И далее самое интересное: «Шизофреническая, калейдоскопическая личность... становится достойным подражания параметром, поскольку она функциональна»²²⁴. Но этот прагматический союз будут создавать именно нетократы, главная цель которых – замена человека сетью в качестве великого общественного проекта, – не выглядит шизофренически²²⁵. Также не выглядит шизофренически заявление о том, что с такими онтологическими параметрами (иерархией во главе с нетократией, процедурами недемократического принятия решений, созданием режима диктатуры желаний для низшего класса – консьюмтариата, культивированием в человеке его прогрессивно-расщепляемой сущности) информационное общество «не тоталитарно»²²⁶(!). Объективная оценка этого проекта говорит о другом.

Перед нами, нужно заметить, не только очевидные манипулятивные процедуры (согласно С.Г. Кара-Мурзе, вариант взаимодействия, при котором «один участник жизненной драмы заставляет других действовать в его интересах и по его программе так, что это не распознается жертвами и не вызывает у них сопротивления»), должен быть квалифицирован как ма-

---

²²³ Дугин А.Г. Четвертая политическая теория. Россия и политические идеи XXI века / А.Г. Дугин. – СПб.: Амфора. ТИД Амфора, 2009. – С. 43.

²²⁴ Бард А., Зодерквист Я. НЕТОКРАТИЯ. Новая правящая элита после капитализма / А. Бард, Я. Зодерквист. – СПб.: Стокгольмская школа экономики в Санкт-Петербурге, 2004. – С. 206.

²²⁵ Конечно, дивидуалам можно воспроизводиться в логике survival of the fastest («выживают быстрее»): «если хочу, я живу моментом, но не даю следующему наступающему моменту меня прерывать». – Эриксен Т.Х. Тирания момента. Время в эпоху информации / Т.Х. Эриксен. – М.: Издательство «Весь мир», 2003. – С. 188.

²²⁶ Бард А., Зодерквист Я. НЕТОКРАТИЯ. Новая правящая элита после капитализма / А. Бард, Я. Зодерквист. – СПб.: Стокгольмская школа экономики в Санкт-Петербурге, 2004. – С. 211.

нипулятивный²²⁷), но доминантность объектной или суггестивно-манипулятивной моделей влияния над позитивными вариантами – субъектной и майевтической. Разумеется, речь идет о нормативном информационном влиянии при контроле над процессами коммуникации: это и создание не нейтрального в ценностном отношении символического мира, и контроль допуска к стратегической информации, и контроль передаваемой информации, и контроль над реакцией реципиентов вплоть до принятия ими определенных решений. Каузальная структура нормативного влияния, по мнению отечественных авторов, такова:

1) влада інших людей породжує у індивіда потребу в соціальному схваленні та страх виявитись аутсайдером;

2) під наглядом інших складаються такі умови, коли кожний може бути ідентифікований як девіант;

3) людина прагнутиме відповідати очікуванням „можновладців” або підкоритися іншим формам групового тиску²²⁸.

Как видим, такой вариант практически не оставляет позитивных социальных связей, равно как и неадекватности ориентаций человека в потоках информации, поддерживаемых властью. Быть может, вся сложность управленческой проблематики кроется в архитектуре сетевого общества. Последняя не может распознаваться через метафору центральной нервной системы (М. Маклюэн)²²⁹, скорее она может быть описана как «дифференциальная система с разнородными резонирующими рядами, с темным предшественником и усиленным движением», т.е. как большой фантазм (Ж. Делез)²³⁰.

В пользу такого соображения говорит следующее. Если прислушаться к отечественному исследователю А.М. Холоду²³¹, то нужно признать, что целый

---

²²⁷ Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием / С.Г. Кара-Мурза. – М.: Алгоритм, 2000. – С. 12.

²²⁸ Інформаційний вплив: теорія і практика прогнозування: монографія / за ред. П.Д. Фролова; Національна акад. пед. наук України, Ін-т соц. та політ. психології. – К.: Міленіум, 2011. – С. 37.

²²⁹ Маклюэн Г.М. Понимание медиа: Внешнее расширение человека / М. Маклюэн. – 3-е изд. – М.: Кучково поле, 2011. – С. 400.

²³⁰ Делез Ж. Различие и повторение / Ж. Делез. – ТОО ТК «Петрополис», 1998. – С. 160.

²³¹ Холод О.М. Комунаційні технології [текст] підручник / О.М. Холод. – К.: «Центр учбової літератури», 2013.

ряд технологий способен непосредственно влиять на поведение и мировоззрение людей, причем, как в позитивном, так и в негативном плане. Речь идет о технологиях мутации и инмутации социальных связей, сверхпроблематичное нахождение формулы баланса структуры и функций социальной системы, равно как и разбалансировки таковых. Естественно, социальная система не может обойтись без технологий социального охвата, технологий социальных связей и технологий продвижения (товаров) и т.п. Но наличие, скажем, технологии спиндоктора указывает на коррекцию социальных отношений, причем не всегда нацеленную на большинство и его интересы. Напротив, в этом ракурсе требуют своего осознания *технологии деиндивидуализации и деперсонализации, технологии социального взрыва, технологии уничтожения общества через массовую культуру, технологии терроризма*²³².

На фоне этих технологий трагедия Чернобыля и Фукусимы, многочисленные авиакатастрофы и генные мутации выглядят не столь внушительно, что показывает зависимость как социотехнических систем, так и человека от стремительно растущего информационного компонента. Однако именно он – в руках власти – может превращаться и в орудие освобождения, и в орудие порабощения.

В этом смысле, деятельность людей целесообразно трактовать как эквифинальную, т.е., протекающую в алгоритме преодоления начальных условий, плюс развертывания некоторых непредопределенных состояний, конституированных актуальными параметрами системы. Между прочим, такой вывод согласуется с тезисом М. Кастельса о том, что мощные технологические импульсы 60-х и 70-х годов в Америке, которые подготовили нынешнюю информационно-технологическую революцию, не вывели её за рамки заданной необходимости, поскольку она была «технологически индуцирована», нежели «социально детерминирована»²³³.

Отсюда следует: возможно, на наших глазах разворачивается рождение новой, информационной разновидности тоталитаризма, которая никак не соответствует программным целям демократической власти (методам

---

²³² Там же, с. 45 – 49.

²³³ Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / М. Кастельс. – М.: ГУ ВШЭ, 2000. – С. 69.

её управления), а также критерию мудрости, который предложил Д. Лайон²³⁴. Именно мудрость как социально значимая категория может связать данные, информацию и знания, если конституирование социального бытия идет от подлинно демократической власти. Но она возможна при условии преодоления асистенциализма (=отлучение большинства от участия в историческом процессе) и формирования критического сознания, как предпосылки диалога и согласия²³⁵.

Конечно, столь ригидные оценки могут и преждевременны, но сама «нетократическая глобализация» дальше не может идти вслепую. Наоборот, её иррациональные фигуры, возникающие из-за нацеленности на избирательно понимаемые мобильность и разнообразие, просто нуждаются в таком «перспективизме» (Ф. Ницше), который бы взыскивал подлинных ценностных привязок. Ценность изменения самого по себе, его сетевая аутентичность и управленческая модель, которую провозглашают нетократы, не может быть признана удовлетворительной, как не могут выступать сеть и дивидуум мерой природных, социальных и собственно человеческих вещей.

Литература

1. Грунвальд А. Техника и общество: западноевропейский опыт исследования социальных последствий научно-технического развития / А. Грунвальд; [пер. с нем. пер. с нем. Е.А. Гаврилиной, А.В. Гороховой, Г.В. Гороховой, Д.Е. Ефименко]. – М.: Логос, 2011. – 160 с.
2. Тоффлер О. Метаморфозы власти / Э. Тоффлер; пер. с англ. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2004. – 669, [3] с. – (Philosophy).
3. Абдеев Р.Ф. Философия информационной цивилизации / Р.Ф. Абдеев. – М.: ВЛАДОС, 1994. – 336 с.: 58 ил.
4. Андреев А.Л., Бутырин П.А., Горохов В.Г. Социология техники: учебное пособие / А.Л. Андреев, П.А. Бутырин, В.Г. Горохов. – М.: Альфа-М; ИНФРА-М, 2009. – 288 с.: ил.

---

²³⁴ Лайон Д. Інформаційне суспільство: проблеми та ілюзії / Д. Лайон // Сучасна зарубіжна соціальна філософія. Хрестоматія: Навч. посібник – К.: Либідь, 1996. – С. 373.

²³⁵ Фрейре П. Формування критичної свідомості / П. Фрейре. – К.: Юніверс, 2003. – С. 31 и сл.

5. Делягин М.Г. Драйв человечества. Глобализация и мировой кризис / М.Г. Делягин. – М.: Вече, 2008. – 528 с.
6. Мансурова В.Д. Человек в пространстве массмедиа: вопрошание о смысле // Информационная эпоха: вызовы человеку / Под ред. И.Ю. Алексеевой и А.Ю. Сидорова. – М.: РОССПЭН, 2010. – С. 198 – 199.
7. Гэлбрейт Дж.К. Новое индустриальное общество / Дж.К. Гэлбрейт; [пер. с англ.]. – М.: ООО «Издательство АСТ»: ООО «Транзиткнига»; СПб.: Terra Fantastica, 2004. – 602, [6] с. – (Philosophy).
8. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования / Д. Белл; [пер. с англ.]. – М.: Academia, 1999. – 956 с.
9. Кастельс М. Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе / М. Кастельс; Пер. с англ. А. Матвеева под ред. В. Харитонова. – Екатеринбург: У-Фактория (при участии изд-ва Гуманитарного ун-та), 2004. – 328 с. (Серия «Академический бестселлер»).
10. Лось В.А., Урсул А.Д., Демидов Ф.Д. Глобализация и переход к устойчивому развитию. Монография / В.А. Лось, А.Д. Урсул, Ф.Д. Демидов. – М.: Изд-во РАГС, 2009. – 316 с.
11. Алексеев П.В. Социальная философия: Учебное пособие / П.В. Алексеев. – М.: ООО «ТК Велби», 2003. – 256 с.
12. Розин В.М. Понятие и современные концепции техники / В.М. Розин. – М.: ИФ РАН, 2006. – 255 с.
13. Шаповалов В.Ф. Философия науки и техники: О смысле науки и техники и о глобальных угрозах научно-технической эпохи: Учебное пособие / В.Ф. Шаповалов. – М.: ФАИР-ПРЕСС, 2004. – 320 с.
14. Маркузе Г. Одномерный человек / Г. Маркузе; [пер. с англ.]. – М.: «REFL-Book», 1994. – 368 с.
15. Кожев А. Понятие власти / А. Кожев; [пер. с фр., послесловие А.М. Руткевича]. – М.: Праксис, 2006. – 192 с.
16. Мамфорд Л. Миф машины. Техника и развитие человечества / Л. Мамфорд; [пер. с англ. Т. Азарковича, Б. Скуратова]. – М.: Логос, 2001. – 408 с.
17. Бехманн Г. Современное общество: общество риска, информационное общество, общество знаний / Г. Бехманн; [пер. с нем. А.Ю. Антоновского, Г.В. Гороховой, Д.В. Ефременко, В.В. Каганчук, С.В. Месяц]. – 2-е изд. – М.: Логос, 2011. – 248 с.
18. Попов В.Г. Инженер и технократическая идеология / В.Г. Попов. – Макеевка, 2006. – 23 с. – (Библиотечка куратора).
19. Делез Ж. Различие и повторение / Ж. Делез / Пер с фр.; науч. ред. Н.Б. Маньковская. – ТОО ТК «Петрополис», 1998. – 384 с.
20. Колеман Д. Комитет 300 / Д. Колеман. – М.: Алгоритм, 2009. – 272 с.
21. Хаггер Н. Синдикат. История мирового правительства. – М.: Алгоритм, 2011. – 496 с. – (Исторический триллер).

22. Анилионис Г.П., Зотова Н.А. Глобальный мир: единый и разделенный. Эволюция теорий глобализации / Г.П. Анилионис, Н.А. Зотова. – М.: Междунар. отношения, 2005. – 676 с.
23. Суліма Є.М., Шепелєв М.А. Глобалістика: підручник / Є.М. Суліма, М.А. Шепелєв. – К.: Вища школа, 2010. – 544 с.
24. Киссинджер Г. Нужна ли Америке внешняя политика? К дипломатии для XXI века / Г. Киссинджер / Пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева – М.: Ладомир, 2002. – 352 с.
25. Чернов А.А. Становление глобального информационного общества: проблемы и перспективы / А.А. Чернов. – М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К°», 2003. – 232 с.
26. Почепцов Г.Г., Чукут С.А. Інформаційна політика: Навч. посіб. / Г.Г. Почепцов, С.А. Чукут. – 2-е вид., стер. – К.: Знання, 2008. – 663 с. – (Вища освіта ХХІ століття).
27. Субетто А.И. Начала теории социального менеджмента качества (ноосферно-социальная парадигма) / А.И. Субетто / Под науч. ред. засл. деятеля РФ, д. э. н., профессора В.Н. Бобкова. – СПб.: Астерион, 2012. – 264 с.
28. Щокін Г.В. Закони соціального розвитку і управління / Г.В. Щокін. – К.: МАУП, 2006. – 192 с.: іл..
29. Леонард М. ХХІ век – век Европы / М. Леонард. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2006. – 250, [6] с. – (Philosophy).
30. Флорида Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее / Р. Флорида; [пер. с англ. А. Константинова]. – М.: Издательский дом «Классика-ХХІ», 2011. – 432 с.
31. Кагарлицкий Б. Ю. Восстание среднего класса / Б.Ю. Кагарлицкий. – М.: Ультра. Культура, 2003. – 320 с., илл.
32. Бард А., Зодерквист Я. НЕТОКРАТИЯ. Новая правящая элита после капитализма / А. Бард, Я. Зодерквист [пер. с англ. В. Мишучкова; предисловие А. Лебедева]. – СПб.: Стокгольмская школа экономики в Санкт-Петербурге, 2004. – 252 с.
33. Крымский С.Б. Трансформация социальных стратегий на сломе тысячелетий / С.Б. Крымский // Крымский С.Б. Экспликация философских смыслов. – М.: Идея Пресс, 2006. – С. 184 - 199.
34. Ходынская-Голенищева М.С. «Ливийский урок». Цель оправдывает средства? / М.С. Ходынская-Голенищева. – М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2013. – 256 с.
35. Дугин А.Г. Четвертая политическая теория. Россия и политические идеи ХХІ века / А.Г. Дугин. – СПб.: Амфора. ТИД Амфора, 2009. – 351 с.
36. Эриксен Т.Х. Тирания момента. Время в эпоху информации / Т.Х. Эриксен / Пер. с норв. – М.: Издательство «Весь мир», 2003. – 208 с.
37. Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием / С.Г. Кара-Мурза. – М.: Алгоритм, 2000. – 688 с.

38. Інформаційний вплив: теорія і практика прогнозування: монографія / за ред. П.Д. Фролова; Національна акад. пед. наук України, Ін-т соц. та політ. психології. – К.: Міленіум, 2011. – 304 с.
39. Маклюэн Г.М. Понимание медиа: Внешнее расширение человека / М. Маклюэн / Пер. с англ. В. Николаева; Закл. ст. М. Вавилова. – 3-е изд. – М.: Кучково поле, 2011. – 464 с.
40. Делез Ж. Различие и повторение / Ж. Делез / Пер с фр.; науч. Ред. Н.Б. Маньковская. – ТОО ТК «Петрополис», 1998. – 384 с.
41. Холод О.М. Комунікаційні технології: [текст] підручник / О.М. Холод. – К.: «Центр учбової літератури», 2013. – 212 с.
42. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / М. Кастельс; Пер. с англ. под научн. ред. О.И. Шкаратана. – М.: ГУ ВШЭ, 2000. – 608 с.
43. Лайон Д. Інформаційне суспільство: проблеми та ілюзії / Д. Лайон // Сучасна зарубіжна соціальна філософія. Хрестоматія: Навч. посібник / Упоряд. Віталій Лях. – К.: Либідь, 1996. – С. 362 - 380.
44. Фрейре П. Формування критичної свідомості / П. Фрейре; [з англ. пер. О. Дем'янчук]. – К.: Юніверс, 2003. – 176 с.

РАЗДЕЛ 4. Пост-антропология информационного общества: «болезненная страсть» в плену у прогрессирующего техноса

К числу наиболее резонансных тем антропологического дискурса всегда относилась тема мерности человека или соизмеримости антропоса с условиями или мета-условиями его экзистенциальной среды. Ранее, как правило, человеко-, но в эпоху НТР ставшей нечеловекоразмерной. С другой стороны, человеческая сущность (реже – существование) также выступали мерой тех или иных процессов и состояний.

В этом отношении вполне, как мне кажется, нужна методологическая презумпция: в культурологии и философской антропологии принято говорить о двух видах редукции: а) объектной и б) субъектной. Если попробовать описать первую, то следует вслед за В.С. Библером признать, что в новоевропейской культуре была создана программа по редуцированию «человека (субъекта) в его культурной предрасположенности до точечного, абсолютно бессодержательного центра активности»²³⁶. Если прибегнуть к помощи второй, то с нею связана концепция «потенциального „Я”, которое становится „Я” актуальным путем перевода природных определений в определения субъективные и – обратно – путем перевода культурных определений в определения квазиприродные...»²³⁷. Но такая экспозиция динамического положения человека с подчеркнутой доминантой преобразования мира и себя самого не имела иного разрешения, как только трансгрессии от естественных форм и логики их воспроизводства – к миру искусственного.

То же касается социальности, якобы проследовавшей путь от механической – к органической солидарности, от *Gemeinschaft* к *Gesellschaft*, при этом, как было показано в предыдущем разделе, не оставившей шансов человеку в рамках информационной мегамшины.

---

²³⁶ Библер В.С. От наукоучения к логике культуры: Два филос. введения в двадцать первый век / В.С. Библер. – М.: Политиздат, 1990. – С. 178.

²³⁷ Там же.

Напротив, трансгуманизм и его оправдание в современной науке и практике²³⁸ уже стал топовым трендом.

Конечно, необходимо признать, что уместно различие антропологических перспектив, заданных, с одной стороны, мировыми религиями, с другой стороны – общепросвещенческой парадигмой и наукой Нового времени, и с третьей стороны – с секулярными социальными доктринами – либерализмом, коммунизмом и фашизмом. Иное дело *mix* постмодерна, где, по моему мнению, христианская²³⁹ и просвещенческая картины мира сходят на нет, но вместе с тем торжествует техно-наука, идеологически и ценностно поддерживаемая неолиберализмом²⁴⁰ и стохастическим развивающимся рынком.

Рассмотрение заявленной темы хотелось бы начать издалека. Идеи, близкие к трансгуманизму, вначале высказывались в научно-фантастических произведениях (А. Кларк, А. Азимов, С. Лем и др.). Научное же сообщество приступило к обсуждению в 60-е годы XX столетия. На волне всеобщего кибернетического бума были высказаны весьма любопытные идеи. Так, немецкий философ-марксист Г. Клаус заметил: «Симбиоз человека и машины представляет собой тему, проходящую через всю историю развития производительных сил. С появлением кибернетических машин этот симбиоз приобретает новое качество»²⁴¹. В частности, в те годы научно-мировоззренчески обоснованным виделось приведение всех видов деятельности людей к алгоритмированной форме. Такие работы проводились в США компанией РЭНД²⁴². Некоторые подвижки были и в СССР, что позволило Л.Р. Грэхему²⁴³ заявить об особом советском стремлении к рациональности, где кибернетика должна

---

²³⁸ Брукс Р. Объединение плоти и машин / Р. Брукс // Будущее науки в XXI веке. Следующие пятьдесят лет / Под ред. Джона Боркмана. – М.: АСТ: Астрель; Владимир: ВКТ, 2011. – С. 159 – 166.

²³⁹ Нисколько не отрицая конкурентоспособности антропологических проектов буддизма и ислама.

²⁴⁰ Дважды – извне и изнутри – победив своих оппонентов в XX веке, и поживая на лаврах в XXI.

²⁴¹ Клаус Г. Кибернетика и общество / Пер. с нем. – М.: Изд-во «Прогресс», 1967. – С. 161.

²⁴² Абелла А. Солдаты разума / А. Абелла. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2009. – С. 151 – 165.

²⁴³ Грэхэм Л.Р. Естествознание, философия и науки о человеческом поведении в Советском союзе / Л.Р. Грэхэм. – М.: Политиздат, 1991. – С. 266 – 291.

была выполнить задачу объединителя научного знания, а значит, построения коммунизма и его субъекта.

Собственно кибернетическое и медицинское видение перспектив человека сводилось к полному симбиозу человека и машины (академики В.М. Глушков и Амосов Н.М.). В свою очередь куда более тонкая философская рефлексия над антропологической эволюцией, проделанная академиком И.Т. Фроловым, привела к фиксации недопустимости создания фабрикуемого человека – *Machina sapiens-a*, «биокиборга», *homo sapientissimus-a*; вместе с тем обоснования продвижения альтернативного научно обоснованного проекта – *Homo sapiens-a et humanus-a*²⁴⁴. С другой стороны, были попытки доказать неизбежность усиления современных антропогенных процессов под воздействием факторов электронизации, компьютеризации, медиатизации и информатизации общества²⁴⁵. В сумме своих эффектов, по мнению А.И. Ракитова, они и обеспечат развитие цивилизации.

В постсоветской философии данной проблематикой занимаются исследователи различных специальностей и мировоззренческих предпочтений (Е.И. Андрос, Г.В. Гребеньков, Е.Б. Ильянович, В.А. Кутырев, С.В. Куцепал, Ф.В. Лазарев, В.В. Лях, Б.В. Марков, М.К. Трифонова, Б.Г. Юдин и др.). Здесь зондирование проблемы человека в информационном обществе, как правило, ведется с позиций обозначенной предшественниками футуризации бытия, в котором все меньше остается места человеку как таковому. Но иное дело неогуманизм, общегуманитарная культура, в рамках которой ещё есть надежда на творчество подлинно осмысленного бытия с человеческим измерением²⁴⁶.

Тем не менее, «отцами» современного трансгуманизма, как симбиоза научно-фантастических, футурологических и философских идей принято

---

²⁴⁴ Фролов И.Т. Перспективы человека: Опыт комплексной постановки проблемы, дискуссии, обобщения / И.Т. Фролов. – 2-е изд., переработ. и доп. – М.: Политиздат, 1983. – С. 225 – 258, 258 – 281.

²⁴⁵ Ракитов А.И. Философия компьютерной революции / А.И. Ракитов. – М.: Политиздат, 1991. – С. 212 - 278.

²⁴⁶ Трифонова М.К. Наука. Образование. Человек: монография / М.К. Трифонова. – Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2012. – С. 439 – 440.

считать Ганса Моравека и Эрика Дрекслера. В работах первого, в частности в «Детях разума» (1988)²⁴⁷, описаны процедуры сканирования мозга людей после их смерти и его загрузки в систему искусственного интеллекта для создания некоторой базы данных. В работе второго – «Машины созидания»²⁴⁸, обозначены планы по внедрению в человеческое тело микро-роботов для операций «ремонта» подсистем и органов, а также их возможной «утилизации» и замены.

Сегодня трансгуманистическую парадигму развивают по всему миру как в рамках общих (Всемирная ассоциация трансгуманистов, Институт бессмертия, Институт сингулярности и др.), так и национальных проектов (Трансгуманистическая ассоциация Великобритании, Немецкая трансгуманистическая ассоциация, Чешская ассоциация трансгуманистов, Белорусское трансгуманистическое движение, Россия - 2045 и др.).

Но здесь мне хотелось бы обратить внимание на «радужные» перспективы, обрисованные российским специалистом в области фотоники В.С. Никитиным. В его работе «Технологии будущего» есть глава, посвященная предполагаемой эволюции Интернета на основе нанотехнологий с последующей антропологической трансформацией. Так, эта эволюция может приобрести следующий вид:

2010 – 2020 гг. Повсеместное распространение мобильных широкополосных сетей, в частности активное погружение экономики в сеть. Последнее приведет к интенсивному развитию сетевых финансов, электронной торговли и служб доставки товаров пользователям «к порогу». Этот прорыв переместит в сеть 30 % активного населения мира;

2020 – 2030 гг. Завершение мирового финансового кризиса за счет погашения его энергии сетью. Более того, обороты корпораций функционирующих в сети, станут выше оборотов «реальной» экономики;

2030 – 2080 гг. Создание имплантируемых нейроинтерфейсов. Возникнут первые биокиберсети, к которым можно будет подключаться с

---

²⁴⁷ Moravec H. Mind Children: Epy Future of Robot and human Intelligence. – Cambridge: Harvard univ. press, 1988.

²⁴⁸ Drecsler E. Engines of Creation: The Coming Era of Nanotechnology / E. Drecsler. – N.Y.: Anchor Books, 1986.

помощью имплантов. Люди повсеместно смогут работать в комфортной среде в удобное время, поэтому за счет повышения качества жизни и уровня благосостояния средняя продолжительность их жизни вырастет на 75 – 90 лет;

2080 – 2130 гг. Создание первых матричных биоэлектронных структур для медицинских целей – кибергоспиталей, где станет возможным временное сохранение сознания и памяти людей в случае разрушения их организмов в результате болезней или травм. В этих условиях продолжительность жизни людей может возрасти до 100 – 150 лет;

2130 – 2200 гг. Медицинские матричные структуры усовершенствуются настолько, что смогут позволить людям, организм которых разрушен, а сознание хранится в матричных структурах, осуществлять виртуальный выход в реальное пространство в теле робота или киборга. В матрицах будет создано множество виртуальных миров, в которых смогут жить, общаться и даже работать люди, ожидающие восстановления своего организма. В результате удастся сохранить самое ценное, что есть в природе, – творческий созидательный потенциал людей. Продолжительность жизни людей может вырасти до 150 – 300 лет.

2200 – 2300 гг. Появится возможность свободного выхода из матрицы в новом клонированном теле. Каждый может жить столько, сколько захочет, ибо сознание и память людей будут храниться в матрице. Для человечества этот рубеж станет очень важным. Умение сохранять и накапливать информацию в свое время обеспечило успешное развитие цивилизации, а умение сохранять и накапливать творческий потенциал позволит перевести процесс развития цивилизации на качественно новый уровень»²⁴⁹.

Но далее следует самое интересное пророчество Никитина: «Есть все основания утверждать, что *глобальная сеть постепенно эволюционирует в матричные гуманные структуры, решающие самые сокровенные проблемы человечества*. Следует отметить, что мы – единственные живые существа в мире, осознающие неизбежность своей смерти. Однако

---

²⁴⁹ Никитин В.С. Технологии будущего. – М.: Техносфера, 2010. – С. 246.

Природа все-таки дала нам шанс силой своего разума стать «бессмертными». Этот шанс в Матрице» (курсив мой – Д.М.)²⁵⁰.

Как видим, этот захватывающий футурологический сюжет, предполагающий «технологическую сингулярность» (Р. Курцвел), позволяет задуматься о многих параметрах жизненного процесса на земле, включая тенденцию физического «сжатия» нейроинтерфейсами всего человечества в Матрицу. Как предполагается, без особой формы и смыслоутверждающей трансценденции. Но вместе с тем, за счет «снятия» тяжестей биологической программы²⁵¹ (биологических и культурных потребностей) и перехода в новое – виртуальное – измерение, «полное энергии и пространства», а также нового, пластического ландшафта смыслов.

Но очевидно и то, что В.С. Никитина, как и других сторонников трансгуманизма, не волнует проблема дуалистической метафизики «Матрицы»²⁵², равно как проблема «красной» и «синей» таблеток (блаженное неведение или знание правды). В более строгой научно-фантастической редакции – алгоритмы морали, включенные в программу роботов для нанесения ущерба человеку²⁵³. В рамках философского вопрошания: «Почему Матрица нуждается в человеческой энергии?» и «Почему Матрица

---

²⁵⁰ Там же.

²⁵¹ Биологическую основу человеческого интеллекта составляет белково-углеродный субстрат (мозг). Электронный мозг включает в себя нанотехнологические компоненты и биочипы. Сложность первого и второго пока сопоставимы, но в дальнейшем, как считают трансгуманисты, электронный мозг превзойдет своего белкового предшественника.

²⁵² Здесь необходимо несколько заострить проблему. Думается, что уместно привести высказывание Дж. Грация и Дж. Сэнфорда: «В основе «Матрицы» лежит дуалистическая метафизика – точка зрения, что мир зиждется на двух несовместимых видах сущего... Два этих мира имеют различные первопричины и различный онтологический статус, категории, которыми они определяются, являются наиболее общими, несовместимыми и взаимоисключающими. Одна из целей метафизики – примирение реальности и видимости. Метафизическая загадка «Матрицы» заключается в том, что при рассмотрении системы категорий, которыми она оперирует, на первый взгляд кажется, что она примиряет реальное с нереальным». - Грация Дж. и Сэнфорд Дж. Метафизика «Матрицы» / Дж. Грация, Дж. Сэнфорд // «Матрица» как философия: Эссе. – Екатеринбург: У-Фактория, 2005. – С. 89. Но как оказывается, между мирами не только онтологическая, но и смысловая асимметрия, которая просматривалась у героев фильма – Нео, Тринити, Морфеуса, Тэнка, Дозера. Речь идет о категориях «любви» и «смерти», способных приводить к нарушению порядка цифрового мира, а то и отрицать его мортологические законы.

²⁵³ Азимов А. Я – робот / А. Азимов. – М.: Центрполиграф, 2003. – С. 64.

не погружает каждого индивида в его собственную солипсическую искусственную Вселенную?»²⁵⁴.

В известной степени ход мысли трансгуманистов объясняется фактом вынесения «за скобки» любой моральной проблематики или, например, её подмены декларациями о преодолении «электронно-цифрового разрыва» и укреплении человеческого потенциала²⁵⁵.

Тем не менее, у этого оптимистического дискурса есть серьезные оппоненты в лице поэтов, привыкших видеть самые потрясающие перспективы в иной аксиологической рамке. Например:

Когда достигнут тех высот,
Что показали нам субботу,
Жить будет лет до пятисот,
А до трёхсот искать работу.

И без особенных затей
В расход пустив морали глыбу,
Там будут разводить детей,
Как мясо, птицу или рыбу.

Как медицинский препарат
Особой силы молодильной,
Там каждый будет страшно рад
Глотать в таблетке дом родильный.

Не думать ни о чем таком,
Быть выше страха и упрёка, –
И вечным станет исполком
Живущих вечно и жестоко.

Слюна их вечности видна

---

²⁵⁴ Жижек С. Матрица, или две стороны извращения / С. Жижек // «Матрица» как философия: Эссе. – Екатеринбург: У-Фактория, 2005. – С. 367 - 368. Во втором своем вопросе Жижек, как представляется, не совсем точен. Индивидуальная «солипсическая Вселенная» всё же предложена каждому через отношение и реальность удовольствия (в его ответе на оба вопроса сказано о «человеческом удовольствии»). Дуалистический, полуиллюзорный / полуреальный мир Матрицы скорее даёт частичное удовольствие, провоцируя его на дальнейшие действия. Вместе с тем, «подполье» требует поиска максимально осмысленного существования, не редуцированного к удовольствию.

²⁵⁵ В этой связи хочу сослаться на «Окинавскую Хартию глобального информационного общества», точнее, на её статьи: «Преодоление электронно-цифрового разрыва» и «Укрепление человеческого потенциала».

В улыбках жадных!.. Со слюною
Они вкушают времена,
Где вымерло всё остальное²⁵⁶.

Отсюда понятно, почему нынешние дискуссии о человеке и о «ходулях цивилизации» (М.Н. Эпштейн) столь остры, что доходит до открытых выступлений против нынешней «антропологической революции»²⁵⁷. В конце концов, теоретические споры сосредотачиваются на факте трансгрессии этого существа к новым онтологическим рубежам и интригам. К примеру, об этом говорит не только художественное обобщение братьев Вачовски – «Матрица», но и непосредственный опыт соединения человеческого разума и новейших технологий в жизни М. Хороста²⁵⁸, посвятившего этой драме книгу, ставшую бестселлером.

Поднимаемая здесь проблема на первый взгляд служит вариацией старой, поднятой ещё П. Тейяром де Шарденом проблемы позитивной видовой эволюции homo, поставленной в терминах науки, но решаемой на путях «обогащающей перемены параметров» христианской теологии. На самом деле процесс эволюционной динамики человека и человечества оказался значительно более сложным и малопредсказуемым.

Вообще, на повестке дня вопрос об окончательной утрате homo своего главного, субстанциального индикатора и замены его на мульти-модальные структуры и прогрессирующие конфигурации функционалов. Речь идет о «человеке Тьюринга», о «кибернавтах», о e-Homo, о Nano-sapiens-e, о «бионических ангелах» и пр. Нередко можно слышать о

---

²⁵⁶ Мориц Ю.П. Когда достигнут тех высот / Ю. Мориц // Мориц Ю.П. По закону – привет почтальону. – М.: Время, 2006. – С. 519.

²⁵⁷ Так, ещё несколько лет еназад папа Бенедикт XVI недвусмысленно высказался о новой форме власти, связанной с «производством» людей: «Человек становится продуктом, и это принципиально изменяет его отношение к самому себе. Он больше не есть дар природы или Бога-Творца, он теперь собственный продукт. Человек добрался до источника власти, до истока собственного существования. Искушение сконструировать «настоящего» человека, искушение производить над людьми эксперименты, искушение видеть в человеке мусор, который можно уничтожать, – не болезненная фантазия враждебных прогрессу моралистов». – Ратцингер Й. Чем держится мир. Дополитические моральные основы либерального государства / Й. Ратцингер // Хабермас Ю., Ратцингер Й. (Бенедикт XVI). Диалектика секуляризации. О разуме и религии. – М.: ББИ св. апостола Андрея, 2006. – С. 90 – 91.

²⁵⁸ Хорост М. Всемирный разум / М. Хорост. – М.: Эксмо, 2011.

наступлении «эпохи нового тела», о преодолении биосферной и социосферной «ограниченности», о разрушении прямолинейности и подчеркнутой ущербности фило-, онто- и социогенетики. Между тем, новая эпоха обещает быть эпохой улучшенного вида или же его радикальной трансформации, причем, в аспекте монадности, размещенной в постбиосферном и информационно-цифровом мирах с принципиально непредустановленной гармонией.

Иначе говоря, достаточно определенный образ человека поставлен постмодернистской культурой с её «техногнозисом» и «техно-ауто-поэзисом» под радикальное сомнение, а взамен предлагаются варианты его черновиков, прямо или косвенно указывающих на тенденцию перехода в состояние «пост-». Конечно, у данной трансгуманистической тенденции есть свои объективные предпосылки: «Лавина ущербных и немощных детей нарастает практически во всех индустриально развитых странах, что уже ассоциируется с начавшимся вырождением кроманьонца как вида... Не исключена уже социогенетическая смена его постчеловеческим разумным существом»²⁵⁹.

Однако такая общая проблемная рамка нуждается в концептуальной конкретизации, что, собственно, и предпринимается в настоящем разделе. В плане эвристики мною предложен анализ возможности антропологически-постантропологического поворота и выхода к новому каналу эволюции под углом зрения двух катализаторов: современных технологий и рыночных игр. Причем, такая интерпретация опирается на представление о том, что технология и экономика как онтологические размерности современного социума могут быть представлены через контрапункт и через эквипотенциальную систему – «техно-экономику»²⁶⁰. Обе подсистемы, хотя каждая в своей логике, обеспечивает всё новую и новую «порцию» свободы²⁶¹. Тем не менее, для начала нужно остановить-

---

²⁵⁹ Демиденко Э.С. Ноосферное восхождение земной жизни / Э.С. Демиденко. – М.: МАОР, 2003. – С. 151.

²⁶⁰ См. мою трактовку предмета Global studies: Муза Д.Е. Глобалистика: Учебное пособие / Д.Е. Муза. – Донецк: Изд-во «Ноулидж» (Донецкое отделение), 2012. – С. 28.

²⁶¹ В этом отношении вспомним аргументы Ст. Лема и Ф.А. фон Хайека.

ся на антропологической размерности, а затем перейти к техно-экономическому кластеру.

Если обратиться к современной рефлексии этого поворота, то в её зеркале обнаруживается ряд любопытных обстоятельств. К примеру, украинский автор В.Г. Табачковский убедительно показал метаморфоз от классического (моносущностного) понимания человека к нынешним вариациям его полисущностной, дискретно организованной природы²⁶². В этом же духе, но с интервальными методологическими акцентами («природа человека является многоуровневой, а его сущность – многомерной»), выразил свою позицию российско-украинский дуэт философов – С.А. Лебедев и Ф.В. Лазарев²⁶³. Но правоту этих медитаций подтверждают и более конкретные (прицельные) исследования.

Так, Ю. Хабермас, много говоривший о «генно-технологической самоинструментализации» человека, не видел в «натуралистическом футуризме» чего-то странного, ведь ранее натурализм физики, неврологии и эволюционной биологии преодолел классические моно-образы человека, созданные религией и метафизикой²⁶⁴. Правда, нынешний этап «либеральной евгеники» несет в себе ряд этических дилемм, в конце концов, возвращающих нам прежний облик homo. В свою очередь Ф. Фукуяма указывает на биотехнологическую революцию, т.е. открытия нейрo-фармокологии и молекулярной биологии как на главные инструменты конституирования постчеловеческого будущего. Именно чрезвычайная «пластичность» человеческой природы, открытая наукой и подпитываемая новыми формами свободы, открывает новое измерение истории²⁶⁵. Но антропологическая трансформация основывается на «самой опасной в

---

²⁶² Табачковський В.Г. Полісутнісне homo: філософсько-мистецька думка в пошуках „неевклідової рефлексивності” / В.Г. Табачковський. – К.: Видавець ПАРАПАН, 2005.

²⁶³ Лебедев С.А., Лазарев Ф.В. Многомерный человек: онтология и методология исследования / С.А. Лебедев, Ф.В. Лазарев. – М.: Издательство Московского университета, 2010. – С. 34.

²⁶⁴ Хабермас Ю. Будущее человеческой природы. На пути к либеральной евгенике? / Ю. Хабермас // Хабермас Ю. Будущее человеческой природы. – М.: Издательство «Весь мир», 2002. – С. 107.

²⁶⁵ Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое будущее: Последствия биотехнологической революции/ Ф. Фукуяма. – М.: ООО «Издательство АСТ»: ОАО «ЛЮКС», 2004. – С. 305 – 308.

мире идее – трансгуманизме..., стремлении освободить людей от человеческих и биологических ограничений, взяв под контроль эволюционный процесс»²⁶⁶.

Кроме того, нужно отметить и тот задел, который носит теоретико-обобщающий характер в понимании трансформации природы человека. Хотелось бы обратить внимание на ту версию происходящего, которую развивает П.С. Гуревич в статье «Кибернавт как символ современного мира». Российский ученый вполне резонно утверждает: «Если отвлечься от постмодернистской философии, то человек действительно находится на рубеже невероятных трансформаций, поскольку каждый вариант культурного бытия может привести к появлению нового антропологического персонажа»²⁶⁷. Однако символическая онтология здесь может рассматриваться как необходимое, но недостаточное средство понимания рассматриваемой проблемы. Кибернавт и всё, что с ним связано, требует иных акцентуаций и аллюзий. Например, смену парадигмы философствования²⁶⁸.

Именно поэтому тональность дискурса о человеческо-постчеловеческом уделе может быть и другой. На ином, а именно, сверхдинамичном глобально-социокультурном аспекте утраты человеком себя, делает ударение О. Тоффлер: «По мере разрушения научных, экономических, политических и других границ размывается само понятие того, что значит быть человеком»²⁶⁹. Это размывание, с чем можно

---

²⁶⁶ Fukuyama F. Transhumanism / F. Fukuyama // Foreign Policy. – Special Report // Режим доступа: <http://www.foreignpolicy.com/articles/2004/09/01/transhumanism>.

²⁶⁷ Гуревич П.С. Кибернавт как символ глобального мира / П.С. Гуревич // Век глобализации. – 2010. – № 2. – С. 152.

²⁶⁸ Как считает Б.В. Марков, «смена медиумов, переход к аудиовизуальной форме коммуникации предполагает культивирование иных, нежели интеллектуальные, способностей человека. Это не означает конца философии и философской антропологии вообще, но предполагает смену форм философствования». – Марков Б.В. Человек в эпоху масс-медиа (символы эпохи Internet) / Б.В. Марков // Информационное общество: Сб. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2004. – С. 454.

²⁶⁹ Тоффлер Э. Революционное богатство / Э. Тоффлер, Х. Тоффлер. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ПРОФИЗДАТ, 2008. – С. 531.

согласится, имеет свои эпистемологические причины²⁷⁰. Но всё же онтологические размерности здесь выступают как базисные, поскольку они задают структурно-топологические, ритмические и семантические координаты жизненного процесса.

В этом отношении несомненный интерес представляют работы двух российских авторов – С.С. Хоружего и В.А. Кутырева, прямо указывающих на катастрофические «метаморфозы онтологии».

Так, российский математик и антрополог С.С. Хоружий фиксирует причины происходящего, т.е. указывает на изменение человеческого бытийного горизонта: «Генетические и гендерные эксперименты, практики трансгрессии (включая феномен суицидального терроризма), экстремальные психопрактики, «кислотные» и виртуальные практики... – весь этот спектр явлений, как мы говорили, выражает некоторые перемены с Человеком. Что это за перемены, как можно их охарактеризовать? В первую очередь, во всех перечисленных явлениях видна одна общая черта. Если и не все они имеют непосредственно кризисный и катастрофический характер, то заведомо все имеют характер *предельный*: все они суть такие явления и практики, в которых Человек устремляется к пределу, к границе своих возможностей, самого горизонта своего существования: к той области антропологических проявлений, в которой начинают изменяться фундаментальные предикаты способа существования человека и которую естественно называть *антропологической границей*. Далее, надо обратить внимание на беспрецедентное множество и разнообразие, предельную же широту диапазона совершающихся предельных явлений. Это свидетельствует о том, что «предельность» – погруженность в предельные практики и стратегии, акции, формы поведения – становится для Человека самоцен-

---

²⁷⁰ В своё время Ж. Бодрийяр указал на то обстоятельство, что «антропологическая конфронтация» между *недифференцированной универсальной культурой* и *любыми сингулярностями*, продуцированными постмодерном – лингвистическими играми, постэстетикой, религией потребления, терроризмом и т.д., неминуемо востребуют новый дискурс. - Бодрийяр Ж. *Насилие глобального* / Ж. Бодрийяр // *Глобальный дискурс: Сборник статей* / Под ред. Л.В. Савина. – Сумы: ИТД «Университетская книга», 2003. – С. 25 – 33.

ностью, самоцелью. Человек стремится актуально осуществить и испытать все и любые в принципе возможные предельные проявления, стремится активизировать, актуализовать весь их существующий круг, репертуар. Эту особенность и можно считать общей определяющей чертой той антропологической динамики, которая обнаруживается во всем комплексе новых характерных явлений антропологической ситуации наших дней» (курсив – С.Х.)²⁷¹.

В свою очередь философ и методолог В.А. Кутырев в своем триптихе показал: схватка «естественного» и «искусственного», борьба «культуры» и «технологии» сегодня трансформировались в борьбу *человека со своим иным*. Причем он в этой связи недвусмысленно заявляет о «Великой, всеобъемлющей нигилистической революции», которая не только удалила «файл» Бытия, заменив его возможными (виртуальными) мирами, а на место Homo sapiens воздвигла новое существо – «Computer science искусственный». Но эта революция происходит под лозунгом «инонизма», т.е. достижения мира количества, онтологии «чужого» и нигитологии, наконец, «идеологии отказа человеческого вида от продолжения своего рода»²⁷².

Как видим, обрисованные трансформации человека и его мира находят в современных дискурсах своё определенное выражение. Но в данной ситуации, как представляется, нужна дополнительная процедура, осуществляемая с целью выработки адекватной описываемому повороту метапозиции. Если попытаться конкретизировать разнообразные антропологические дискурсы через идею поворота на новую эволюционную стадию, то напрашивается следующее: а) в настоящий момент «снята» привычная (психо-физиологическая) онтология человека – онтологией пост-людей, в которой обретена новая телесность и гиперинтеллект, а также созданы невиданные ранее функционалы и установлены иные типы связей в рамках

---

²⁷¹ Хоружий С.С. Глобалистика и антропология / С.С. Хоружий // Режим доступа: http://synergia-isa.ru/wp-content/uploads/2009/hor_interelig_rus.doc.

²⁷² Кутырёв В.А. Человеческое и иное: борьба миров / В.А. Кутырёв. – СПб.: Алетейя, 2009. – С. 144.

заметно трансформированной диметрии; б) конституирован оптимальный тип реальности – виртуальная реальность, которая онтологически независима от предметного мира и его модусов, и вообще выступает в качестве смыслового экстракта пост-человеческого бытия; в) радикально изменен хронотоп бытия пост- homo, причем таким образом, что привычным метрикам в «сетевом сообществе» и «обществе потребления» нет места, а взамен предложена сеть техно-виртуальных топосов и кластер «вечного настоящего»; г) артикулированы и методично культивируются «нечеловеческие» цели, интересы и ценности. Всё бы хорошо, но этот суммативный трансгрессирующий феномен на глазах становится феноменом глобального масштаба и уровня сложности.

При этом, как правило, указывается на её синергетическое звучание этого феномена. Иначе говоря, делается ударение на бифуркационном характере развития системы «человек» или её перестройки техно-экономикой, а значит, приобретении ею новых эволюционных качеств. Поэтому оправдан сегодняшний посыл философии – установить и описать т.н. «антропологические ловушки» (кризис идентичности, медийное манипулирование сознанием, дегуманизация, гегемония масс-культуры) выглядит оправданным. Последние связаны с: а) реализацией уродливых социально-антропологических доктрин; б) разрушением базисных определений homo sapiens; в) осуществлением негативных цивилизационных, геополитических процессов, в т.ч. глобализации²⁷³.

Проще говоря, философия не может миновать того факта, что форсированная антропологическая эволюция (вплоть до ставших очевидными тупиков и ловушек) своим динамизмом обязана Западу²⁷⁴, точнее, западной цивилизации модерна и её нынешней постмодерновой трансформа-

---

²⁷³ Лазарев Ф.В. Современная цивилизация: ноосферно-антропологический проект / Ф.В. Лазарев // Человек и современная цивилизация. Сборник статей. – Симферополь: ДОЛЯ, 2008. – С. 39.

²⁷⁴ В этом отношении справедлива ремарка П. Тейяра де Шардена о том, что «ведущая ось антропогенеза прошла через Запад», поскольку «всё, что было давно известно в других местах, приняло окончательное человеческое значение, лишь войдя в систему европейских идей и европейской деятельности». – Тейяр де Шарден П. Феномен человека / П. Тейяр де Шарден. – М.: Главная редакция изданий для зарубежных стран издательства «Наука», 1987. – С. 170.

ции. В таком случае прибегну к философско-исторической «развертке» проблемы.

Нужно заметить, что к такому пониманию, а именно «антропологического излома», «антропологического тупика», «антропологического кризиса» и т.д., пришли не сегодня. В наиболее общем виде эта проблема была поставлена О. Тоффлером в его программной работе «Футурошок» (1972): в результате нарастающих изменений во внешней среде происходит изменение психического состояния людей (ощущения «бомбардированы», индивиды пребывают в состоянии «информационной перегрузки», решения принимаются в состоянии стресса, без должной рефлексии и оценки). В результате мы можем наблюдать миллионы (если ни миллиарды) «жертв футурошока»²⁷⁵. Однако, как мы знаем теперь, вторжение будущего²⁷⁶, проходившее без надлежащей амортизации, как раз и обернулось неисчислимыми жертвами. В т.ч. потому, что темпы научного, технологического и социально-экономического изменения затронули «химическую и биологическую стабильность человеческой расы»²⁷⁷.

В немалой степени трансформации вида homo были ускорены в 90-е годы XX ст. Эта проблема зазвучала иначе, и прежде всего в связи с *биотехнологической революцией* (разработка и внедрение в практику новых лекарственных средств, успехи в исследовании стволовых клеток, геновая инженерия). Считается, что именно с её помощью открылась возможность заняться евгеникой, т.е. практическим улучшением челове-

---

²⁷⁵ Правда, Тоффлер интерпретировал перемены как *вторжение будущего в настоящее* и на этом основании пытался построить «мировую теорию адаптации». Она предполагала управление изменениями в сторону смягчения их последствий, демократизацию самих методов и пересмотр всех (в т.ч. технократических как неадекватно представляющих цели человечества) ориентаций в будущее.

²⁷⁶ Не секрет, что часть интеллектуального истеблишмента США озабочена т.н. неконтролируемыми факторами: сегодня, считает эксперт и прогностик Р. Шапиро, «исторически неконтролируемым фактором являются неожиданные технологические прорывы». – Шапиро Р. Прогноз на будущее / Р. Шапиро. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2009. – С. 449.

²⁷⁷ Тоффлер А. Футурошок / А. Тоффлер. – СПб.: Лань, 1997. – С. 276.

ской природы, исправлением изъянов предшествующих ступеней антропологической эволюции.

К тому же параллельным курсом осуществлялась *информационная революция*, которую охарактеризовал М. Дери: «Компьютер не только революционаризировал посредством электронных соединений нашу нематериальную жизнь, он безвозвратно изменил и нашу материальную жизнь»²⁷⁸. Речь, по большому счету, идет об эмпирических и структурных моментах, таких как: техно-арт, техноспектакли, техно- и био-музыка, кибернетический боди-арт, киберсекс, киборгизация телесности (взамен «устаревшей» и, конечно, о новых субъектах типа техно-яппи, киберпанков, киберхиппи, «терминаторов», виртуальных двойников и т.д.²⁷⁹. Словом, перед нами факты ревизии жизненного процесса и его оснований.

Не следует также забывать и о *радикальной либерально-экономической революции*, породившей настоящего рыночного монстра свободолюбия и безответственности. В качестве иллюстрации приведу признание Дж. Сороса: «Их (рынков – Д.М.) назначение – предлагать участникам альтернативы, а участники не обладают совершенным знанием. Это делают рынки, в особенности финансовые, принципиально нестабильными. Далее, рынки не предназначены для того, чтобы заботиться об общественных нуждах, таких как соблюдение закона или поддержание порядка, защита окружающей среды, обеспечение социальной справедливости, а также стабильности и здоровой конкуренции на самих рынках...»²⁸⁰.

---

²⁷⁸ Дери М. Скорость убегания: киберкультура на рубеже веков / М. Дери. – Екатеринбург: Ультра. Культура; М.: АСТ МОСКВА, 2008. – С. 12.

²⁷⁹ В качестве примера хочу привести чрезвычайно показательную выставку под названием «Decode: прикосновение к цифровому искусству», прошедшую в Лондоне (2009), Пекине (2010) и Москве (2011). Мир будущего, который был представлен её организаторами, можно охарактеризовать как прекрасный и безумный одновременно.

²⁸⁰ Сорос Дж. Эпоха ошибок. Мир на пороге глобального кризиса / Дж. Сорос. – М.: Альпина бизнес букс, 2008. – С. 69.

Для трезвого наблюдателя перечисленные революции и их шлейфы не только образуют некоторый онтологический узор, но и дают понимание возможности нового, спонтанного горизонта осуществления²⁸¹.

Конечно, эти рамочные аспекты важны для рефлексии исследуемой трансформации, но они охватывают лишь её внешнюю сторону. В более конструктивном направлении: от явлений – к сущности, пытается идти В.А. Кутырев. В частности, он настойчиво говорит о перейденном «Рубиконе антропологии», т.е. об умалении онтологии человека за счет достижений Hi-tech-а и биотехнологий, помноженных на глобальную кон-

---

²⁸¹ Между тем, существует две противоположные точки зрения на соотношение рынка и новых технологий. Они тем более любопытны в силу поиска фактуры странного аттрактора для нынешней антропологической трансформации. Первая, по сути скептическая, сводится к тому, что в постмодернистском культурном пространстве и рынок и медиа образуют «дві системи кодів» и «ототожнюються таким чином, що дають змогу лібідинальним енергіям однієї системи накрити іншу систему, не створюючи при цьому... синтезу, нового поєднання, нової об'єднаної мови чи чогось такого». - Джеймисон Ф. Постмодернізм, або Логіка культури пізнього капіталізму / Ф. Джеймисон. – К.: Видавництво «Курс», 2008. – С. 310. Этот вывод тем более интересен в свете представления постнеклассической философии науки о том, что абсолютные пределы управляемости Вселенной отсутствуют, т.е. нет никакого конечного числа фундаментальных законов, при помощи которых разворачиваются процессы в неживой, живой и социально-организованной формах движения материи. Значит синтез технологии и рынка возможен в точке социальной бифуркации, как в принципе возможна новая тотализация вида homo. Однако понятно и другое: пока несросшиеся социальные структуры будут и дальше порождать хаос в качестве лона рождения новой упорядоченности.

Иную версию объединения рынка и новых технологий зафиксировал М. Кастельс. Согласно М. Кастельсу, о чем уже упоминалось выше, происходящий сдвиг можно интерпретировать посредством информационно-технологической парадигмы: «Трансформируя процесс обработки информации, новые информационные технологии оказывают влияние на все сферы человеческой деятельности и делают возможным установление бесчисленных связей между различными областями, также как и между элементами и агентами этой деятельности». Но «появление экономики с сетевой структурой и глубокой взаимосвязанностью элементов позволяет все больше применять её достижения в технологии, знании и управлении как технологией и знанием, так и самим управлением». В конце концов, «этот замкнутый круг позволит достичь большей производительности и эффективности при наличии необходимых условий для одинаково глубоких организационных и институциональных перемен». – Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / М. Кастельс. – М.: ГУ ВШЭ, 2000. – С. 82. Однако эти следствия могут иметь и неявный антропологический смысл, в случае, когда такие трансформации рассматриваются с точки зрения дигрессии времени и капитала.

Капитал, о чем прямо говорит М. Кастельс, «сжимает время», переваривая секунды и годы, манипулируя социальными и личностными его метриками (!). Последнее означает изменение структуры повседневности, где «индивидуальная игра с жизнью» ведется в атмосфере «поврежденного общественного чувства соответствия производства и вознаграждения, работы и её смысла, этики и богатства». – Там же, с. 406.

курению, приводит ситуацию к полной дезэволюции человеческой экзистенции²⁸². Разумеется, эти ценные наблюдения нуждаются в корректной интерпретации, поскольку инфляция человеческой сущности поставлена в зависимость от познавательных и бытийных паттернов.

Делая небольшое методологическое отступление, нужно подчеркнуть то обстоятельство, в соответствии с которым две ведущие тенденции современного бытия – последовательная *технологизация человека* (=его дисфункция как человека) и спорадическая *гуманизация техносферы* (установление человекоразмерных смыслов) – не только не совпадают, но во многом котрадикторны. Очевидно, что пришел период их дивергенции²⁸³, а не образования искомого гомеостаза²⁸⁴. Но как быть с тем фактом, что прежние этапы эволюции homo предполагали борьбу с хаосом, как внутренним, так и внешним, который так и не был погашен, а скорее завуалирован?

Тем самым мы приходим к точке «сборки» современных проблем информационного общества – к человеку и его природе.

---

²⁸² Кутырев В.А. Философия трансгуманизма: Учебно-методическое пособие / В.А. Кутырев. – Нижний Новгород: Нижегородский университет, 2010. – С. 69 – 75.

²⁸³ Ещё в 60-е годы Ю.Н. Давыдов остроумно обозначил фундаментальное условие трансформации: «Чтобы человек мог «конкурировать» (удачно или не удачно – другой вопрос!) с роботом, он сам должен предварительно превратиться в нечто близкое к этому роботу». И далее он вводит творческий критерий: «И до тех пор, пока человек будет оставаться односторонним, несвободным, нетворческим (жить в логике буржуазного мира – Д.М.), ему не выиграть в конкуренции с роботом. Ибо его преимущества – совсем в другом: в цельности, свободе, способности к бесконечному творчеству». – Давыдов Ю.Н. Труд и свобода / Ю.Н. Давыдов // Труд и искусство: избранные сочинения. – М.: Астрель, 2008. – С. 103.

²⁸⁴ Современная синергетическая версия бытия человека не только усиливает эффект неопределенности, но и оправдывает его. Здесь легитимен тезис о том, «что путь творчества состоит в том, чтобы отдать себя во власть хаосу для овладения им, подчиниться хаосу, получив возможность создать из него изящную структуру». – Князева Е.Н. «Я» как динамическая структура-процесс / Е.Н. Князева // Синергетика: человек, общество. – М.: Изд-во РАГС, 2000. – С. 88. Но спрашивается: не есть ли это очередной шаг в бездну? (который следует после шагов по бесконечной Вселенной, ГУЛАГУ и Освенциму, тем не менее, опирается не только на идею монолитности человека, но и на его подчеркнутую теургичность). Например, таков опыт нескольких антропологических катастроф XX века, его, homo, отнюдь не мифологическое оборотничество! Как тут не озаботиться тем, что Голем, Фауст, *Urbemensch*, Смердяков, Шигалев, Эдип, Орфей и Нарцисс были актуализированы в виде принципиальных, судьбоносных жестов. Если к ним присовокупить киборговую проекцию человека, то складывается вполне рельефная картина антроподинамики. Впрочем, похоже, со счастливым концом, ибо и герой «Матрицы» Сайфер и профессор М. Хорст во многом считают себя таковыми.

В этом контексте напрашивается следующее: природа человека в мировых религиях, а тем более в западной науке и философии модерна (т.е. XVI - XX ст.), – величина постоянная²⁸⁵. Ситуация меняется к концу XX века, когда происходит серьезный социокультурный сдвиг в представлениях о ней, вызванный названными факторами. В конце концов, появляется идея *о нежесткой, не-предзаданной природе человека*, которую можно деформировать в любом удобном направлении. Разумеется, наука, рынок и СМИ здесь должны сделать своё эпохальное дело, внушив человеку комплекс недостроенности, ущербности. Определенная ставка делается на общественные движения и организации (напр., ту же Всемирную Ассоциацию трансгуманистов – WTA), отстаивающие принципы изменения эволюции человека и появления его нового, более совершенного вида.

Тем не менее, есть серьезные причины думать об этой проблеме иначе. Обеспокоенность прохождения именно такой, ультралиберально организованной траекторией вовсе не напрасна, поскольку «самоинструментализация вида» (Ю. Хабермас) несёт в себе новые противоречия и проблемы. Например, этические дилеммы²⁸⁶. Но важно понять следующее: в структуре деятельности и коммуникации индивидов и институтов информационного общества представлены иллюзорные цели жизни и проекты самоосуществления. Однако подлинные цели и само-

---

²⁸⁵ «В принципе, - пишет российский философ П.С. Гуревич, - под «природой человека» подразумеваются стойкие, неизменные черты, общие задатки и свойства, выражающие его особенности как живого существа, которые присущи хомо сапиенс во все времена независимо от биологической эволюции и исторического процесса». – Гуревич П.С. Философия человека / П.С. Гуревич. – М.: ИФ РАН, 1999. – Ч.1. – С. 60 (курсив мой – Д.М.).

²⁸⁶ Которые состоят в том, что: а) генетически запрограммированные личности уже более не рассматривают себя как безраздельных авторов своей собственной истории жизни; б) в отношениях с предшествующими поколениями они уже более не могут без каких-либо ограничений рассматривать себя в качестве равных по происхождению личностей. – Хабермас Ю. Будущее человеческой природы. На пути к либеральной евгенике? / Ю. Хабермас // Хабермас Ю. Будущее человеческой природы. – М.: Издательство «Весь мир», 2002. – С. 93. Понятно, что их решение нельзя больше откладывать, но адекватных этических средств для этого, похоже, просто нет (если таковыми не считать некоторые операциональные модели типа биоэтики).

осуществление находятся за пределами дополняющих друг друга технологического могущества и потребления²⁸⁷.

Так, в Китае человеческая сущность соотнесена с Дао (Законом), с природой и развивается циклично; в Индии она находится в зависимости от многообразных высших и низших сил, но сопряжена с универсальным духовным принципом – Брахманом. В исламской цивилизации человек – творение Всевышнего, а в православной – отображение Святой Троицы. И только Запад предоставил – через свободу – homo самому себе, своей квазидуховности (рассудку, воображению, желанию и капризу), отбросив божественное, а затем и космическое измерение своего присутствия в мире; через труд соединил его с природой и через труд таки удалил его из природы, сделав при этом её врагом (!); поместив его в социальную семью, вскоре максимально освободил от «пут» этого самого социума. Но самое, пожалуй, важное состоит в том, что, будучи вооруженным наукой и техникой, «западоид» (А.А. Зиновьев) объявил всю предшествующую эволюцию человека – тупиковой, а значит, ложной. Т.е., отвергая разнообразный опыт других народов и цивилизаций, он объявил свой исключительный, по меркам истории, антрополого-инонический марафон всеобщим достоянием человечества.

Подчеркну, что в рамках этого марафона уже артикулированы перспективы: *перспектива киборга* (соединение «естественного» человека и техногенных деталей), *перспектива полностью искусственного существа* (создание Франкенштейна), *перспектива создания «сапиентиссимуса»* (сверхразумного организма); *перспектива «улучшенных людей»* (частичный андроид), которые дают колоссальный заряд оптимизма и уверенности²⁸⁸. Но этот оптимизм может испариться при трезвом взгляде на проблему, решение которой тем же

---

²⁸⁷ Барбур И. Этика в век технологий / И. Барбур. – М.: ББИ св. апостола Андрея, 2001. – С. 67 - 69.

²⁸⁸ Буровский А.М. После человека / А.М. Буровский // Чеснокова Т.Ю. Постчеловек. От неандертальца до киборга. – М.: Алгоритм, 2008. – С. 175 – 224.

А.М. Буровским выражено в виде реквиема по человеку: «А итог истории – всё равно исчезновение биологического вида *homo sapiens*»²⁸⁹.

В этой связи для того чтобы вывести анализ из подобных тупиков, хочу высказать три посильных контраргумента.

Первый связан с представлением о том, что «всеобщий солипсизм», или «такое состояние Ноосферы», при котором «сверхвысокие технологии в роли троянского коня, на котором виртуальность победно въезжает в наш и без того не слишком крепкий мозг»²⁹⁰, на самом деле являются анти-Ноосферой, анти-Эдемом, наконец, стремящимся к взрыву «подполью». Хотя бы потому, что в этом «всеобщем солипсизме» нет места вселенскому разуму, синергии Бога и человека, но зато есть миллиарды фортепианных клавиш.

Второй сопряжен с представлением о гуманизме, некогда скорректированного М. Хайдеггером. Полемизируя с Ж.-П. Сартром, он не только поддержал принцип первичности эссенции человека над его экзистенцией, но выстроил связь между существом человека и вопросом об истине бытия. При этом, «массового человека техники», «возведенного в средоточие сущего», он квалифицировал как потерянного. Напротив, «просвет бытийной истины» открывается в близости к бытию, в «историческом существе человека с его истоком в истине бытия»²⁹¹.

Третий касается того обстоятельства, что мудрость – к счастью – находится за пределами Матрицы, этого «мира концов»²⁹², поскольку её, мудрости, формула не только ортогональна любым творениям рук человеческих, но пронизывает само существо человека и структуру Истории, образуя положительную обратную связь с сердцевинной мира. Именно

---

²⁸⁹ Буровский А.М. Человек будущего. Какими мы станем? / А.М. Буровский. – М.: Яуза; Эксмо, 2010. – С. 271.

²⁹⁰ Нариньяни А.С. Между эволюцией и сверхвысокими технологиями: новый человек ближайшего будущего / А.С. Нариньяни // Вопросы философии. – 2008. – № 4. – С. 17.

²⁹¹ Хайдеггер М. Письмо о гуманизме / М. Хайдеггер // Проблема человека в западной философии: Переводы. – М.: Прогресс, 1988. – С. 338.

²⁹² Севбо-Белецкая И.П. У порога иного бытия / И.П. Севбо-Белецкая. – К.: «Пролог», 2008. – С. 303 - 306.

поэтому возможен выход из сетевого подполья в мир личностного и ценностного со-Бытия.

Конечно, всё сказанное не сводится к инвективам против трансгуманизма и постулированию борьбы за высший духовный смысл. Но существует вполне реальная опасность того, что тематизации «человеческого, слишком человеческого» в со-бытии Бытия – из трендов и фигур виртуального антропогенеза – может не случиться. Как может не случиться и раскрытие этой темы в парадигме тайны.

Литература

1. Библер В.С. От наукоучения – к логике культуры: Два филос. введения в двадцать первый век / В.С. Библер. – М.: Политиздат, 1990. – 413 с.
2. Брукс Р. Объединение плоти и машин / Р. Брукс // Будущее науки в XXI веке. Следующие пятьдесят лет / Под ред. Джона Боркмана; пер. с англ. Ю.В. Букановой. – М.: АСТ: Астрель; Владимир: ВКТ, 2011 – С. 159 – 166.
3. Клаус Г. Кибернетика и общество / Пер. с нем. – М.: Изд-во «Прогресс», 1967. – 432 с.
4. Абелла А. Солдаты разума / А. Абелла; пер. с англ. О. Клигиной. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2009. – 316, [6] с. – (Philosophy).
5. Грэхэм Л.Р. Естествознание, философия и науки о человеческом поведении в Советском союзе / Л.Р. Грэхэм: Пер. с англ. – М.: Политиздат, 1991. – 480 с.: диагр., схем.
6. Фролов И.Т. Перспективы человека: Опыт комплексной постановки проблемы, дискуссии, обобщения / И.Т. Фролов. – 2-е изд., переработ. и доп. – М.: Политиздат, 1983. – 350 с.
7. Ракилов А.И. Философия компьютерной революции / А.И. Ракилов. – М.: Политиздат, 1991. – 287 с.
8. Трифонова М.К. Наука. Образование. Человек : монография / М.К. Трифонова. – Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2012. – 474 с.
9. Moravec H. Mind Children: Epy Future of Robot and human Intelligence. – Cambridge: Harvard University Press, 1988. – 241 p.
10. Drecsler E. Engines of Creation: The Coming Era of Nanotechnology / E. Drecsler. – N.Y.: Anchor Books, 1986. – 255 p.
11. Никитин В.С. Технологии будущего / В.С. Никитин. – М.: Техносфера, 2010. – 264 с.
12. Грация Дж. и Сэнфорд Дж. Метафизика «Матрицы» / Дж. Грация, Дж. Сэнфорд // «Матрица» как философия: Эссе. – Екатеринбург: У-Фактория, 2005. – С. 79 - 92.
13. Азимов А. Я – робот / А. Азимов. – М.: Центрполиграф, 2003. – 320 с.

14. Жижек С. Матрица, или две стороны извращения / С. Жижек // «Матрица» как философия: Эссе. – Екатеринбург: У-Фактория, 2005. – С. 329 - 371.
15. Окинавская Хартия глобального информационного общества // Режим доступа: www.iis.ru/library/okinawa/charter.ru.html
16. Мориц Ю.П. Когда достигнут тех высот / Ю. Мориц // Мориц Ю.П. По закону – привет почтальону. – М.: Время, 2006. – С. 519.
17. Ратцингер Й. Чем держится мир. Дополитические моральные основы либерального государства / Й. Ратцингер // Хабермас Ю., Ратцингер Й. (Бенедикт XVI). Диалектика секуляризации. О разуме и религии [пер. с нем.]. – М.: ББИ св. апостола Андрея, 2006. – С. 77 - 107.
18. Хорост М. Всемирный разум / М. Хорост; [пер. с англ. В. Дудникова]. – М.: Эксмо, 2011. – 288 с.
19. Муза Д.Е. Глобалистика: Учебное пособие / Д.Е. Муза. – Донецк: Изд-во «Ноулидж» (Донецкое отделение), 2012. – 310 с.
20. Табачковський В.Г. Полісутнісне homo: філософсько-мистецька думка в пошуках „неевклідової рефлексивності” / В.Г. Табачковський. – К.: Видавець ПАРАПАН, 2005. – 432 с.
21. Лебедев С.А., Лазарев Ф.В. Многомерный человек: онтология и методология исследования / С.А. Лебедев, Ф.В. Лазарев. – М.: Издательство Московского университета, 2010. – 96 с.
22. Хабермас Ю. Будущее человеческой природы. На пути к либеральной евгенике? / Ю. Хабермас // Хабермас Ю. Будущее человеческой природы; [пер. с нем.]. – М.: Издательство «Весь мир», 2002. – С. 11 – 114.
23. Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое будущее: Последствия биотехнологической революции / Ф. Фукуяма. – М.: ООО «Издательство АСТ»: ОАО «ЛЮКС», 2004. – 349, [3] с. – (Philosophy).
24. Fukuyama F. Transhumanism / F. Fukuyama // Foreign Policy. – Special Report // Режим доступа: <http://www.foreignpolicy.com/articles/2004/09/01/transhumanism>.
25. Гуревич П.С. Кибернавт как символ глобального мира / П.С. Гуревич // Век глобализации. – 2010. – № 2. – С. 139 - 153.
26. Марков Б.В. Человек в эпоху масс-медиа (символы эпохи Internet) / Б.В. Марков // Информационное общество: Сб. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2004. – С. 452 - 507.
27. Тоффлер Э. Революционное богатство / Э. Тоффлер, Х. Тоффлер. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ПРОФИЗДАТ, 2008. – 596, [1] с. – (Philosophy).
28. Бодрийяр Ж. Насилие глобального / Ж. Бодрийяр // Глобальный дискурс: Сборник статей / Под ред. Л.В. Савина. – Сумы: ИТД «Университетская книга», 2003. – С. 25 - 33.
29. Хоружий С.С. Глобалистика и антропология / С.С. Хоружий // Режим доступа: http://synergia-isa.ru/wp-content/uploads/2009/hor_interelig_rus.doc.

30. Кутырёв В.А. Человеческое и иное: борьба миров / В.А. Кутырёв. – СПб.: Алетейя, 2009. – 264 с.
31. Лазарев Ф.В. Современная цивилизация: ноосферно-антропологический проект / Ф.В. Лазарев // Человек и современная цивилизация. Сборник статей. – Симферополь: ДОЛЯ, 2008. – С. 11 – 42.
32. Тейяр де Шарден П. Феномен человека / П. Тейяр де Шарден; [Пер. с фр. Н.А. Садовского; Предисл. и комм. Б.А. Старостина]. – М.: Главная редакция изданий для зарубежных стран издательства «Наука», 1987. – 240 с.
33. Шапиро Р. Прогноз на будущее / Р. Шапиро; [пер. с англ. М. Жуковой]. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2009. – 537, [7] с. – (Philosophy).
34. Тоффлер А. Футурошок / А. Тоффлер; [пер. с англ.]. – СПб.: Лань, 1997. – 464 с.
35. Дери М. Скорость убегания: киберкультура на рубеже веков / М. Дери; [пер. с англ. Т. Парфеновой]. – Екатеринбург: Ультра. Культура; М.: АСТ МОСКВА, 2008. – 478, [2] с. – (Philosophy).
36. Сорос Дж. Эпоха ошибок. Мир на пороге глобального кризиса / Дж. Сорос; [пер. с англ. А. Денисов]. – М.: Альпина бизнес букс, 2008. – 201 с.
37. Джеймисон Ф. Постмодернизм, або Логіка культури пізнього капіталізму / Ф. Джеймисон; [пер. с англ. П. Дениска]. – К.: Видавництво «Курс», 2008. – 504 с.
38. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / М. Кастельс; Пер. с англ. под научн. ред. О.И. Шкаратана. – М.: ГУ ВШЭ, 2000. – 608 с.
39. Кутырёв В.А. Философия трансгуманизма: Учебно-методическое пособие / В.А. Кутырёв. – Нижний Новгород: Нижегородский университет, 2010. – 85 с.
40. Давыдов Ю.Н. Труд и свобода / Ю.Н. Давыдов // Труд и искусство: избранные сочинения; сост. В.В. Сапов. – М.: Астрель, 2008. – С. 23 - 122.
41. Князева Е.Н. «Я» как динамическая структура-процесс / Е.Н. Князева // Синергетика: человек, общество. – М.: Изд-во РАГС, 2000. – С. 78 - 90.
42. Барбур И. Этика в век технологий / И. Барбур; [пер. с англ. А. Киселева]. – М.: ББИ св. апостола Андрея, 2001. – 380 с.
43. Буровский А.М. После человека / А.М. Буровский // Чеснокова Т.Ю. Постчеловек. От неандертальца до киборга. – М.: Алгоритм, 2008. – С. 175 - 224.
44. Буровский А.М. Человек будущего. Какими мы станем? / А.М. Буровский. – М.: Яуза; Эксмо, 2010. – 288 с.
45. Нариньяни А.С. Между эволюцией и сверхвысокими технологиями: новый человек ближайшего будущего / А.С. Нариньяни // Вопросы философии. – 2008. – № 4. – С. 3 - 17.
46. Хайдеггер М. Письмо о гуманизме / М. Хайдеггер // Проблема человека в западной философии: Переводы / Сост. и предисл. П.С. Гуревича; общ. ред. Ю.Н. Попова. – М.: Прогресс, 1988. – С. 314 - 356.
47. Севбо-Белецкая И.П. У порога иного бытия / И.П. Севбо-Белецкая. – К.: «Пролог», 2008. – 488 с.

ВЫВОДЫ

Итак, перед тем как закрыть книгу, я приглашу читателя к некоторым предварительным выводам. Попытка понять связную систему притязаний, возможностей и проблем информационного общества не была такой простой, как это может показаться на первый взгляд. Тем не менее, просвечивание философской рефлексией заявленных вопросов показало, что этот путь вполне оправдан. Он, на что я и рассчитывал, привел к уточнению операционального понятия «информационного общества» со стороны его содержания.

Исследование этого понятия и соотносимой с ним динамической реальности информационного шло по пути: от методологических презумпций – к рассмотрению онтологических, властно-управленческих и антропологических аспектов общества сетевых структур. Такой маршрут оправдан самой логикой развития предмета, хотя человек и его бытие находятся в центре внимания.

Отсюда напрашивается ряд таких констатаций:

во-первых, указывая на структурный и функциональный аспекты жизни информационного общества с его сущностью, можно увидеть профанацию категории «информация»²⁹³, лишенной универсальных ценностных и целевых критериев. Напротив, «качество» информации здесь оказывается подчеркнуто редуцированным (благодаря работе спиндоктора)²⁹⁴, и эта селекция (кодировка) осуществима главным претендентом на власть в информационном обществе – Neto-кратической группой;

во-вторых, претендуя на создание при помощи новых технологий (их конвергенции), – Brave New World, новители сверхидеологии информационализма пока не представили его вразумительного обоснования, в

---

²⁹³ Несмотря на усилия большого числа теоретических дисциплин, нацеленных на неё и большой опыт жизни общества в режимах с информационным обострением.

²⁹⁴ При атрибуции информации как свободной, а общества как открытого (свободного).

частности, перечень выгод, рисков и издержек этого проекта, но зато поспешили объявить о достижении вершины в эволюции ноосферы;

в-третьих, новая сетевая власть, позиционируя себя, как и прежние политические и экономические элиты, – на вершине иерархии, использует новые недемократические формы и методы управления обществом. В частности, манипуляцию, контроль, глубинное информационное влияние (программирование), плюс усиление разнообразных информационных шумов. Разумеется, это обстоятельство влечет за собой далекоидущие последствия, главным образом, для нового класса – консьюмтариата, который, через наркотическую зависимость потребления привязан, как думают в Капитолии и Ватикане информационализма, к фантазмам и потреблению навечно;

в-четвертых, в названных властных центрах и подконтрольных им научных и масс-медийных структурах разработан и реализуется проект трансгуманизма, опирающийся на представление о тотальной ущербности вида homo. В качестве альтернативы предложены разнообразные варианты post-homo, вплоть до обеспечения его бытия модальностью бессмертия. Тем не менее, данная модальность, как о том говорят религия, искусство и философия, должна быть обеспечена ценностными связями с универсумом (его ядром), а не полагаться на симулякры е-свободы и все-силые глобальной био-нано-информационной среды, их интегральную функцию Deus ex machine.

И пока «гора родила мышь», человеку остается подвергнуть ревизии основания своего нынешнего положения, вспомнив о своей ответственности за бытие. В противном случае NBIC-синергия будет дарить нам всё новые и новые человекоортцающие сюрпризы.

Литература

1. Абдеев Р.Ф. Философия информационной цивилизации / Р.Ф. Абдеев. – М.: ВЛАДОС, 1994. – 336 с.: 58 ил.
2. Абелла А. Солдаты разума / А. Абелла; пер. с англ. О. Клигиной. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2009. – 316, [6] с. – (Philosophy).
3. Алексеев П.В. Социальная философия: Учебное пособие / П.В. Алексеев. – М.: ООО «ТК Велби», 2003. – 256 с.
4. Андреев А.Л., Бутырин П.А., Горохов В.Г. Социология техники: учебное пособие / А.Л. Андреев, П.А. Бутырин, В.Г. Горохов. – М.: Альфа-М; ИНФРА-М, 2009. – 288 с.: ил.
5. Анилионис Г.П., Зотова Н.А. Глобальный мир: единый и разделенный. Эволюция теорий глобализации / Г.П. Анилионис, Н.А. Зотова. – М.: Междунар. отношения, 2005. – 676 с.
6. Апель К.-О. Коммуникативное сообщество как трансцендентальная предпосылка социальных наук / К.-О. Апель // Апель К.-О. Трансформация философии / Перевод В. Куренной, Б. Скуратов. – М.: «Логос», 2001. – С. 193 - 236.
7. Алексеева И.Ю., Аршинов В.И., Чеклецов В.В. «Технолюди» против «постлюдей»: НБИКС-революция и будущее человека / И.Ю. Алексеева, В.И. Аршинов, В.В. Чеклецов // Вопросы философии. – 2013. – № 3. – С. 12 – 21.
8. Балабанова Н.В. Суспільство знань та інновацій: шлях до майбутнього України / Н.В. Балабанова. – К.: Арістей, 2005. – 104 с.
9. Барбур И. Этика в век технологий / И. Барбур; [пер. с англ. А. Киселева]. – М.: ББИ св. апостола Андрея, 2001. – 380 с. .
10. Бард А., Зодерквист Я. НЕТОКРАТИЯ. Новая правящая элита после капитализма / А. Бард, Я. Зодерквист [пер. с англ. В. Мишучкова; предисловие А. Лебедева]. – СПб.: Стокгольмская школа экономики в Санкт-Петербурге, 2004. – 252 с.
11. Барлоу Дж.П. Декларация независимости киберпространства / Дж. П. Барлоу // Информационное общество: Сб. – М.: «Издательство АСТ», 2004. – С. 349 - 352.
12. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования / Д. Белл; [пер. с англ.]. – М.: Academia, 1999. – 956 с.
13. Белл Д. Постиндустриальное общество. Что принесут 1970 – 1980 годы? / Д. Белл // Америка. – 1974. – № 5. – С. 2 - 5.
14. Белл Д. Социальные рамки информационного общества / Д.Белл // Новая технократическая волна на Западе. – М.: Прогресс, 1986. – С. 330 - 342.
15. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну / У.Бек. – М.: Прогресс-Традиция, 2000. – 384 с.
16. Бехманн Г. Современное общество: общество риска, информационное общество, общество знаний / Г. Бехманн; [пер. с нем. А.Ю. Антоновского, Г.В. Гороховой, Д.В. Ефременко, В.В. Каганчук, С.В. Месяц]. – 2-е изд. – М.: Логос, 2011. – 248 с.

17. Библер В.С. От наукоучения – к логике культуры: Два филос. введения в двадцать первый век / В.С. Библер. – М.: Политиздат, 1990. – 413 с.
18. Бодрийяр Ж. Насилие глобального / Ж. Бодрийяр // Глобальный дискурс: Сборник статей / Под ред. Л.В. Савина. – Сумы: ИТД «Университетская книга», 2003. – С. 25 - 33.
19. Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структура / Ж. Бодрийяр / Пер. с фр., послесл. и примеч. Е.А. Самарской. – М.: Республика; Культурная революция, 2006. – 269 с. – (Мыслители XX века).
20. Бодрийяр Ж. Пароли. От фрагмента к фрагменту / Ж. Бодрийяр / Пер. с франц. Н. Сулова. – Екатеринбург: У-Фактория, 2006. – 200 с. – (Серия «Академический бестселлер»).
21. Бодрийяр Ж. Прозрачность зла / Ж. Бодрийяр. – 2-е изд. – М.: Добросвет, КДУ, 2006. – 258 с.
22. Бодрийяр Ж. Реквием по медиа / Ж. Бодрийяр // Бодрийяр Ж. К критике политической экономии знака / Пер. с фр. Д. Кралечкин. – М.: Академический проект, 2007. – С. 228 - 260.
23. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть / Ж. Бодрийяр. – 2-е изд. – М.: Добросвет, КДУ, 2006. – 389 с.
24. Бодрийяр Ж.. Симулякри і симуляція / Ж. Бодіяр / Пер. з фр. В. Ховтун. – К.: Видавництво Соломії Павличко «Основи», 2004. – 230 с.
25. Бриллюэн Л. Наука и теория информации / Л. Бриллюэн. [пер. с англ. А.А. Харкевича]. – М.: Физматгиз, 1960. – 392 с. с черт.
26. Брукс Р. Объединение плоти и машин / Р. Брукс // Будущее науки в XXI веке. Следующие пятьдесят лет / Под ред. Джона Боркмана; пер. с англ. Ю.В. Букановой. – М.: АСТ: Астрель; Владимир: ВКТ, 2011 – С. 159 - 166.
27. Буровский А.М. После человека / А.М. Буровский // Чеснокова Т.Ю. Постчеловек. От неандертальца до киборга. – М.: Алгоритм, 2008. – С. 175 - 224.
28. Буровский А.М. Человек будущего. Какими мы станем? / А.М. Буровский. – М.: Яуза; Эксмо, 2010. – 288 с.
29. Буряк В.В. Динамика культуры в эпоху глобализации: ноосферный контекст: монография / В.В. Буряк. – Симферополь: ДИАЙПИ, 2011. – 462 с.
30. Винер Н. Кибернетика и общество / Н. Винер. – Тайдекс Ко, 2002. – 184 с. (Библиотека журнала «Экология и жизнь». Серия «Устройство мира»).
31. Воронин А.А. Миф техники / А.А. Воронин; Ин-т философии РАН. – М.: Наука, 2006. – 200 с.
32. Вылков Р.И. Киберпространство как социокультурный феномен, продукт технологического творчества и проективная идея: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.01 – Онтология и теория познания. – Екатеринбург: Урал. гос. ун-т им. А.М. Горького, 2009. – 24 с.
33. Гачев Г.Д. Ментальности народов мира / Г.Д. Гачев. – М.: Эксмо, 2003. – 544 с.

34. Гижа А.В. Интерпретация и смысл (структура понимания гуманитарного текста): Монография / А.В. Гижа. – Харьков: Коллегиум, 2005. – 404 с.
35. Гор А. Атака на разум / Альберт Гор; [пер. с англ. А. Богданова и К. Минковой, под ред. Ю. Акимова]. – СПб.: Амфора. ТИД Амфора, 2008. – 478. – (Серия «Личное мнение»).
36. Горгаймер М. Критика інструментального розуму / М. Горгаймер; [пер. з нім.]. – К.: ППС-2002, 2006. – 282 с. – («Сучасна гуманітарна бібліотека»).
37. Горелов Н.Н. Разговор с компьютером. Психологический аспект проблемы / Н.Н. Горелов. – М.: Наука. Гл. ред. физ.-мат. лит., 1987. – 256 с. – (Пробл. науки и техн. прогресса).
38. Грунвальд А. Техника и общество: западноевропейский опыт исследования социальных последствий научно-технического развития / А. Грунвальд; [пер. с нем. пер. с нем. Е.А. Гаврилиной, А.В. Гороховой, Г.В. Гороховой, Д.Е. Ефименко]. – М.: Логос, 2011. – 160 с.
39. Грушин Б.А. Массовое сознание: Опыт определения и проблемы исследования / Б.А. Грушин. – Политиздат, 1987. – 368 с. – (Над чем работают, о чем спорят философы).
40. Грэхэм Л.Р. Естествознание, философия и науки о человеческом поведении в Советском союзе / Л.Р. Грэхэм: Пер. с англ. – М.: Политиздат, 1991. – 480 с.: диагр., схем.
41. Гуревич П.С. Кибернавт как символ глобального мира / П.С. Гуревич // Век глобализации. – 2010. – № 2. – С. 139 - 153.
42. Гэлбрейт Дж.К. Новое индустриальное общество / Дж.К. Гэлбрейт; [пер. с англ.]. – М.: ООО «Издательство АСТ»: ООО «Транзиткнига»; СПб.: Terra Fantastica, 2004. – 602, [6] с. – (Philosophy).
43. Давыдов Ю.Н. Труд и свобода / Ю.Н. Давыдов // Труд и искусство: избранные сочинения; сост. В.В. Сапов. – М.: Астрель, 2008. – С. 23 - 122.
44. Дебор Г. Общество спектакля / Г. Дебор; [пер. с фр. С. Офертас и М. Якубович]. – М.: Изд-во «Логос», 2000. – 184 с.
45. Девтеров І.В. Людина і суспільство у кіберпросторі: автореф. дис. ... докт. філос. наук: 09.00.03 – соціальна філософія та філософія історії. – К.: НТУУ „КПІ”, 2012. – 35 с.
46. Дергачев В.А. Геоэкономика (Современная геополитика). Учебник для вузов / В.А. Дергачев. – Киев: Вира-Р, 2002. – 512 с.
47. Делез Ж. Различие и повторение / Ж. Делез / Пер с фр.; науч. Ред. Н.Б. Маньковская. – ТОО ТК «Петрополис», 1998. – 384 с.
48. Делёз Ж., Гваттари Ф. Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения / Ж.Делез, Ф.Гваттари; пер. с франц. и послесл. Д. Кралечкина; науч. ред. В. Кузнецов. – Екатеринбург: У-Фактория, 2007. – 672 с. – (Philosophy).

49. Делез Ж., Гваттари Ф. Тысяча плато: Капитализм и шизофрения / Ж. Делез, Ф. Гваттари; пер. с франц. и послесл. Я.И. Свирского; науч. ред. В.И. Кузнецов. – Екатеринбург: У-Фактория; М.: Астрель, 2010. – 895, [1] с.: ил.
50. Делягин М.Г. Мировой кризис: Общая теория глобализации: Курс лекций / М.Г. Делягин. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: ИНФРА-М, 2003. – 768 с.
51. Делягин М.Г. Драйв человечества. Глобализация и мировой кризис / М.Г. Делягин. – М.: Вече, 2008. – 528 с.
52. Джеймисон Ф. Постмодернизм, або Логіка культури пізнього капіталізму / Ф. Джеймисон; [пер. с англ. П. Дениска]. – К.: Видавництво «Курс», 2008. – 504 с.
53. Джемаль Г. Наследие Кириллова / Г. Джемаль // Чеснокова Т.Ю. Пост-человек. От неандертальца до киборга. – М.: Алгоритм, 2008. – С. 53 - 77.
54. Дери М. Скорость убегания: киберкультура на рубеже веков / М. Дери; [пер. с англ. Т. Парфеновой]. – Екатеринбург: Ультра. Культура; М.: АСТ МОСКВА, 2008. – 478, [2] с. – (Philosophy).
55. Достоевский Ф.М. Записки из подполья / Ф.М. Достоевский // Достоевский Ф.М. Повести. Рассказы / Ил. Ю.М. Игнатьева. – М.: Правда, 1985. – С. 3 - 111.
56. Друкер П.Ф. Эпоха разрыва: ориентиры для нашего меняющегося общества / П.Ф. Друкер. [пер. с англ.]. – М.: ООО «И.Д. Вильямс», 2007. – 336 с.: ил.
57. Дугин А.Г. Четвертая политическая теория. Россия и политические идеи XXI века / А.Г. Дугин. – СПб.: Амфора. ТИД Амфора, 2009. – 351 с.
58. Дэйвис Э. Техногнозис: миф, магия и мистицизм в информационную эпоху / Э. Дэйвис; пер. с англ. С. Кормильцева, Е. Бачининой, В. Харитонова. – Екатеринбург: Ультра. Культура, 2008. – 480 с. – (Philosophy).
59. Згуровський М.З. Тернистий шлях до відродження : ст. та інтерв'ю / М.З. Згуровський. – К.: Генеза, 2010. – 368 с.
60. Зерзан Дж. Словарь нигилиста / Дж. Зерзан // Зерзан Дж. Первобытный человек будущего; [составление, перевод с английского и примечания А. Шеховцова, общая редакция Д. Каледина]. – М.: Гилея, 2007. – С. 179 - 202.
61. Зиновьев А.А. Глобальный человек / А.А. Зиновьев // Зиновьев А.А. Светлое будущее: избранные сочинения. Сост. Ю.Н. Солодухина. – М.: Астрель, 2008. – С. 447 - 832.
62. Зиновьев А.А. Фактор понимания / А.А. Зиновьев. – М.: Алгоритм, Эксмо, 2006. – 528 с. – (Философский бестселлер).
63. Иванов Д.В. Глэм-капитализм / Д.В. Иванов. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2008. – 176 с.
64. Иванов Д.В. Виртуализация общества / Д.В. Иванов; Центр «Петербург. Востоковедение». – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2000. – 95, [1] с.
65. Інформаційний вплив: теорія і практика прогнозування: монографія / за ред. П.Д. Фролова; Національна акад. пед. наук України, Ін-т соц. та політ. психології. – К.: Міленіум, 2011. – 304 с.

66. Информационная эпоха: вызовы человеку / под ред. И.Ю. Алексеевой и А.Ю. Сидорова. – М.: РОССПЭН, 2010. – 335 с.
67. Информационное общество: Сб. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2004. – 507, [5] с. – (Philosophy).
68. Кагарлицкий Б. Ю. Восстание среднего класса / Б.Ю. Кагарлицкий. – М.: Ультра. Культура, 2003. – 320 с., илл.
69. Кара-Мурза С.Г. Кризисное обществоведение. Курс лекций / С.Г. Кара-Мурза. – М.: Научный эксперт, 2011. – Часть первая. – 464 с.
70. Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием/ С.Г.Кара-Мурза. – М.: Алгоритм, 2000. – 688 с.
71. Кастельс М. Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе / М. Кастельс; Пер. с англ. А. Матвеева под ред. В. Харитонов. – Екатеринбург: У-Фактория (при участии изд-ва Гуманитарного ун-та), 2004. – 328 с. (Серия «Академический бестселлер»).
72. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / М. Кастельс; Пер. с англ. под научн. ред. О.И. Шкаратана. – М.: ГУ ВШЭ, 2000. – 608 с.
73. Кастеллс М. Информационное общество и государство благосостояния: Финская модель; пер. с англ. под общ. рук. А. Калинина, Ю. Подороги / М. Кастеллс, П. Химанен. – Москва: Логос, 2002. – 219 с. : ил., табл. – (Серия VS)
74. Кемеров В.Е. Метафизика социальная // Социальная философия: Словарь. / Сост. В.Е.Кемеров, Т.Х.Керимов. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2006. – С. 248 - 251.
75. Кемеров В.Е. Постиндустриальное общество / В.Е. Кемеров // Социальная философия: Словарь. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2006. – С. 352.
76. Кожев А. Понятие власти / А. Кожев; [пер. с фр., послесловие А.М. Руткевича]. – М.: Праксис, 2006. – 192 с.
77. Киричѳк П.Н. Информационная культура общества: монография / П.Н. Киричѳк. – М.: Изд-во РАГС, 2009. – 208 с.
78. Киссинджер Г. Нужна ли Америке внешняя политика? К дипломатии для XXI века / Г. Киссинджер / Пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева – М.: Ладомир, 2002. – 352 с.
79. Князева Е.Н. «Я» как динамическая структура-процесс / Е.Н. Князева // Синергетика: человек, общество. – М.: Изд-во РАГС, 2000. – С. 78 - 90.
80. Козловски П. Культура постмодерна: Общественно-культурные последствия технического развития/ П.Козловски / Пер. с нем. – М.: Республика, 1997. – 240 с. – (Философия на пороге нового тысячелетия).
81. Колеман Д. Комитет 300 / Д. Колеман. – М.: Алгоритм, 2009. – 272 с.
82. Колин К. Глобальные проблемы информатизации общества: информационное неравенство / К. Колин // Alma Mater. – 2000. – № 6. – С. 27 - 30.

83. Коллинз Р. Четыре социологические традиции / Р. Коллинз / Перевод Вадима Россмана. – М.: Издательский дом «Территория будущего», 2009. – 317 с. – (Серия «Университетская библиотека Александра Погорельского»).
84. Кочетов Э.Г. Глобалистика: Теория, методология, практика. Учебник для вузов / Э.Г. Кочетов. – М.: Издательство НОРМА, 2002. – 672 с.
85. Крымский С.Б. Трансформация социальных стратегий на сломе тысячелетий / С.Б. Крымский // Крымский С.Б. Экспликация философских смыслов. – М.: Идея Пресс, 2006. – С. 184 - 199.
86. Кузнецова Т.В. Аксиологічні моделі мас-медійної інформації: монографія / Т.В. Кузнецова. – Суми: Університетська книга, 2010. – 304 с.
87. Кутырев В.А. Философия трансгуманизма: Учебно-методическое пособие / В.А. Кутырев. – Нижний Новгород: Нижегородский университет, 2010. – 85 с.
88. Кутырёв В.А. Человеческое и иное: борьба миров/ В.А. Кутырёв. – СПб.: Алетейя, 2009. – 264 с.
89. Куцепал С.В. Homo virtualis – людина ХХІ століття? / С.В. Куцепал // Гуманістичний вимір інформаційного суспільства: матеріали Всеукраїнської науково-практичної Інтернет-конференції [Філософські семінари. Випуск 7] / Мин-во освіти і науки, Полтавський нац. тех.. ун-т ім.. Ю. Кондратюка. – Полтава: ПолтНТУ, 2008. – С. 23 - 37.
90. Лазарев Ф.В. Современная цивилизация: ноосферно-антропологический проект / Ф.В. Лазарев // Человек и современная цивилизация. Сборник статей. – Симферополь: ДОЛЯ, 2008. – С. 11 – 42.
91. Лайон Д. Інформаційне суспільство: проблеми та ілюзії / Д. Лайон // Сучасна зарубіжна соціальна філософія. Хрестоматія: Навч. посібник / Упоряд. Віталій Лях. – К.: Либідь, 1996. – С. 362 - 380.
92. Лебедев С.А., Лазарев Ф.В. Многомерный человек: онтология и методология исследования / С.А. Лебедев, Ф.В. Лазарев. – М.: Издательство Московского университета, 2010. – 96 с.
93. Лем С. Сумма технологии: Пер. с польского / С. Лем. – М.: ООО «Издательство АСТ»; СПб.: Terra Fantastica, 2002. – 668, [4] с. – (Philosophy).
94. Леонард М. ХХІ век – век Европы / М. Леонард. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2006. – 250, [6] с. – (Philosophy).
95. Лось В.А., Урсул А.Д., Демидов Ф.Д. Глобализация и переход к устойчивому развитию. Монография / В.А. Лось, А.Д. Урсул, Ф.Д. Демидов. – М.: Изд-во РАГС, 2009. – 316 с.
96. Лугуценко Т.В. Homo virtutes в сучасному культурному просторі: автореф. дис. ... докт. філос. наук: 09.00.04 – філософська антропологія, філософія культури. – Луганськ: Східноукраїнський національний університет імені Володимира Даля, 2013. – 36 с.

97. Луман Н. Общество общества / Н. Луман / Пер. с нем. А. Глухов, О. Никифоров. – М.: Издательство «Логос», 2011. – Кн. 2: Медиа коммуникации. – С. 203 - 441.
98. Маклюэн М. Галактика Гутенберга: Становление человека печатающего / М. Маклюэн / Перевод И.О. Тюриной. – М.: Академический проект: Фонд «Мир», 2005. – 496 с. – («Концепции»).
99. Маклюэн М. Война и мир в глобальной деревне / М. Маклюэн, К. Фиоре; пер. с англ. И. Литберга. – М.: АСТ: Астрель, 2012. – 219, [5] с. – (Philosophy).
100. Маклюэн Г.М. Понимание медиа: Внешнее расширение человека / М. Маклюэн / Пер. с англ. В. Николаева; Закл. ст. М. Вавилова. – 3-е изд. – М.: Кучково поле, 2011. – 464 с.
101. Мамфорд Л. Миф машины. Техника и развитие человечества / Л. Мамфорд; [пер. с англ. Т. Азарковича, Б. Скуратова]. – М.: Логос, 2001. – 408 с.
102. Масуда Й. Гіпотеза про генезис Homo intellegens / Й. Масуда // Сучасна зарубіжна соціальна філософія. Хрестоматія: Навч. посібник / Упоряд. Віталій Лях. – К.: Либідь, 1996. – С. 335 - 361.
103. «Матрица» как философия: Эссе / Пер. с англ. О. Турухиной. – Екатеринбург: У-Фактория, 2005. – 384 с. – (Серия «Маскульт»).
104. Мей К. Інформаційне суспільство. Скептичний погляд / Пер. з англійської. – К.: „К.І.С.”, 2004. – XIV с., 220 с.
105. Меркулов И.П. Компьютерная (вычислительная) эпистемология / И.П. Меркулов // Энциклопедический словарь по эпистемологии; под ред. чл.-корр. РАН И.Т. Касавина. – М.: Альфа-М, 2011. – С. 141 -143.
106. Моисеев Н.Н. Человек и ноосфера / Н.Н. Моисеев. – М.: Мол. гвардия, 1990. – 351 [1] с., ил.
107. Молевич Е.Ф. Введение в социальную глобалистику. Учебное пособие / Е.Ф.Молевич. – Самара: Изд. Дом «БАХРАХ-М», 2007. – 160 с.
108. Муза Д.Е. Антропологический поворот XXI века: контрапункт технологии и рынка / Д.Е. Муза // Ноосфера і цивілізація. – Випуск 10-11 (12). – Донецьк: ДонНТУ, 2011. – С. 120 - 129.
109. Муза Д.Е. Глобалистика: Учебное пособие / Д.Е. Муза. – Донецк: Изд-во «Ноулидж» (Донецкое отделение), 2012. – 310 с.
110. Муза Д.Е. Информационное общество: к вопросу статусе сетевой онтологии / Д.Е. Муза, Алиева О.Г. // Ноосфера і цивілізація. – Випуск 6 (9). – Донецьк: ДонНТУ, 2008. – С. 125 - 131.
111. Муза Д.Е. Информационное общество сквозь призму власти: НЕТО-кратия или новый тоталитаризм? / Д.Е. Муза // Філософські дослідження.– Луганськ: Східноукраїнський національний університет ім. В. Даля, 2011. – Вип. 14. – С. 207 - 216.

112. Муза Д.Е. Проблема телеологии техники в философии техники В.В. Алехина / Д.Е. Муза // Збірка матеріалів круглого столу «ІІ наукові Альохінські читання» (30 травня 2012 р.). – Донецьк : ТОВ «Цифрова типографія», 2012. – С. 18 - 23.
113. Муза Д.Е. Современные трансформации системы культуры: от идеи – через технологии – к продуктам // Социально-философские проблемы культуры: монография / Л.Н.Никитин [и др.]; М-во образования и науки Украины, Донец. нац. ун-т экономики и торговли им. М. Туган-Барановского. – Донецк: [ДонНУЭТ], 2010. – С. 70 - 89, 121 - 122.
114. Назаретян А.П. Цивилизационные кризисы в контексте универсальной истории. (Синергетика – психология – прогнозирование) / А.П. Назаретян. – 2-е изд. – М.: Мир, 2004. – 367 с., илл.
115. Назарчук А.В. Этика глобализирующегося общества / А.В. Назарчук. – М.: Директмедиа Паблишинг, 2002. – 381 с.
116. Нансі Ж.-Л. Досвід свободи / Ж.-Л. Нансі / Пер. з фр., післямова та примітки О. Йосипенко. – К.: Український Центр духовної культури, 2004. – 216 с.
117. Нариньяни А.С. Между эволюцией и сверхвысокими технологиями: новый человек ближайшего будущего / А.С. Нариньяни // Вопросы философии. – 2008. – № 4. – С. 3 - 17.
118. Нейсбит Дж. Мегатренды / Дж. Нейсбит; Пер. с англ. М.Б. Левина. – М.: ООО «Издательство АСТ»: ЗАО НПП «Ермак», 2003. – 380, [4] с. – (Philosophy).
119. Нейсбит Дж. Старт! или Настраиваем ум! : Перестрой мышление и загляни в будущее / Дж. Нейсбит; пер. с англ. А. Георгиева. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2009. – 286, [2] с. – (Philosophy).
120. Нейсбит Дж. Высокая технология, глубокая гуманность: Технологии и наши поиски смысла / Дж. Нейсбит при участии Н. Нейсбит и Д. Филиппа; пер. с англ. А.Н. Анваера. – М.: АСТ: Транзиткнига, 2005. – 381, [3] с. – (Philosophy).
121. Никитин В.С. Технологии будущего / В.С. Никитин. – М.: Техносфера, 2010. – 264 с.
122. Нисбет Р. Прогресс: история идеи / Р.Нисбет ; [Пер. с англ. под ред. Ю. Кузнецова и В. Сапова]. – М.: ИРИСЭН, 2007. – 557 с.
123. Новые технологии и продолжение эволюции человека? Трансгуманистический проект будущего / Отв. ред. Валерия Прайд, А.В. Коротаев. – М.: Издательство ЛКИ, 2008. – 320 с.
124. Окинавская Хартия глобального информационного общества // Режим доступа: www.iis.ru/library/okinawa/charter.ru.html
125. Осипов Г.А. Механизм деградации общества / Г.А. Осипов. – М.: Научный мир, 2005. – 162 с.
126. Поппер К.Р. Открытое общество и его враги / К.Р. Поппер. Пер. с англ. под ред. В.Н. Садовского. – М.: Феникс, Международный фонд «Культурная инициатива», 1992. – Т.2. Время лжепророков: Гегель, Маркс и другие оракулы. – 528 с.

127. Попов В.Г. Инженер и технократическая идеология / В.Г. Попов. – Макеевка, 2006. – 23 с. – (Библиотечка куратора).
128. Почепцов Г.Г., Чукут С.А. Інформаційна політика: Навч. посіб. / Г.Г. Почепцов, С.А. Чукут. – 2-е вид., стер. – К.: Знання, 2008. – 663 с. – (Вища освіта ХХІ століття).
129. Почепцов Г. Психологические войны / Г. Почепцов. – М.: «Рефл-бук»; К.: «Ваклер», 2000. – 528 с.
130. Ракизов А.И. Философия компьютерной революции / А.И. Ракизов. – М.: Политиздат, 1991. – 287 с.
131. Ратцингер Й. Чем держится мир. Дополитические моральные основы либерального государства / Й. Ратцингер // Хабермас Ю., Ратцингер Й. (Бенедикт XVI). Диалектика секуляризации. О разуме и религии [пер. с нем.]. – М.: ББИ св. апостола Андрея, 2006. – С. 77 - 107.
132. Рашкофф Д. Медиавирус. Как поп-культура тайно воздействует на ваше сознание / Д. Рашкофф: Пер. с англ. Д. Борисова. — М.: Ультра. Культура, 2003. – 368 с., илл.
133. Розин В.М. Понятие и современные концепции техники / В.М. Розин. – М.: ИФ РАН, 2006. – 255 с.
134. Рорти Р. Релятивизм: найденное и сделанное / Р. Рорти // Философский прагматизм Ричарда Рорти и российский контекст / Отв. ред. А.В. Рубцов. – М.: «Традиция», 1997. – С. 11 - 44.
135. Севбо-Белецкая И.П. У порога иного бытия / И.П. Севбо-Белецкая. – К.: «Пролог», 2008. – 488 с.
136. Силаева В.Л. Подмена реальности как социокультурный механизм виртуализации общества: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11 – Социальная философия. – М.: МГТУ им. Н.Э. Баумана, 2004. – 19 с.
137. Скворцов Л.В. Информационная культура и цельное знание / Л.В. Скворцов. – М.: Издательство МБА, 2011. – 440 с. – (Humanitas).
138. Славин Б.Б. Манифест информационного общества / Б.Б. Славин. – М.: «Бланком», 2010. – 44 с.
139. Славин Б.Б. Эпоха коллективного разума: О роли информации в обществе и коммуникационной природе человека / Б.Б. Славин. – М.: ЛЕНАНД, 2013. – 320 с.
140. Смирнов И.П. Кризис современности / И.П. Смирнов. – М.: Новое литературное обозрение, 2010. – 296 с.
141. Современное политическое сознание в США / Отв. ред. Э.Я. Баталов. – М.: Наука, 1980. – 446 с.
142. Sommer D.C. Мораль ХХІ века / Д.С. Соммер. – М.: ООО Изд. дом «София», 2004. – 528 с.
143. Сорос Дж. Эпоха ошибок. Мир на пороге глобального кризиса / Дж. Сорос; [пер. с англ. А. Денисов]. – М.: Альпина бизнес букс, 2008. – 201 с.
144. Столяров А.М. Освобожденный Эдем / А.М. Столяров. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ; СПб.: Terra Fantastica, 2008. – 414, [2] с. – (Philosophy).

145. Столяров А.А. Информационное общество будущего и современность // Режим доступа: www.stolyarov.info/books/infosoc
146. Стоуньер Т. Информационное богатство: профиль постиндустриального общества / Т.Стоуньер // Новая технократическая волна на Западе. – М.: Прогресс, 1986. – С. 392 – 409.
147. Социальная психология. 7-е изд. / Под ред. С. Московичи. – СПб.: Питер, 2007. – 592 с.: ил. – (Серия «Мастера психологии»).
148. Субетто А.И. Начала теории социального менеджмента качества (ноосферно-социальная парадигма) / А.И. Субетто / Под науч. ред. засл. деятеля РФ, д. э. н., профессора В.Н. Бобкова. – СПб.: Астерион, 2012. – 264 с.
149. Табачковський В.Г. Полісутнісне homo: філософсько-мистецька думка в пошуках „неевклідової рефлексивності” / В.Г. Табачковський. – К.: Видавець ПАРАПАН, 2005. – 432 с.
150. Тейяр де Шарден П. Феномен человека / П. Тейяр де Шарден; [Пер. с фр. Н.А. Садовского; Предисл. и комм. Б.А. Старостина]. – М.: Главная редакция изданий для зарубежных стран издательства «Наука», 1987. – 240 с.
151. Тоффлер О. Метаморфозы власти / Э. Тоффлер; пер. с англ. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2004. – 669, [3] с. – (Philosophy).
152. Тоффлер Э. Революционное богатство / Э. Тоффлер, Х. Тоффлер. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ПРОФИЗДАТ, 2008. – 596, [1] с. – (Philosophy).
153. Тоффлер Э. Третья волна / Э. Тоффлер. – М.: ООО «Фирма «Издательство АСТ», 1999. – 784 с. – (Классическая философская мысль).
154. Тоффлер А. Футурошок / А. Тоффлер; [пер. с англ.]. – СПб.: Лань, 1997. – 464 с.
155. Трифонова М.К. Наука. Образование. Человек : монография / М.К. Трифонова. – Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2012. – 474 с.
156. Тугаринов В.П. Философия сознания / В.П. Тугаринов. – М.: «Мысль», 1971. – 199 с.
157. Украинцев Б.С. Процессы самоуправления и причинность / Б.С. Украинцев // Вопросы философии. – 1968. – № 4. – С.36 - 46.
158. Урсул А.Д. Информация. Методологические аспекты / А.Д. Урсул. – М.: Наука, 1971. – 295 с.
159. Уэбстер Ф. Теории информационного общества / Ф. Уэбстер; Пер. с англ. М.В. Арапова, Н.В. Малыхиной; Под ред. Е.Л. Варгановой. – М.: Аспект Пресс, 2004. – 400 с.
160. Флорида Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее / Р. Флорида; [пер. с англ. А. Константинова]. – М.: Издательский дом «Классика-XXI», 2011. – 432 с.
161. Фрейре П. Формування критичної свідомості / П. Фрейре; [з англ. пер. О. Дем'янчук]. – К.: Юніверс, 2003. – 176 с.

162. Фролов И.Т. Перспективы человека: Опыт комплексной постановки проблемы, дискуссии, обобщения / И.Т. Фролов. – 2-е изд., переработ. и доп. – М.: Политиздат, 1983. – 350 с.
163. Фромм Э. «Иметь» или «быть» / Э. Фромм. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2008. – 314, [6] с.
164. Фридман М. Следующие 100 лет: прогноз событий XXI века / М. Фридман; [пер. с англ. А. Калинина, В. Наричи. М. Мацковской]. – М.: Эксмо, 2010. – 336 с. – (Библиотека Коммерсантъ).
165. Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое будущее: Последствия биотехнологической революции/ Ф. Фукуяма. – М.: ООО «Издательство АСТ»: ОАО «ЛЮКС», 2004. – 349, [3] с. – (Philosophy).
166. Хардт М., Негри А. Империя / М. Хардт, А. Негри / Пер. с англ. под ред. Г.В. Каменской, М.С. Фетисова. – М.: Практикс, 2004. – 440 с.
167. Хабермас Ю. Будущее человеческой природы. На пути к либеральной евгенике? / Ю.Хабермас // Хабермас Ю. Будущее человеческой природы; [пер. с нем.]. – М.: Издательство «Весь мир», 2002. – С. 11 – 114.
168. Хабермас Ю. Техника и наука и как идеология / Ю. Хабермас // Хабермас Ю. Техника и наука как «идеология» / Пер. с нем. М.Л. Хорькова. – М.: Практикс, 2007. – С. 50 - 116.
169. Хаггер Н. Синдикат. История мирового правительства / Н. Хаггер. – М.: Алгоритм, 2011. – 496 с. – (Исторический триллер).
170. Хайдеггер М. Письмо о гуманизме / М. Хайдеггер // Проблема человека в западной философии: Переводы / Сост. и предисл. П.С. Гуревича; общ. ред. Ю.Н. Попова. – М.: Прогресс, 1988. – С. 314 - 356.
171. Хайтун С.Д. Социум против человека: Законы социальной эволюции / С.Д. Хайтун. – Изд. 2-е. – М.: КомКнига, 2010. – 336 с.
172. Хейзинга Й. Homo ludens / Й. Хейзинга // Хейзинга Й. Homo ludens. В тени завтрашнего дня: Пер. с нидерл. / Общ. ред. и послесл. Г.М. Тавризян. – М.: Изд. группа «Прогресс», «Прогресс-Академия», 1992. – С. 5 – 240.
173. Ходынская-Голенищева М.С. «Ливийский урок». Цель оправдывает средства? / М.С. Ходынская-Голенищева. – М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2013. – 256 с.
174. Холод О.М. Комунікаційні технології: [текст] підручник / О.М. Холод. – К.: «Центр учбової літератури», 2013. – 212 с.
175. Холопов А.В. Человек в условиях информационной агрессии // Режим доступа: http://youtu.be/1B_5t656d4M
176. Хорост М. Всемирный разум / М. Хорост; [пер. с англ. В. Дудникова]. – М.: Эксмо, 2011. – 288 с.
177. Хоружий С.С. О старом и новом / С.С. Хоружий. – СПб.: Алетейя, 2000. – 477 с.

178. Чернов А.А. Становление глобального информационного общества: проблемы и перспективы / А.А. Чернов. – М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К°», 2003. – 232 с.
179. Чубайс И.Б. Россия и Европа: идейно-идентификационный анализ / И.Б. Чубайс // Вопросы философии. – 2002. – № 10. – С. 29 - 44.
180. Шапиро Р. Прогноз на будущее / Р. Шапиро; [пер. с англ. М. Жуковой]. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2009. – 537, [7] с. – (Philosophy).
181. Шаповалов В.Ф. Философия науки и техники: О смысле науки и техники и о глобальных угрозах научно-технической эпохи / В.Ф. Шаповалов. – М.: ФАИР-ПРЕСС, 2004. – 320 с.
182. Щедровицкий Г.П. «Естественное» и «искусственное» в социотехнических системах / Г.П. Щедровицкий // Щедровицкий Г.П. Избранные труды. – М.: Шк. Культ. Политики, 1995. – С. 437 - 448.
183. Щокін Г.В. Закони соціального розвитку і управління / Г.В. Щокін. – К.: МАУП, 2006. – 192 с.: іл..
184. Эриксен Т.Х. Тирания момента. Время в эпоху информации / Т.Х. Эриксен / Пер. с норв. – М.: Издательство «Весь мир», 2003. – 208 с.
185. Этциони А. Масштабная повестка дня. Перестраивая Америку до XXI века / А. Этциони // Новая технократическая волна на Западе. – М.: Прогресс, 1986. – С. 293 - 315.
186. Эшби У.Р. Введение в кибернетику / У.Р. Эшби / [пер. с англ.]. – М.: Иностранная литература, 1959. – 432 с.
187. Beck U. Vynalézání politiky. K teorii reflexivní modernizace / U. Beck. – Praha: Sociologické nakladatelství, 2007. – 273 s.
188. Bell D. The End of Ideology: On the Exhaustion of Political Ideas in the Fifties. – Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2000. – 501 p
189. Dijk J.A.M. van. The Network Society. – Thousand Oaks, CA: Sage Publications Ltd, 1999. – 272 p.
190. Drecsler E. Engines of Creation: The Coming Era of Nanotechnology / E. Drecsler. – N.Y.: Anchor Books, 1986. – 255 p.
191. Castells M. Networks of Outrage and Hope: Social Movements in the Internet Age. – Cambridge: Polity Press, 2012. – 200 p.
192. Moravec H. Mind Children: Epy Future of Robot and human Intelligence. – Cambridge: Harvard University Press, 1988. – 214 p.
193. The Network Society: From Knowledge to Policy [(M. Castells (Ed.), G. Cardoso (Ed.)]. – Washington DC: Center for Transatlantic Relations; The Johns Hopkins University, 2006. – 434 p.
194. Robertson, D.S. Phase Change: The Computer Revolution in Science and Mathematics. – Oxford: Oxford University Press (UK), 2003. – 286 p.

Научное издание

Муза Дмитрий Евгеньевич

**Информационное общество:
притязания, возможности, проблемы.
Философские очерки.**

Корректор: Яненко А.

В оформлении обложки использован материал сайта:
<http://www.donbass-info.com/content/view/3226/3233/>

Подписано к печати 11.09.13. Формат 60x84 1/16. Бумага офсетная.
Тираж 300 экз. зак. №157.

Издательство «Адверта»
Идентификатор издателя в системе ISBN: 7029
тел. 798-47-22, 063-401-55-03
49000, Днепропетровск, а/я 1212

Отпечатано на базе издательско – полиграфического центра
«Адверта»
49000, Днепропетровск, а/я 1212,
www.adverta.com.ua